В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

10 • 1978

■ В гостях у строителей БАМа пионеры Приморского края.

■ Хорошеет, строится Комсомольск-на-Амуре.

■ Студенты Хабаровского политехнического института на трудовом семестре.

■ Знатный дальневосточный строитель (г. Хабаровск) Гавриил Григорьевич Хандожко часто встречается с молодежью.

■ Комсомольцы на одной из строек Дальнего Востока.

■ Студенческий стройотряд готов выполнить задание.

■ В цехе завода «Амурсталь».

Фото В. Опалина

НАУКА И РЕЛИГИЯ 10·78

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

В октябре этого года все советские люди отмечают знаменательную дату — 60-летие Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи. В историю социалистической Родины комсомольцы вписали множество ярких, немеркнущих страниц. Выступая на XVIII съезде ВЛКСМ, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Возраст комсомола вполне зрелый. Но дух его всегда молод. Ленинский комсомол — боевой помощник и надежный резерв партии. У партии вы черпаете огромный, выверенный опыт для всей деятельности вашего союза. И это естественно. Ведь у партии и комсомола одна цель — коммунизм, и путь тоже один — это путь Ленина, путь служения народу.

Вам предстоит довести до полной победы великое дело, начатое вашими дедами и отцами. Будьте же достойной их сменой, высоко несите знамя коммунизма!»

Молодые строители нового общества все свои силы, знания, энергию отдают этому святому делу. Миллионы юношей и девушек беззаветно сражались на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн за дело Октября, миллионы самоотверженно трудились и трудятся на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, на великих стройках, овладевают знаниями и культурой, столь необходимыми созидателями коммунистического общества. Комсомольцев можно встретить везде, где проходят самые передовые позиции фронта коммунистического строительства, где нужны стойкость и мужество, горячие сердца и романтический порыв, преданность делу и энтузиазм.

На второй странице нашей обложки и на страницах 8—9 этого номера помещены фотографии, рассказывающие о жизни и труде молодых граждан Страны Советов.

На второй странице обложки — комсомольцы на стройках Дальнего Востока. Это о них, о таких же юношах и девушках говорил на XVIII съезде комсомола товарищ Л. И. Брежнев, что эта великолепная молодежь «согревает климат этих мест теплом своих преданных сердец». И на страницах 8—9 журнала — тоже молодые строители коммунизма. Они строят заводы, создают автомобили, управляют сложнейшей автоматикой... У них очень много дел и не меньше радостей, которые дают творческий труд и отдых, общение с товарищами, вся их наполненная высоким смыслом и устремлениями жизнь.

Если фотографии второй страницы обложки говорят о труде молодых, то фотографии на третьей ее странице рассказывают об одном из примеров того, чем наполнен их отдых, свободное время. В этом номере проблемам свободного времени, его воспитательной роли посвящены статьи Р. Васильевского «Пространство для развития личности», В. Харазова «Поклонение Терпсихоре» и заметка А. Дымова «Взглянуть на мир и удивиться».

Внизу — рисунки самодеятельных художников: О. Леонова (Винницкая область). Каравай. М. Агапов (Каракалпакская АССР). Выпечка лепешек.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»
Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

КОНСТИТУЦИЯ

Прошел год с того знаменательного, ставшего всенародным праздником дня — 7 октября 1977 года, когда внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР приняла новую Конституцию нашей страны — Основной Закон жизни развитого социалистического общества.

В заключительном слове на сессии товарищ Л. И. Брежнев так охарактеризовал тогда историческое значение этого события: «Пройдут годы, десятилетия, но этот октябрьский день навсегда останется в памяти народной как яркое свидетельство подлинного торжества ленинских принципов народовластия. И чем дальше будет продвигаться наше общество вперед по пути к коммунизму, тем полнее будут раскрываться отраженные в новой Конституции огромные творческие возможности социалистической демократии — власти народа, власти в интересах народа».

Первый год, прожитый Советской страной по новому Основному Закону, стал наглядным, убедительным подтверждением этих слов. Конституция действует, живет, работает, ею руководствуются в повседневной практике государственные органы, общественные организации, все граждане нашей страны. Каждый день приносит нам новые и новые свидетельства огромных творческих возможностей социалистического народовластия, все полнее и глубже входят в нашу государственную, производственную, общественную жизнь положения новой Конституции, которая не только законодательно закрепила всемирно-исторические итоги 60-летней истории Социалистического государства, но и определила перспективы дальнейшего его продвижения к коммунизму.

За минувший год много сделано для осуществления широкой программы проведения в жизнь нового Основного Закона СССР, проведена большая работа по конституционному оформлению государственной и общественной жизни зрелого социализма, по созданию фундамента всей системы законодательства общенародного государства.

Прежде всего это — принятие новых конституций всеми союзными республиками нашей страны. В Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии, Узбекистане, Казахстане, Грузии, Азербайджане, Литве, Молдавии, Латвии, Киргизии, Таджикистане, Армении, Туркмении, Эстонии прошли внеочередные сессии Верховных Советов, принявшие новые конституции этих республик — в соответствии с Основным Законом Союза ССР и в то же время с учетом исторически сложившихся особенностей каждой республики. Приняты новые конституции также во всех автономных республиках.

Обсуждение, подготовка к принятию и само законодательное оформление новых конституций союзных и автономных республик проходили как всенародная политическая кампания, в которую было вовлечено практически все население страны. Состоялись сотни тысяч собраний, на которых обсуждались проекты конституций. В этих собраниях приняли участие многие десятки миллионов человек, внесены десятки тысяч предложений, многие из которых учтены в статьях новых конституций, другие реализуются в повседневной работе партийных, советских, хозяйственных органов.

Принятие нового Основного Закона Союза ССР, новых конституций союзных и автономных республик дало могучий стимул дальнейшему развертыванию социалистической демократии, упрочению дружбы народов нашей многонациональной страны, повышению политической и деловой активности советских людей, совершенствованию всей работы по их коммунистическому воспитанию.

Новым закономерным этапом дальнейшего развития политической системы советского общества, нашего общенародного государства стала состоявшаяся в июле нынешнего года девятая сессия Верховного Совета СССР, принявшая важные правовые акты: Закон о Совете Министров СССР, Закон о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров, Закон о выборах в Верховный Совет СССР. Разработанные в соответствии с установками Конституции СССР, развивающие и конкретизирующие ее положения, эти новые законы направлены на дальнейшее укрепление правовой основы нашей государственной и общественной жизни, на развитие социалистической демократии, осуществление последовательной мирной внешней политики социалистического государства.

В новых законах подчеркнута руководящая роль Коммунистической партии в решении всех политических и социально-экономических задач нашей страны. Еще одним ярким свидетельством этому стал июльский Пленум ЦК КПСС, наметивший пути дальнейшего развития сельского хозяйства, увеличения производства продуктов питания, повышения благосостояния советских людей.

Этой же цели — благу народному — служит и планомерно осуществляемое в нашей стране совершенствование законодательства. За последние годы принят ряд важных общегосударственных правовых актов — о статусе депутатов Советов народных депутатов; о дальнейшем улучшении охраны природы и рациональном использовании природных ресурсов; о народном образовании; о пенсиях колхозникам; об охране и использовании памятников истории и культуры; о семье и браке и другие. На очереди принятие законов о гражданстве, об основах жилищного законодательства, закрепление в нормативных актах прав трудовых коллективов, обязанностей родителей по воспитанию и обучению детей и т. д.

ДЕЙСТВУЕТ, ЖИВЕТ, РАБОТАЕТ

Развивается, совершенствуется советское законодательство, все больше заботы проявляют партийные, государственные, общественные организации о строгом и неуклонном его выполнении. Этот закономерный процесс не может не сопровождаться, не подкрепляться и большой многообразной разъяснительной, воспитательной, идейно-политической работой.

На сессии Верховного Совета СССР, принявшей новую Конституцию, товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мы хотим, чтобы граждане СССР хорошо знали свои права и свободы, пути и методы их осуществления, чтобы они умели применять эти права и свободы в интересах строительства коммунизма, ясно понимали их неразрывную связь с добросовестным выполнением своих гражданских обязанностей. Содействовать этому, помогать выработке высокой политической культуры у каждого гражданина — важная задача партийных, государственных и общественных организаций, ответственных за коммунистическое воспитание трудящихся».

Формирование у всех советских граждан социалистического правосознания, правовой культуры, глубокого уважения к закону — важнейшая составная часть всего комплекса работы по коммунистическому воспитанию советских людей; и в связи с принятием новой Конституции, в связи с совершенствованием всего законодательства роль и значение правового воспитания неизмеримо возрастают. Его задача — ярко, убедительно, доходчиво показывать подлинный демократизм социалистического строя, раскрывать глубокий гуманизм конституционных норм и всего нашего законодательства, разъяснять и популяризировать законы, воспитывать уважение к ним, потребность неукоснительно соблюдать их, добиваться того, чтобы каждый советский человек воспринимал гарантированные ему Конституцией права и свободы в неотрывном единстве со своими гражданскими обязанностями.

Успех в этом нелегком, но насущно важном деле может быть достигнут только при том условии, если будет выполнено требование комплексного подхода к постановке всего дела воспитания трудящихся — обеспечено тесное единство правового воспитания с воспитанием идейно-политическим, патриотическим, интернациональным, нравственным, трудовым, — со всеми другими направлениями воспитательного комплекса.

Обо всем этом мы говорим здесь так подробно потому, что правовое воспитание многими своими аспектами соприкасается и с воспитанием атеистическим, в правовой пропаганде присутствуют ясно выраженные атеистические моменты. Речь идет прежде всего о том, что в систему социалистической демократии, в широкий комплекс гарантированных нашей Конституцией прав и свобод органически входит и свобода совести — право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Разъяснять всем гражданам — и верующим и неверующим — это право, гарантированное статьей 52 Конституции СССР, — долг пропагандистов как правовых, так и атеистических знаний.

Такой же долг и тех и других — проводить лекции и беседы по вопросам закрепленного в Конституции отделения церкви от государства и школы от церкви, о существующем в нашей стране законодательстве, касающемся прав и деятельности религиозных организаций и обществ верующих — от ленинского Декрета о свободе совести 1918 года до последних законодательных актов по этим вопросам.

Весьма важно разъяснять записанное в Конституции запрещение возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями, а также разоблачать и опровергать лживые измышления враждебной пропаганды о мнимых «преследованиях», которым будто бы подвергаются религиозные организации и верующие в нашей стране.

И пропагандисты атеизма, и пропагандисты правовых знаний найдут в нашем журнале различные материалы по всем перечисленным здесь вопросам. В частности, по проблемам социалистической демократии и свободы совести журнал опубликовал в этом году статьи: председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР В. А. Куроедова «Торжество ленинских принципов свободы совести» (№ 1); кандидата философских наук А. С. Иванова «Важная сторона ленинского идейного наследия» (№ 4) и «Ленин о марксистском подходе к религии и церкви» (№ 6); доктора философских наук М. П. Новикова «Свобода совести и духовная эмансипация личности» (№ 8). В этом номере читатель найдет статью «Свобода совести в первых законодательных актах Советского государства». В ближайших планах редакции новые публикации по этой теме: «Развитие конституционного законодательства и свобода совести», «Свобода совести и советское законодательство о религиозных культах» и другие.

На сессии Верховного Совета СССР, принявшей новый Основной Закон нашего государства, товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Мы создали Конституцию не для декорации. Она должна выполняться и будет выполняться во всех ее частях. Она должна стать и она станет мощным средством дальнейшего развития и углубления социалистической демократии».

Прошедший год стал ярким, наглядным подтверждением правоты этих слов.

хозяева земли

А. МАКСИМОВ

Если бы нужно было подбирать эпитет к нынешнему году — слово, лучше всего характеризующее его, я выбрал бы, пожалуй, *комсомольский*. Наша Родина отмечает праздник молодости — 60-летие Ленинского комсомола. И все мы в мыслях оборачиваемся к апрелю, когда в Москве проходил XVIII съезд ВЛКСМ.

Помню, в дни работы съезда я видел, как расходились вечером делегаты после очередного заседания. Они шли мимо кремлевской стены, по площади имени 50-летия Октября. Молодые, красивые хозяева земли шли уверенно, твердо по самым древним местам столицы. Я вглядывался в их лица, деловые и радостные одновременно. И подумал тогда: ведь и делегаты предыдущих семнадцати съездов тоже шли здесь, мимо этих древних, но не стареющих стен. А потом представил, какой огромной была бы колонна делегатов всех комсомольских съездов. Воистину, это была бы великая колонна. И впереди нее, думаю, шли бы те, кто слышал речь Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ. Это им говорил Владимир Ильич: «...Нужно, чтобы Коммунистический союз молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами».

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ:

«Почетная обязанность ВЛКСМ — участвовать в освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, сооружении Байкало-Амурской магистрали, Братско-Усть-Илимского, Саянского, Павлодар-Экибастузского, Южно-Якутского территориально-производственных комплексов...»

...На площади делегаты съезда рассаживались по автобусам и разъезжались. Потом они вновь собирались в Кремлевском Дворце. А затем...

Из всех дорог я верен лишь одной —
Той, что звала не в горы и не в город,
А прямо привела на Уренгой...

Это строки не из поэтического сборника, а из путевого блокнота. Написал их поэт Михаил Велимир — один из тех, кто вместе с отрядом имени XVIII съезда ВЛКСМ поехал в Тюмень — край, который, как сказал на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, «всего за десять лет мы превратили... в главную нефтяную базу страны».

Листая подшивку «Комсомолки», я как бы окунаюсь в ритм стройки, знакомлюсь, как работают сегодня на Тюменщине делегаты съезда...

Александр Эрвье, известный геолог, вырос в Тюменском крае, в семье первооткрывателя тюменской нефти. Он пошел по стопам отца.

Владимир Степанович Повх. Окончил Губкинский институт и приехал в Нижневартовск. Каждому в Тюменской области эта фамилия знакома. Потому что отец его, Степан Ананьевич, был знаменитейшим мастером бурения, организатором первой на крупнейшем месторождении комсомольско-молодежной буровой бригады. И потому еще, что руководит Владимир Степанович десятками буровых бригад Повховского месторождения.

Трудовые династии — знамение нашего времени... Но среди делегатов съезда комсомола было немало и тех, кто принял трудовую эстафету не от отцов, а от наставников, старших товарищей, ветеранов, отдающих душу воспитанию достойной смены.

Девчонкой пришла на алма-атинское производственное трикотажное объединение имени Ф. Э. Дзержинского Светлана Шалимова. Многого не умела. Помогла ей С. Ауельбаева, известный в городе человек, депутат городского Совета народных депутатов. Раньше Светлана обслуживала три станка, теперь — пять. Товарищи оказали ей высокое доверие — послали своим представителем в горсовет. Сейчас Светлана заседает там вместе со своей наставницей.

Развивается и коллективное наставничество. Инициатором его выступила бригада коммунистического труда шахты «Юбилейная» Кемеровской области, возглавляемая

своей

Героем Социалистического Труда, членом Президиума Верховного Совета СССР Геннадием Николаевичем Смирновым. Этот трудовой коллектив, добившись рекордной выработки — миллион тонн угля в год, взял шефство над комсомольско-молодежной бригадой Евгения Мусохранова и помог ей достичь такого же рубежа. Делегат XVIII съезда ВЛКСМ Мусохранов тоже удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Вдумайтесь! От человека к человеку, от поколения к поколению передаются опыт, мастерство. Факел славы, зажженный старшими, передается младшим по их делам. Труд — вот главный критерий, по которому судят о человеке в нашей стране, и старшие делают все, чтобы вместе с ними уважение народа разделили молодые.

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ:

«Совершенствовать практику общественного призыва юношей и девушек в районы новостроек. В первую очередь направлять строителей, монтажников, шоферов, буровиков и других специалистов. Формировать ударные строительные отряды».

От перрона столичного вокзала отошел поезд... За окном мелькают города, поселки, поля... Отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ едет на строительство БАМа.

«Весь народ строит БАМ, — сказал на съезде первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов. — БАМ — стал не просто стройкой, это символ нашего времени».

Комиссар отряда, отправившегося из Кремлевского Дворца съездов на БАМ, — Александр Рябков. Он строит БАМ с 1975 года. За эти годы стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады, лауреатом премии Ленинского комсомола.

Всякое было за это время... Ломалась техника, а люди — нет. И не потому, что железную дорогу строят железные люди, просто у них есть вера и убежденность в необходимости для Родины того, что они делают.

Прочно вошли в нашу жизнь слова — «школа БАМа». Много людей уже прошли ее, еще больше — проходят. Школа БАМа — это не просто школа труда и умения преодолевать трудности, это и школа коллективизма, товарищеской взаимопомощи, комсомольского братства, школа формирования активной жизненной позиции, духовного мира человека коммунистического общества.

Человек и коллектив! Немало было сказано об их взаимоотношениях на XVIII съезде ВЛКСМ. Решив эту проблему, мы успешно решим и наши социально-экономические задачи.

Говорят, коллектив отвечает за человека, — это верно, конечно. Но прежде всего человек отвечает за коллектив. Понятие социальной ответственности рождается именно тогда, когда каждый, находясь среди друзей, единомышленников, живет их думами и заботами. В нашей стране, в этом большом, исчисляемом сотнями миллионов людей, коллективе, выбираем себе несколько десятков людей и вместе с ними начинаем делать дело — часть общего Дела. Именно такого, с большой буквы. И если на БАМе такие дружные комсомольские бригады, то только потому, что все вместе и каждый в отдельности делают общее большое Дело.

Из речи Л. И. Брежнева на XVIII съезде ВЛКСМ:

«Одна из важнейших примет сегодняшнего дня нашей Родины — борьба за эффективность и качество. Это — не временная кампания. Это — курс партии, взятый, как говорится, всерьез и надолго. В этом не только ключевая задача текущей пятилетки, но и определяющий фактор нашего экономического и социального развития на многие годы вперед. В этом, если хотите, и программа воспитания целого поколения советских людей».

Воспитание трудом было и всегда останется у нас самым главным средством формирования нового человека. Можно смело сказать, что оно стало в Советской стране традицией. Традицией, начатой поколением Ленина и живущей поныне.

...Пришел на Минский автомобильный завод парень, Виктор Преснаков. Пришел не рекорды бить — работать. Честно, самоотверженно, просто, не думая о себе. И родились у него рекорды. Сейчас делегат XVIII съезда ВЛКСМ Виктор Преснаков — член ЦК ЛКСМ Белоруссии. После съезда его бригада трудится с новым подъемом. Тот творческий заряд, который получил на съезде бригадир, передался всем. Впереди у них, я уверен, — новые рекорды.

Один маленький штришок в портрете бригады. Она с гордостью носит звание «Бригада имени 30-летия Победы». Есть такие слова — «память сердца». Это не просто слова, это и ответственность, долг перед прошлым народа. И потому зачислен в бригаду погибший на войне солдат — Герой Советского Союза Иван Кабушкин. И за него трудятся ребята, и его вклад есть в их делах.

Той же памятью сердца мы вновь возвращаемся к речи Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ. Слова, сказанные вождем революции, не устаревают, потому что в них заложена программа деятельности каждого комсомольца, каждого советского молодого человека.

Вспоминаю, как читал и перечитывал эту речь в школе и в вузе. И все время ловил себя на том, что постоянно находил в ней что-то новое, нужное, крайне необходимое. И сейчас, в преддверии юбилея комсомола, вчитываясь в ленинские строки, понимаю, насколько актуальны они сегодня.

Откройте еще раз эту небольшую брошюру. Прочтите внимательно. Подумайте!..

«Мы должны всякий труд... построить так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок. Надо, чтобы Коммунистический союз молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде».

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ:

«Первоочередная задача Ленинского комсомола — мобилизация молодежи на осуществление аграрной политики КПСС, программы социально-экономического развития села...»

Они стоят, а за ними — поле пшеницы. Такими их часто изо-

бражают на фотографиях: тружеников села — молодых председателей колхозов и доярок, шоферов и трактористов, агрономов и мелиораторов...

Мы приходим в магазин и привычно берем с прилавка мягкий батон хлеба или пакет картошки. И очень редко думаем о людях, которые вырастили их для нас. А они о нас думают постоянно.

Делегат XVIII съезда Люба Лучинец из Московской области. Ее профессия — мастер зимних теплиц. Теплица занимает немного места — не больше садового участка, зато урожай, который она снимает здесь, измеряется тоннами.

Сергей Гончаров — зоотехник колхоза «Победа» (Курганской обл.). Как и Люба Лучинец, был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Секретарь комсомольской организации колхоза, он думает и о людях, для которых работает. И о тех, с кем работает, тоже заботится — такая уж у него общественная должность. И такая душа...

Заботиться!.. Забота!.. Может быть, это главные слова, определяющие жизнь человека на селе. Здесь нет беззаботных. Без забот на селе невозможно. Потому что на плечах сельского труженика лежит ответственность за урожай страны, потому что ему органически присуще чувство сопричастности общему делу.

Социальная ответственность! Ответственность за дело, которое делаешь, за мир, в котором живешь. Ответственность за себя в этом деле и в этом мире. Это черты любого советского труженика, где бы он ни работал: на селе ли, в городе.

Сельская работа, пожалуй, самая мирная на земле. Миша Мороз из Витебской области так и не стал хлеборобом, он был еще слишком молод, чтоб носить это звание. Но он совершил подвиг — отвел от людей смерть ценой собственной жизни и потому стал истинным, настоящим хлеборобом. Михаил Мороз включен в комсомольско-молодежный экипаж колхоза «Прогресс». На поле его имени растет пшеница...

А сколько среди хлеборобов еще таких же ребят, готовых в любую минуту совершить подвиг? Это от их имени говорил на XVIII съезде ВЛКСМ Б. Н. Пастухов: «Обращаясь к ветеранам колхозного строительства, к нашей родной партии, мы говорим, что комсомольцы, юноши и девушки отдадут все свои силы, энергию, энтузиазм, чтобы еще активней участвовать в решении важнейшей общенародной задачи — подъема сельскохозяйственного производства».

И это не просто слова. Под этими строками подписалась вся комсомолия села.

Сейчас, когда мы встречаем праздник 60-летия Ленинского комсомола, когда советская молодежь учится и трудится, выполняя решения XVIII съезда ВЛКСМ, мы вновь и вновь обращаемся к речи Ленина на III съезде РКСМ:

«Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союзов молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали...»

Немало проблем, связанных с воспитанием подрастающего поколения, было обсуждено на съезде комсомола.

Говорят, как-то к Макаренко, уже известному педагогу и писателю, пришла молодая мать и спросила: «С каких лет, по-вашему, нужно начинать воспитание? Вот у меня сын родился...» «Сколько ему?» — поинтересовался великий педагог и, узнав, что мальчику два месяца, сказал: «Вы уже опоздали на 60 дней». Это, конечно, гипербола. Но ясно одно — воспитание человека нужно начинать с самого раннего возраста.

Вот мы рассказываем о делегатах комсомольского съезда, о знатных людях страны, о тех, кем по праву гордимся. Где они росли, где воспитывались? В советской семье, в советской школе. Именно здесь получает человек нравственную закалку, первые навыки творческого подхода к труду.

Мне повезло. У меня была прекрасная учительница — Людмила Дмитриевна Жадченко. О ней рассказала «Комсомольская правда», и потом к Людмиле Дмитриевне приходили письма с просьбой поделиться опытом. «А какой опыт? — удивляется она, — нужно просто детей любить...»

Очень просто, не правда ли?!

Наша школа должна воспитывать молодежь в духе высокой коммунистической идейности и морали. Коммунистическое воспитание — одна из главных составных программы строительства коммунизма. И не только в школе воспитывается у нас молодежь...

Из резолюции XVIII съезда ВЛКСМ:

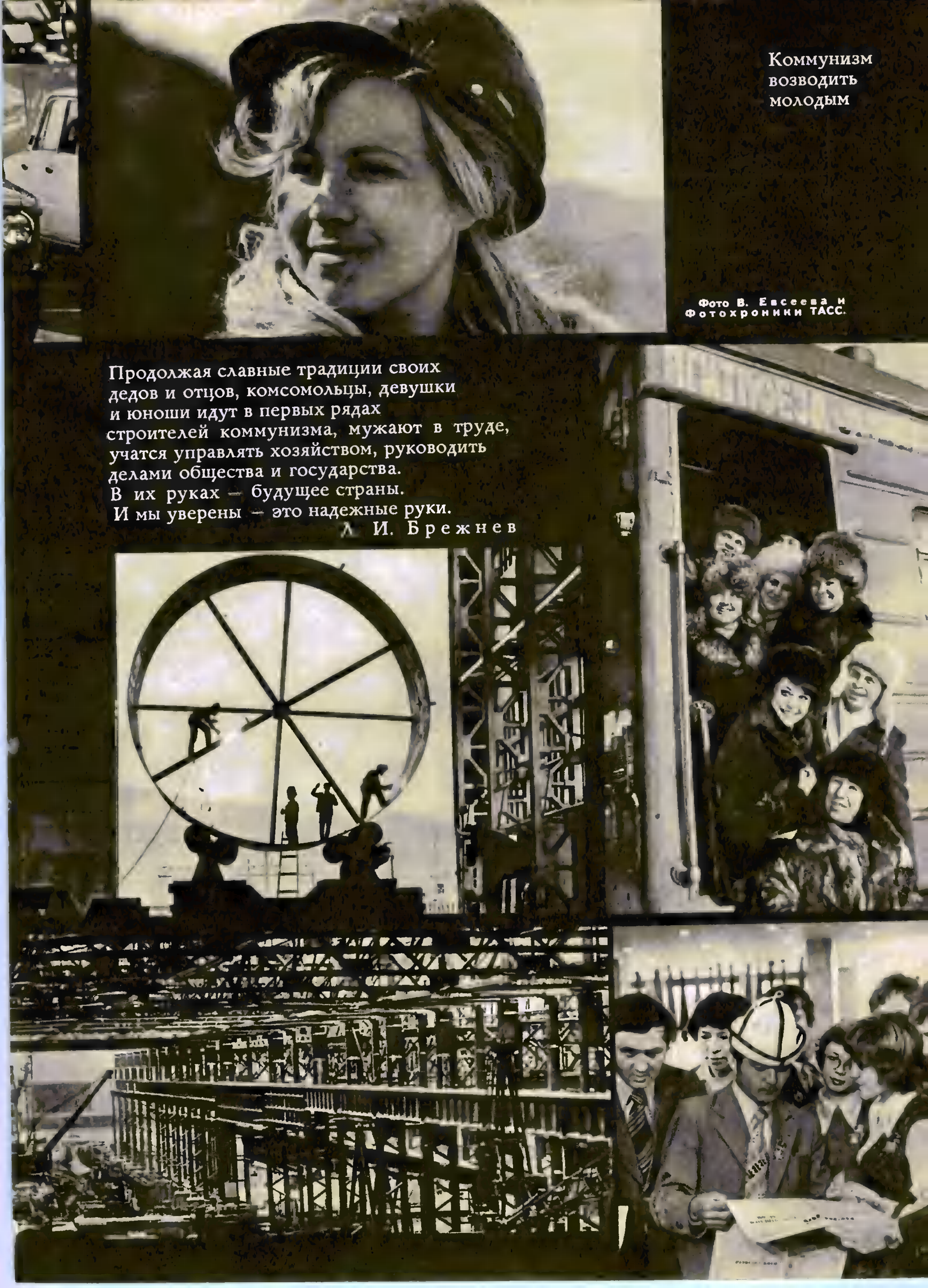
«Усилить внимание к организации внеучебного и каникулярного времени школьников, особенно по месту жительства. Расширять сеть клубов по интересам, разновозрастных отрядов, тимуровских и спортивных команд...»

Сразу после XVIII съезда ВЛКСМ в Москве прошел сбор ребячьих комиссаров. С разных концов страны приехали они на свой первый сбор, инициатором и организатором которого стал педагогический отряд при «Комсомольской правде».

Были здесь представители ростовского клуба «ЭТО», что расшифровывается весьма просто — эстетика, творчество, общение. Был здесь Ричард Соколов, организатор форпоста культуры имени С. Т. Шацкого (Москва). Были здесь ребята из карельского лагеря «Товарищ»... Да разве всех перечислишь! Ясно одно — воспитание молодежи в духе коммунистической идейности, советского патриотизма, творческого подхода к своему делу — наша общая забота, наша общая обязанность. Об этом еще раз напомнил XVIII съезд комсомола.

Я вспоминаю, как начинался для меня сбор комсомольского актива в Челябинской школе № 1 имени Энгельса. Я, гость сбора, растерянно и рассеянно смотрел по сторонам, чувствуя себя абсолютно чужим. Но так продолжалось недолго. Первым по плану был трудовой десант. Мы пошли на знаменитый Челябинский тракторный. После того как вместе со всеми я сгребал и таскал мусор, после того как вместе со всеми помогал тем, кто немного отстал, после того как вместе со всеми пил молоко из пущенного по кругу пакета, после всего это-

ВАЗ 04-34

Коммунизм возводить молодым

Фото В. Евсеева и Фотохроники ТАСС.

Продолжая славные традиции своих дедов и отцов, комсомольцы, девушки и юноши идут в первых рядах строителей коммунизма, мужают в труде, учатся управлять хозяйством, руководить делами общества и государства. В их руках — будущее страны. И мы уверены — это надежные руки.

Л. И. Брежнев

го, когда мы вышли за ворота завода, мне стало казаться, что я знаю всех этих ребят уже очень давно. Я думаю, что А. В. Караковский — заслуженный учитель школы РСФСР, директор Челябинской школы № 1 имени Энгельса — не зря сделал «труддесант» первым делом. Он понимал, что сдружиться лучше всего в труде.

А ведь именно об этом мечтал В. И. Ленин: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченным по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд».

В нашей стране труд перестал быть только обязанностью. Трудом мы созидаем громадный светлый мир вокруг нас, но трудом созидаем мы и мир внутри нас — духовный. Строительство духовного мира и реализация его возможны только в работе, только плечом к плечу со своими друзьями.

В нашей стране труд давно перестал быть только экономической категорией, труд уже стал категорией нравственной, всеобъемлющей. И если мы говорим о воспитании, то признаем, что главное — воспитание трудом. И если мы говорим о реализации потенциальных возможностей человека, то ясно: это может быть осуществлено только в труде. Только в работе можно по-настоящему узнать свои силы и познать окружающих тебя людей.

На комсомольском съезде товарищ Л. И. Брежнев говорил о том, что нельзя отрывать друг от друга рост материального и духовного уровня жизни людей. Это очень точные и верные слова. Потому что материальное и духовное связано в нашей стране нравственно — трудом.

Я много говорил здесь о молодых тружениках нашей страны. А благодаря чему они состоялись? Как цельные, настоящие личности? Уверен, ответ может быть только один — они росли в труде. Не только люди строят БАМ, но и БАМ созидает характеры, не только люди строят экономические комплексы в Западной Сибири, но и эти комплексы строят людей!

60 лет Ленинскому комсомолу! Какая впечатляющая и в то же время обязывающая дата! Она говорит нам о том, что школу комсомола прошло подавляющее большинство из ныне живущих советских людей. Вспомните слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, сказанные на XXV съезде КПСС: «Возрастающий приток молодежи в КПСС наглядно показывает, что жизненные силы партии неиссякаемы, что наше молодое поколение глубоко привержено идеалам коммунизма».

Это очень обязывающие слова! Молодому поколению советских людей по плечу грандиозные дела в строительстве счастливого общества. Это наглядно подтвердил и XVIII съезд ВЛКСМ, явившийся не только демонстрацией идейной убежденности и трудового энтузиазма нашей молодежи, но и ее высоких нравственных идеалов и активной жизненной позиции.

право равного

В своем выступлении на XVIII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев говорил о необходимости «работать не просто дисциплинированно и прилежно, а работать на совесть, умело, результативно, работать красиво, чтобы и другие тебя уважали за твой труд и сам бы ты себя уважал». Такое отношение к труду, к своим обязанностям должно стать для каждого из нас нормой. В нашем обществе степень уважения человека во многом зависит от того, как он работает. И совсем не случайно, самые уважаемые люди у нас — герои труда.

Поступая так, мы тем самым также отрицаем, по существу, и религиозное понимание смысла и содержания человеческого труда. Наши ценностные ориентации иные. Труд для нас наполнен не мистическим содержанием, это — не служение богу. Ведь в труде человек стремится выразить не только себя, но и свое отношение к людям, которые его окружают, к Родине.

Об этом и ведут разговор делегаты съезда ВЛКСМ: лауреат премии Ленинского комсомола бригадир комсомольско-молодежной бригады сталеваров завода «Запорожсталь», член ЦК ЛКСМ Украины Валентин НЕЧЕТ и член ЦК ВЛКСМ комбайнер колхоза «Рассвет» Сакмарского района Оренбургской области Григорий ЧЕРДИНЦЕВ.

В. НЕЧЕТ: Иногда, возвращаясь с работы домой, размышляю: вот я сталевар — 8 часов у печи, температура 120 градусов по Цельсию, за смену выпиваешь ведро воды, передохнуть некогда. И все ради прозаических ковшей стали. Иной давно бросил бы такую работу, сменил профессию, а я не могу. Более того, несмотря на громадную физическую усталость, испытываю потрясающее, ни с чем не сравнимое чувство: я сварил сталь!.. Ради того, чтобы еще раз пережить минуты, когда в ковш льется сваренный мной металл, забываю и усталость и жару — словом, все издержки нашей специальности.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Я знаю людей, которые, Валентин, тебя не поймут: скажут, что, мол, смогут, не надрываясь, заработать столько же и даже больше.

В. НЕЧЕТ: Верно, смогут. Но разве дело лишь в заработке? А дальше? А удовольствие от своей работы, увлечение ею? Этого такие тоже не понимают...

И вот я думаю, что это за люди, откуда они? Почему не трудятся, а выполняют какую-то

очень нелюбимую работу. И их рассуждения, что любопытно, на самом примитивном уровне, сродни мыслям горьковского мещанина, который на вопрос «Чего ты хочешь?»—ответил: «Очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать». Но человек таким не рождается, а становится. Видно, успел все же кто-то привить им эту немудреную философию...

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Действительно, самая милая обывателю философия — немудреная, но весьма практичная. А главное — легкая, потому что позволяет обмануть совесть. Вот уже 12 лет я по весне сажусь на трактор, а летом — в кабину комбайна. Поверь, это тоже нелегко. Бывает, хочется проявить слабость или, попросту говоря, «схалтурить». Но понимаю: стоит дать себе поблажку — век буду казниться, родным и товарищам в глаза посмотреть не смогу. Иной раз и через силу работал, но мне никогда еще не было стыдно за то, как вспахал поле и как убрал хлеб.

В. НЕЧЕТ: В этой связи вспоминаю случай, который рассказывал мой учитель, знатный мастер нашего мартеновского цеха, лауреат Государственной премии СССР Егор Павлович Проскурин. Двое ребят на заводе варили специальную сталь. Делать это нужно было в жестком тепловом режиме, но они перегрели металл. Естественно, получился брак. И тогда ребята решили пойти на сделку с совестью: попытались записать в паспорте плавки температуру нужного режима. Конечно, обман был сразу обнаружен, ребятам здорово попало, и главное — за то, что они пытались обмануть и своих товарищей, и рабочих того предприятия, куда эта сталь предназначалась, свое государство, наконец. А закрой глаза на этот брак, пропусти заведомо негодную продукцию во имя ложно понятого чувства «чести мундира» — мол, так не осрамим заводской марки, глядишь — и привыкли бы к такому «методу», и появились бы на свет еще два равнодушных ловкача-иждивенца, тянущие руки за лакомым куском.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Вот-вот. Ничто так не плодит равнодушие, эгоизм, мещанское миропонимание, как наша снисходительность. Равнодушие — это самое страшное зло. Вот какой эпиграф предпослал писатель Бруно Ясенский своему роману «Заговор равнодушных»: «Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить; не бойся друзей—в худшем случае они могут тебя предать; бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство». Слова эти стоят того, чтобы их напоминали людям.

Наша жизнь — это ведь не только праздники и повседневный труд, увлеченность им, но и нередко конфликты, некие взрывы, причем, бывает, достаточно серьезные, вызываемые борьбой нового с отжившим, старым. Одни сторонятся их, другие смело идут ради интересов дела на борьбу. Такие люди мне по душе, потому что неравнодушны. Они стремятся понять: в чем же смысл их труда? Каким он должен быть у нас — сиюминутным или устремленным в завтрашний день. А это значит, что они принимают бытие так, как все мы,— по принципу «я отвечаю за все», и отнюдь не считают землю, на которой живут, лишь временной обителью...

В. НЕЧЕТ: Вот я прочитал книгу товарища Л. И. Брежнева «Возрождение». Как вы понимаете, она дорога мне и всем моим товарищам-сталеварам еще и тем, что Леонид Ильич пишет в ней и о Запорожье, и о нашем заводе. В книге есть такие слова: «Большое заблуждение — полагать, будто лишь материальные стимулы нужны человеку. Нет, советскому человеку очень многое нужно — сознание своей причастности к большому делу, стремление выразить себя в труде,гордость своим мастерством, уважение товарищей, почет». Мне кажется, что только в этом случае и рождается этот принцип: «я отвечаю за все». Конечно, понимание такой своей ответственности приходит не сразу. Более того, этому надо учить.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Я думаю, что в первую очередь еще в семье. Скажу о себе. Родился и вырос в нашем Сакмарском районе Оренбургской области. Родители и родственники тоже здешние. Впервые забрался на отцовский комбайн, когда учился в третьем классе. День этот помню во всех подробностях и сейчас: огромные комбайны рядами движутся по степи, к ним то и дело подкатывают автомашины — принимают зерно, всюду трудятся озабоченные, запыленные люди. И я, казалось мне, — в самой гуще этого сражения — битвы за хлеб.

С тех пор, как только выдавалась свободная минута, садился на велосипед и мчался в поле. Все мне здесь нравилось. Я с нетерпением ждал, когда комбайнерам на лошадях привезут обед и вместе со всеми можно будет поесть борща, послушать разговоры. Хотелось быть причастным тут ко всему.

По-настоящему начал работать на комбайне лишь после школы. Вот тут я впервые понял, что такое груз ответственности. Ощущение, что спрос с меня теперь, как и со взрослых, долго не давало мне работать в полную силу. Случались всякие неудачи, делал много ошибок. Но рядом был отец — мой первый наставник, были рядом и другие товарищи, без них вряд ли я так скоро почувствовал бы уверенность. Уже в 1974 году мне удалось завоевать «Флаг балтийцев», о котором я много думал и мечтал.

Приз этот необычный. Лет десять назад приезжали к нам на уборку хлеба моряки-балтийцы. Они крепко подружились с оренбургскими комсомольцами. И в память об этой дружбе учредили приз, за который борются сейчас молодые механизаторы области. В свою очередь, знамя обкома комсомола вручается лучшей части на Балтике. Борьба за «Флаг балтийцев» всегда ведется у нас упорная. Чтобы победить, мне, например, пришлось намолотить 16 тысяч центнеров зерна. Такого количества хлеба я не убирал с тех пор ни разу. Тот год вообще был удачный: меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, а также Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ.

Тогда же произошло еще одно очень важное событие: Сакмарский райком комсомола учредил приз имени моего отца, Василия Макаровича Чердинцева, за который соревнуются механизаторы района. С каждым годом все больше ребят участвуют в этом соревновании. А это, в конечном

счете, помогает в срок и без потерь убирать урожай. Я дважды завоевывал приз, а еще два раза его получал молодой комбайнер из соседнего села Каргалы Завдат Лотыпов.

Надо сказать, что великую силу социалистического соревнования я впервые почувствовал и оценил еще до этого — когда работал помощником у отца, соперничавшего в ту пору с известнейшим оренбургским механизатором Иваном Григорьевичем Комиссаровым. Приехал я однажды к обеду подменить отца, чтобы комбайн не простаивал. Веду машину, оглянулся — а комбайн Комиссарова рядом. Так вместе и дошли до конца поля. Потом Иван Григорьевич к отцу подошел: «Значит, Макарыч, таким способом решил меня обогнать. С голода умру, а обойти себя все равно не дам». Вот как соревнуются по-настоящему, когда стремление общее — как можно быстрее убрать урожай, принести пользу обществу.

В. НЕЧЕТ: Трудовые успехи у нас в стране — естественный результат добросовестного отношения к делу, которое выбирает для себя человек. И здесь тебе можно только позавидовать, потому что стремление трудиться в полную силу счастливо сочетается у тебя с семейной традицией: насколько я знаю, все твои родственники связали свою жизнь с полем...

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Да, мне профессию, как и отцу, долго выбирать не пришлось. И он еще 15-летним пришел на комбайн — штурвальным к своему старшему брату. Было это в 1942 году. Так что, как понимаешь, семья наша — хлеборобская, корни в родную землю пустила прочные, и отцу не нужно было меня заставлять, подталкивать. Он просто своим трудом показывал и убеждал: и мое место тоже здесь, на поле. Как видишь, не ошибся. Впрочем, мой путь — это путь многих потомственных хлеборобов.

Нельзя забывать, что человек, родившийся и выросший на селе, всегда ближе к земле. Поехал, скажем, учиться парень из села на педагога, а возвращаться ему обязательно нужно, конечно, домой. Уверен, большую пользу он принесет именно здесь. Все ему тут близко и все его знают. Всегда ему здесь почет и уважение. А то как бывает: уезжает молодой человек в город, да еще на прощанье громко хлопнет дверью, а потом, глядишь, через год-другой возвращается назад. Чувствует себя неловко, суетится, что-то объясняет. А дело просто в том, что город далеко не все сельские жители принимают. Вот и выходит, что, как ни крути, а ширь поля для нас ближе, чем узость улиц.

В. НЕЧЕТ: Да, и на завод и на фабрику тоже, наследуя профессии родителей, молодые люди теперь стали приходить реже. Но вот что еще: все помыслы многих наших сверстников направлены на вуз любой ценой. Неважно какой — лишь бы только окончить его и получить диплом. Скольких я встречал, для кого не набранные по конкурсу баллы стали трагедией. Бьются такие парень или девушка в истерике и никто, главное, не подскажет: остановись, иди поработай на заводе, может быть, у станка твое призвание.

Безусловно, знания нужны, и когда у печи стоит сталевар с образованием, — сталь варится лучше, если, конечно, он любит свою работу. А если человек приходит на завод лишь для того, чтобы дважды в месяц расписываться в платежной ведомости, то и высшее образование не спасет от неуважения людей.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Это очень верно: не зарплатой единой жив у нас человек. Думается, теперь такое время, что, заканчивая работу, надо спрашивать себя, не сколько сегодня заработал, а **что** сделал и **как** сделал. И выпил ли свое «ведро воды»...

В. НЕЧЕТ: Я действительно не люблю, когда что-то легко дается. Такая уж у нас профессия: надо очень много и потрудиться и подумать, чтобы получить качественную сталь. Поэтому, наверное, все, что легко дается, кажется мне не очень-то надежным.

Г. ЧЕРДИНЦЕВ: Когда о человеке хотят сказать хорошее, говорят: живет со спокойной совестью. Но лишний раз убеждаюсь: спокойная совесть не возникает от спокойной жизни, наоборот, предполагает весьма беспокойную. Мне очень нравятся люди, которые стремятся жить так, чтобы их совесть была спокойна. На такого человека можно всегда положиться.

В. НЕЧЕТ: Уже несколько лет на сценах наших театров идет спектакль «Сталевары», герой которого, Виктор Лагутин — человек, я бы сказал, обостренной совести. Не часто пьесы, особенно на производственную тему, вызывали такие споры, как эта. Реальность конфликта, жизненность героя, его позиция — все заставляет задуматься. Да и актерам удалось передать красоту нашего труда. Об этом, в частности, говорит опрос старшеклассников, для которых профессия сталевара стала в числе самых престижных рабочих профессий.

Но меня особенно привлекает главная мысль автора этой пьесы Г. Бокарева: нельзя рассчитывать на серьезный успех, если не чувствуешь локоть товарищей. Вот нас в бригаде семь человек, все комсомольцы. В 1974 году наш коллектив установил всесоюзный рекорд — выплавил 23 ковша за сутки. Я тогда получил премию Ленинского комсомола, а мои товарищи — Николай Ужва, Александр Фоменко, Валерий Белик — первыми в стране были награждены орденами Трудовой Славы 3-й степени. В день открытия XVIII съезда ВЛКСМ бригада прислала съезду телеграмму с рапортом: выплавили 18 ковшей вместо 12 по плану. Это ни много ни мало — полторы тысячи тонн.

Ясно, конечно, что человек не может просто так выйти в поле и сразу намолотить 16 тысяч центнеров хлеба, а бригада вот так, походя, выплавить полторы тысячи тонн стали... Люди должны быть к этому готовы — и профессионально, и, что очень важно, морально. Наша бригада создавалась не день и не два.

Помню, вызвали меня секретарь парткома и начальник цеха и сказали: «Набирай, Валентин, людей, только внимательно приглядывайся». И я приглядывался: ведь нужно было найти людей таких, чтобы каждый понимал: он будет работать в том самом цехе, где трудились и продолжают трудиться заслуженный металлург Украины Петр Степанович Дорошенко, Герои Социалистического Труда Иван Антонович Каела и Григорий Константи-

нович Пометун, лауреат Государственной премии СССР Егор Павлович Проскурин. Люди эти — гордость «Запорожстали». Девиз их: «Работать только на совесть».

В. ЧЕРДИНЦЕВ: Вот уже который раз возвращаемся к этим словам... Издавна мы привыкли слышать о какой-нибудь добротно сделанной вещи: «Сработано красиво — на совесть». Это значит — на радость людям. Сейчас такие изделия помечаются известным всем пятиугольником — Знаком качества. Правда, иногда, мне думается, мы увлекаемся: ставим этот добрый Знак на том, что несет вред человеку. Я имею прежде всего в виду табак и водку. Но в целом этот пятиугольник показывает всем, что труд людей, создавших эту вещь, был честен и добросовестен.

Каждый человек трудится в нашей стране не только ради себя. Все, что выходит из-под его рук, идет на пользу людям. И я, садясь в кабину трактора или комбайна, должен быть уверен, что эта машина сработана на совесть, по законам рабочей совести. Как и те, кто делал эту машину, — что хлеб будет мною собран по высшим меркам моей совести хлебороба.

В. НЕЧЕТ: Именно по такому принципу мы и подбирали людей в бригаду: главный пропуск — умение на совесть трудиться.

Теперь у нас есть даже целый ритуал приема новичка в бригаду. Прежде всего представляем парня коллективу. Между сменами, когда одна бригада отчитывается перед другой о проделанной за смену работе. И тогда же, примерно за полчаса до начала следующей смены, выходит парень и рассказывает о себе. В свою очередь, начальник смены знакомит его с коллективом, рассказывает о людях, которые здесь работают, о традициях.

Так начинается рождение высокого чувства ответственности за избранную молодым рабочим профессию. Он сразу же видит, что не имеет права плохо трудиться, что у него здесь есть только право равного — честно и самоотверженно отдавать свои силы и знания. Ну, а перебороть на первых порах физическую усталость ему всегда помогут. И если он настоящий человек — быть ему сталеваром.

Записал В. Евсеев

„живут адыги на земле людей"

Ж. МЕЛЬНИКОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Адыгея поразила меня прежде всего равниной, хотя адыгейцы — горцы. Жили они на Северо-Западном Кавказе, занимались в основном скотоводством. Спасаясь от набегов чужеземцев, искали защиты у русского царя, чтобы спокойно жить и трудиться на принадлежавших им испокон веков землях. Однако царские чиновники позарились на скот и пастбища горцев, предали их и принудили покинуть свои аулы. Снявшись со своих мест, двинулись адыгейцы к Черному морю, умирая по дороге от голода, непогоды, болезней.

Так появились в Прикубанье адыгейские аулы. Соседями были простые русские люди, которые оказали им братскую помощь, помогли обжиться на новом месте. Вот почему, когда едешь по дорогам Адыгейской автономной области Краснодарского края, встречаются вперемежку аулы, станицы и хутора, внешне почти неразличимые.

У ИСТОКОВ

Нет в мире одинаковых дорог,
Хоть каждая выводит за порог.
...Дороги есть короткие, но дальние.
Есть дальние, но краткие пути.*

...Дорога идет берегом искусственного моря. Слева бьется вода о выложенную камнем многокилометровую дамбу Шапсугского водохранилища. Сворачиваем вправо от водохранилища и въезжаем в аул Афипсип. Именно здесь появилась первая в Адыгее аульская комсомольская ячейка.

Широкая прямая улица. По обе ее стороны добротные кирпичные дома окнами на улицу. Люди живут теперь открыто, ничего не скрывая друг от друга. В доме Османа Пазадовича Ачегу, одного из комсомольцев сегодня уже легендарных 20-х годов, мы слушали интересный рассказ о том далеком времени.

— Одним из моих первых шагов навстречу новой жизни было вступление в Союз воинствующих безбожников. Безбожниками мы действительно тогда были воинствующими. Ведь нам приходилось ломать вредные, устаревшие традиции, сложившиеся веками. И кому — по сути дела, мальчишкам. Недобрыми глазами провожали нас муллы, когда мы со знаменами, антирелигиозными призывами и революционными песнями шагали по аулу во время мусульманских праздников, смело разоблачали мулл, которым выгодно было держать народ в темноте и невежестве.

* Здесь и далее эпиграфами и в заключение взяты строки из стихов адыгейского поэта Исхака Машбаша.

Пришел гость — Ерстем Кочасович Негуч, один из первых пяти местных комсомольцев.

— В канун нового 1922 года, — слушаем мы его рассказ, — приехал к нам инструктор из Краснодара Дмитрий Галенко. Собрал молодежь и рассказал ребятам о роли и задачах Коммунистического союза молодежи. В тот же день Зина Свириденко, Азет Баев, Салех Ачмиз, Махмуд Схаляхо и я подали заявления в комсомол. Через несколько дней приехал Галенко и вручил членские билеты.

Своего помещения у нас не было. Собирались то у одного, то у другого комсомольца. Наконец обосновались в старой кунацкой, подаренной нам одним из жителей аула. А в сарае устроили читальню, была она одновременно и клубом.

Члены бюро комсомольской ячейки Майкопского предприятия «Древспичпром». 1920 г.

Члены бюро Майкопского окружкома. Первый слева в первом ряду секретарь окружкома С. Хватов. 1925 г.

Вдруг в дверях послышался возглас:

— А помнишь, как мы ставили в этом сарае спектакль про адыгейскую девушку, которая через окно убегала к своему жениху? — в комнату вошла немолодая, красивая, с большими живыми глазами женщина. Это была жена Ачегу Аминет Зачериевна. — Расскажи и про нашу «легкую кавалерию». От нее не могло укрыться ни одно недоброе дело. А чем нас муллы пугали: «Не будем хоронить ваших комсомольцев, пусть, как собаки, сгниют»...

— Свою работу комсомольцы аула начали с того, что решили ликвидировать неграмотность, — продолжает Ерстем Кочасович. — Пусть все жители читают газеты, журналы, книги, а молодежь учится. Устраивали субботники, во время которых помогали старикам: кому крышу перекроем, кому огород вскопаем. Постепенно старики стали относиться к нам благосклоннее — трудолюбие, помощь соседям всегда в народе одобрялись. Но труднее всего нам было ломать старые устои, которые противоречили новой жизни адыгов.

Немало сил и энергии положили тогда на эти дела юные революционеры. И в сегодняшней жизни аула, в его облике, в быте — вклад 132 комсомольцев, почти половина из них — девушки. Молодые в своем большинстве имеют среднее и высшее образование. В ауле две школы — средняя и начальная, две библиотеки, учителя — воспитанники местных школ. Много внимания уделяется спорту — тут есть секции дзюдо, самбо, тяжелой атлетики. Несколько выпускников местной школы стали кандидатами наук. В боях с фашизмом погиб Герой Советского Союза Абубачир Чуц. Звание Героя Социалистического Труда присвоено Исмаилу Ганиеву, заслуженного агронома РСФСР — Схатчери Ваттаху, заслуженного учителя школы РСФСР—Дарихан Схаляхо и Исмаилу Бжассо. Уроженец аула — в прошлом комсомолец — Киримизе Жанэ стал известным поэтом, членом Союза писателей.

Первые комсомольцы, начинавшие вместе со старшими товарищами-большевиками строить новую жизнь в адыгейских аулах, могут гордиться такими наследниками.

Аминет Ереджибовна Он, бывшая звеньевая комсомольско-молодежного звена колхоза «Афипсип» (ныне совхоз имени Ханурате). За получение высоких урожаев пшеницы она награждена орденом Ленина, занесена в «Книгу почета» ЦК ВЛКСМ.

Хасан Темрук, зачинатель стахановского движения в Адыгее.

ВЕТЕРАНЫ

Сколько разных дорог пролегло на Земле,
И как много людей неспокойных на свете!
Я о тех, кто рассветы встречает в седле,
Я о тех, обгоняющих солнце и ветер.

Комсомольцы 20-х уже давно пенсионеры, но в их сердцах навсегда сохранилась комсомольская закалка. Ветераны — Рамазан Мишаустович Сиджах, Гисса Псеулович Ловпаче, Петр Федотович Коссович, Иван Петрович Решетняк, Аюб Ибрагимович Шеуджен и другие — постоянно встреча-

ются с молодежью, рассказывают о пути, пройденном Ленинским комсомолом, о своем опыте, помогают осмыслить события, которыми живет сегодня наша страна и весь прогрессивный мир, увидеть и понять величие свершений советского народа.

Тяжелее всего было, рассказывают ветераны, освободить народ из-под гнета религии. Вот один из примеров — здоровье людей.

Во всей Адыгее до революции не было ни одной сельской больницы. Муллы говорили: «Болезни возникают по воле Аллаха, он посылает болезнь, он же ее и отбирает». Когда в аулах были организованы медпункты, комсомольцам долго пришлось уговаривать людей, чтобы они обращались туда за медицинской помощью.

Петр Федотович Коссович, комсомолец с 1925 г. Пионервожатый, секретарь сельской комсомольской ячейки, секретарь Майкопского горкома ВЛКСМ, участник Великой Отечественной войны — таков его жизненный путь.

В. Тюков (слева), летчик штурмовой авиации, Герой Советского Союза. Геройски погиб в борьбе с фашизмом в 1944 г.

Курсы по подготовке девушек-комсоргов. Занятия проводит М. З. Азаматова.

Духовенство стремилось всеми силами помешать работе по ликвидации неграмотности. Но нельзя было остановить тягу народа к знаниям. Все более многолюдными становились занятия «пяти букв в день» — горцы должны были научиться читать, писать.

Ведя борьбу против религиозных обрядов, комсомольцы выступили инициаторами проведения октябрин. Рассказали ветераны такой случай. Весной 1929 года в селе Красном Теучежского района родилась девочка. Узнав об этом, комсомольцы аула Ассокалай купили ценные подарки новорожденной и ее матери. Выстроившись в колонну, они пошли в село. К приходу аульчан в школе собрались многие жители села. В торжественной обстановке комсомольцы провели трогательную церемонию регистрации. Новорожденной дали имя Маина, так как родилась девочка в мае.

Большая работа проводилась среди женщин-адыгеек. При активном участии комсомольцев в аулах появились специальные артели для горянок, где они приобщались к коллективному труду. Беседы, которые во время работы проводили с ними коммунисты и комсомольцы, пробуждали сознание женщин, вызывали желание учиться.

Одной из первых девушек-адыгеек, вступивших в комсомол по Ленинскому призыву, была Мин-Кутас Зачериевна Азаматова. Родилась она в ауле Адамий, но выросла в русском селе Преображенском. Русские девушки и парни стали близкими друзьями молодой Мин-Кутас.

Азаматова была делегатом первого съезда горянок в Пятигорске. На съезде говорили о прошлой жизни горянок, о планах на будущее. И вдруг кто-то в зале крикнул: «Горянке — пальто!» Так возник этот призыв, вызванный заботой о здоровье женщины. Ведь адыгейке круглый год не разрешалось выходить надолго на улицу, жизнь ее ограничивалась двором. Однако новая жизнь, изменение социальных условий привели к тому, что она стала больше бывать на людях. Но как ходить лишь в платье и шали? И вот в область были завезены добротные женские зимние пальто. Иди и покупай! Но долго не решались многие женщины нарушить обычай. Коммунисты и комсомольцы развернули большую работу в аулах, чтобы убедить горянок в необходимости приобрести пальто.

Закончив Коммунистический университет трудящихся Востока, Мин-Кутас Зачериевна стала пропагандистом. Ездила с агитбригадой по всей стране, защитила диссертацию. В Майкопе она организовала курсы по подготовке женщин-комсоргов, много сил отдала восстановлению и расширению экспозиции Адыгейского краеведческого музея, а став научным сотрудником Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, занималась изучением истории религии, народных традиций, написала книгу по истории адыгейского национального костюма и украшений. В связи с 50-летием Ленинского комсомола она была удостоена Почетной грамоты ЦК ВЛКСМ.

Ветераны комсомола... Все свои силы, знания отдали они Родине, тому, чтобы яркой, богатой возможностями для духовного и физического расцвета была жизнь нашей молодежи.

Юноши и девушки доказывают, что они верны традициям отцов и дедов. И, как сказал на июльском Пленуме ЦК КПСС (1978 г.) товарищ Л. И. Брежнев, это «находит свое яркое проявление в конкретных практических делах, в трудовой и общественно-политической активности масс, в огромном размахе социалистического соревнования».

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Как хорошо, что в мире есть мосты...
От сердца к сердцу, от страны к стране,
От солнца к солнцу, от тебя ко мне...
Мосты между грядущим и вчерашним...

Комсомольцы совхоза «Прикубанский» обсуждали на собрании решения XVIII съезда комсомола. На нем шел большой разговор: как лучше провести сев риса — ведь к 1980 году Кубань должна давать стране его не менее миллиона тонн ежегодно. Говорили комсомольцы о создании агитбригад, которые должны будут приезжать на полевой стан с лекциями, фильмами, концертами художественной самодеятельности. Но вот на трибуну поднялся долговязый паренек:

— Не доверяют, наверное, в совхозе комсомолу! Почему нет у нас на рисе полностью комсомольского звена? Мы хотим вести весь агротехнический цикл сами, своими руками — от подготовки почвы до получения зерна. Понимаем, что это рискованно: ведь на все операции нужно поставить специалистов. Но найдутся среди комсомольцев полеводы и трактористы, шоферы и комбайнеры. Если надо, овладеем и другими профессиями.

В решении записали: «Создать комсомольское рисоводческое звено». Так появились в «Прикубанском» «комсомольские рисовые гектары». А ведь, по сути, начало им положили еще комсомольцы 20-х годов. Когда бедняки получили землю и надо было, не имея техники, засеять ее, обработать, собрать урожай, комсомольцы от зари до зари трудились в поле. И получали урожаи больше других.

На Адыгейском консервном комбинате — одном из первых социалистических промышленных предприятий области работал в 30-е годы комсомолец Хасан Темрук. Он был стахановцем и за свои трудовые успехи был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, а позже — заместителем председателя исполкома Адыгейского областного Совета депутатов трудящихся. Ветераны завода помнят этого рабочего парня. И теперь в дни, когда подводятся итоги социалистического соревнования в честь 60-летия ВЛКСМ, с волнением ждут комсомольцы, чья бригада получит звание «Темруковской».

Секретарь комсомольской организации завода «Промсвязь» коммунист А. Дрючков — победитель соцсоревнования за право подписать рапорт Ленинского комсомола XXV съезду КПСС.

...Наш путь лежит в аул Шовгеновский, где когда-то был зверски убит белобандитами один из руководителей революционного движения в Адыгее, комиссар по горским делам Мос Шовгенов. В этом ауле родился и вырос Герой Советского Союза комсомолец и поэт Хусен Андрухаев, павший смертью храбрых в боях за Родину во время Великой Отечественной войны. До последнего патрона сражался он, окруженный врагами, а потом подорвал фашистов и себя последней гранатой. Это произошло в селе Дьяково, в Донбассе. Там и похоронили героя. Два памятника-близнеца воздвигли благодарные люди — один в селе Дьяково, другой — на родине героя.

Аул Шовгеновский, в прошлом Хакуринохабль, переименованный в память о Мосе Шовгенове, сегодня трудно даже назвать аулом. Это городок, районный центр с широкими зелеными улицами, домами городского типа, современными магазинами и музыкальной школой, стадионом, Домом культуры, библиотекой, ателье мод. Руководит комсомолом в районе Каплан Дауров, агроном по образованию, комсорг по призванию. С раннего утра и до позднего вечера он — в делах комсомольских. А в Шовгеновском районе нет дел, которые комсомольцы не считали бы своими.

Вот недавно провожали они в армию своих друзей. Это был праздник — яркий, светлый, с песнями, цветами. Призывники вместе с родными собрались в зале Дома культуры. Ребята услышали много теплых напутственных слов, получили памятные подарки. Потом состоялся концерт.

Вечером, когда наконец выдалась свободная минута, рассказал Каплан Дауров о жизни комсомольцев района.

В колхозе имени XXII съезда КПСС есть Поле дружбы. Право убирать с него урожай получают победители социалистического соревнования. Инициаторы этой традиции — комсомольцы. Недавно выпускники средней школы встретились с Героем Социалистического Труда Асланом Сиюховым. Много вопросов задали ему ребята: как стать механизатором? Почему он решил связать свою жизнь с сельским хозяйством? Трудно ли работать в поле? После встречи с прославленным кукурузоводом многие решили работать в сельском хозяйстве.

В колхозе имени Шовгенова есть комсомольско-молодежная ферма. Здесь создана бригада из выпускников ПТУ, которая механизировала все трудоемкие процессы. Возглавляет ее Айдамир Тлишев, принимавший как член ревизионной комиссии ЦК ВЛКСМ участие в работе XVIII съезда комсомола.

Революционные традиции и их современное продолжение, эстафета поколений — вот что характерно сегодня для молодых строителей коммунизма. Этим определяется и духовный облик современных комсомольцев.

Живут адыги на земле людей.
Смеются солнцу. Добрых ждут дождей.
Детей растят и собирают в путь,
Благословляя: «Человеком будь».

НЬЮТОНОВО ЯБЛОКО

Ю. ФЛУТКОВ

Дерзайте! Беритесь за большие дела... Способности, как и мускулы, растут при тренировке. Большие открытия не всякому по плечу, но кто не решается пробовать, наверняка ничего не откроет. Вы должны далеко уйти от своих дедов и прадедов.

Академик В. А. Обручев

Оразмамед Васов.

Фото Аликпера Гусейнова.

В сегодняшней Туркмении Оразмамед Васов в свои 33 года достаточно заметная фигура и в научной, и в общественной жизни республики.

Как ученый, руководитель лаборатории в Институте сейсмологии Академии наук СССР он возглавляет целое научное направление, начало которому положил несколько лет назад.

Как общественный деятель, заместитель председателя Совета молодых ученых и специалистов ЦК ЛКСМ Туркменистана, а также член аналогичного Совета ЦК ВЛКСМ Оразмамед Васов принимает участие в разработке принципов эффективной организации исследовательских работ молодых научных кадров не только в масштабах своей республики, но и всей страны. Участвуя в заседаниях Совета ЦК ВЛКСМ, обмениваясь идеями, опытом, туркменский ученый вместе с другими своими молодыми коллегами из всех республик намечает стратегию поиска на переднем крае науки. Избранный делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, он впитал его атмосферу энтузиазма и подъема, получил, по собственному выражению, новый заряд для продолжения работы, которую избрал делом своей жизни.

Добавьте к этому преподавательскую работу Оразмамеда Васова в Политехническом институте, который сам он окончил десять лет назад, и вы сможете представить широту кругозора, степень общественной и научной активности одного из лауреатов премии Ленинского комсомола Туркмении. «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу...» — так было сказано с высокой трибуны XXV съезда КПСС. Этим и возвышен Оразмамед Васов, и все, чем он отмечен, воздано ему по труду, по таланту.

Научную известность молодому ученому принес цикл его работ, теоретически и практически связанных с изучением строения земной коры на территории республики. Созданные на этой основе карты ее глубинного рельефа с указанием мест залегания разломов и блоков земной коры открывают геологам новые перспективы в поисках полезных ископаемых.

Начало этим работам было положено восемь лет назад в Новосибирском Академгородке, где Васов учился в аспирантуре Института геологии и геофизики Сибирского отделения АН СССР, в лаборатории физики земной коры, которой руководил доктор геолого-минералогических наук профессор Герман Иванович Каратаев. Известный специалист по разработке так называемой корелляционной схемы интерпретации (истолкования) физических полей земной коры, он вывел свою формулу для горизонтальной, идеально ровной поверхности. Однако когда ее применяли к гористой местности, неизменно вкрадывалась погрешность, и довольно значительная. Профессор предложил своему аспиранту «исправить» формулу таким образом, чтобы она годилась для любого пересеченного рельефа.

Сейчас схема поисков представляется достаточно четкой, последовательной, но за ней — изнурительный труд в течение полутора лет, блуждания мысли в тупиках математических лабиринтов. Как в романе, решение посетило героя в самой неожиданной обстановке — в купе скорого поезда Новосибирск — Москва. Казалось бы, совершенно случайно Оразмамед додумался здесь до идеи использовать любопытное свойство так называемых преобразований Фурье. Попробовал мысленно решить — вроде бы получилось, прикинул еще — и снова получилось.

Он даже испугался той легкости, с которой нежданно-негаданно обозначился выход из лабиринта, где они натыкались то на одну, то на другую глухую стену. Потом, когда напряжение открытия спало и он радовался, — как, мол, им повезло случайно наткнуться на столь очевидное решение, Герман Иванович сердито возразил:

— Решение никогда не приходит случайно. Не зря перебираешь в уме множество вариантов. Это как цветок, которому суждено превратиться в завязь, завязи — в плод, а плоду — созреть.

Только тогда его можно рвать с дерева. Или он сам упадет к ногам, как пресловутое Ньютоново яблоко. Почему великого англичанина случай этот подтолкнул к мысли о всемирном тяготении, — мысли, вызвавшей переворот в научном сознании? Да потому, что всей мерой своего предшествующего умственного развития, напряженного научного поиска он был подготовлен к открытию...

«Яблоко упало» — и началась многомесячная напряженная работа по расчету различных вариантов предполагаемого решения задачи. Составление программ для электронно-вычислительных машин, проверка формулы Каратаева — Васова (так ее стали теперь называть) в условиях мощных горных цепей Копет-Дага, на юге и юго-западе Туркмении, оформление диссертации... В эти-то месяцы молодой ученый, как никогда прежде, узнал и оценил людей, работавших рядом с ним. У каждого своих дел непочатый край, а они все-таки находили время для него, аспиранта из Туркмении. Всех их держит он в благодарной памяти — и рядовых сотрудников, и крупных специалистов. Не только знания формируют облик ученого. Душевная отзывчивость других укрепляет в тебе самом это чувство, учит приходить на помощь тогда, когда в ней нуждаются.

А с научным руководителем, как считает Оразмамед, ему особо повезло. Если вспоминать по порядку, то при первой встрече Герман Иванович показался человеком суровым, не допускающим никаких сантиментов в отношениях со своими сотрудниками. И только много месяцев спустя понял Оразмамед, что мягкое сердце его наставника, заботливое внимание к людям выражаются в повышенных требованиях к ним. И уважение к человеку возрастает у его учителя пропорционально тому, насколько прилежным и работоспособным тот себя зарекомендует.

Уже через несколько дней после того, как прошло собеседование и приехавших из Ашхабада Оразмамеда Васова и Байрама Курбансахатова зачислили в аспирантуру, Герман Иванович вызвал новичков к себе и произнес перед ними «тронную» речь:

— Вы приехали сюда работать, начинайте работать сейчас же, с полной отдачей сил. Вот вам список литературы, которую на первых порах следует усвоить. Это только необходимый минимум, но без него мы просто не поймем друг друга, будем разговаривать на разных языках. Вот вам время, как только оно истечет, буду спрашивать вас по всей строгости. В запасе у вас всего три года. В сутках 24 часа, из них 16—17 часов будьте добры работать.

Первое научное крещение Оразмамед принял еще в студенческие годы, когда после третьего курса начал совмещать учебу с работой в Институте физики земли и атмосферы, в лаборатории электроразведки. Здесь он прошел полный курс «высшего геофизического образования», начиная от принципов формирования полевого отряда. Здесь проверил себя на усидчивость, изо дня в день проводя долгие часы над расчетами, составлением графиков. Но только в Академгородке, у Г. И. Каратаева понял он, что такое настоящий труд. Гору литературы по списку, составленному Германом Ивановичем, дополняли работы сотрудников лаборатории (аспиранты обязаны были изучить и их). Каратаев выписал им ночные пропуска в институт и каждый вечер перед сном неизменно наведывался в лабораторию. Откроет дверь, молча посмотрит — Оразмамед и Байрам стоят у доски, исписанной формулами, — так же молча закроет дверь и уйдет.

Наравне со студентами они посещали лекции Каратаева в Новосибирском университете, — профессор решил, что это им необходимо. Вдобавок он обязал аспирантов закончить курсы программистов ЭВМ, и они закончили их. Наконец наступило время, когда Каратаев на равных основаниях с остальными сотрудниками лаборатории начал безжалостно «терзать» их на еженедельных обязательных семинарах.

Неослабный контроль руководителя продолжался до тех пор, пока Каратаев не убедился в полной и, главное, сознательной добросовестности своих аспирантов. Этот же момент знаменовал и его поворот в отношениях с ними: он стал помягче и не таким беспощадным в повседневном контроле. Но они уже сами втянулись в предложенный им ритм — трудиться по 16—17 часов в сутки стало для них нормой. Такой ритм Оразмамед сохранил и по сегодняшний день. Этому он учит теперь своих учеников — студентов и аспирантов Политехнического института.

— Свою преподавательскую работу я считаю столь же важной, как и научную. Не каждому в жизни выпадает такая удача, как учеба в Академгородке, и поэтому я считаю своим долгом уже во вводной лекции к своему курсу рассказать студентам об этом научном центре и принятом там стиле работы.

Общение мое со студентами, вера в то, что я, их руководитель, должен знать все, заставляет меня глубже вникать в смежные области знания, особенно в математику. А это обогащает и меня самого, помогает в исследовательской работе.

Как-то попались ему на глаза строки Рабиндраната Тагора: «Разве велик и силен тот, кто силен и велик, если он слабых не может поднять до вершин своих?» Эти слова запомнились ему, потому что совпадали с его отношением к самому себе как к носителю определенного запаса знаний и опыта, обладателем которых он стал и которые считает своим долгом передавать тем, кто знает пока что меньше.

Отвечая на вопрос «Новогодней анкеты», организованной республиканской газетой, Оразмамед сказал, что больше всего в людях ценит честность, порядочность, принципиальность. «Люблю людей увлеченных, которые в каждой, на первый взгляд, несущественной работе умеют находить рациональное зерно. По душе мне и такое качество, как смелость. Я имею в виду научную смелость. Ведь не каждый молодой ученый, даже найдя какие-то убедительные доказательства, осмелится высказать научную гипотезу, которая шла бы вразрез с мнением ведущих специалистов».

В последнее время Оразмамед по-новому увлекся литературой о выдающихся ученых — Ландау, Ферсмане, С. Вавилове, Френкеле. Книги о них он собирает и

бережно хранит. Возможно, не без влияния такого чтения, более зрелого знакомства с жизнью и трудами великих ученых, вследствие острого желания «делать с них» собственное бытие он другими глазами стал смотреть и на науку, и на свое место в ней.

По прежним его представлениям он уже год-полтора назад мог не только оформить, но и защитить докторскую диссертацию: за неполных три года, которые существует его лаборатория моделирования геофизических полей, уже выполнено несколько фундаментальных работ, приносящих народнохозяйственный эффект, разработаны интересные методики. У Оразмамеда сложилось свое представление о тектонике территории Туркменистана и свое мнение по поводу анализа ее геофизических полей. Что-то из этих идей и взглядов он уже высказал вслух. Но о многом, значительном, говорить не торопится, ищет новых, более достоверных доводов и подтверждений, прежде чем вынести задуманное на суд научной общественности. Строже относится он теперь и к научным публикациям, считая достойной лишь ту, что с несомненностью вызовет интерес у работающих в данной области ученых и коллективов или же принесет пользу производству.

Такого научного и народнохозяйственного эффекта ждет ученый от двух работ, которыми занят коллектив его лаборатории в Институте сейсмологии АН Туркменской ССР. Первая — разработка моделей земной коры территории республики — связана с программой Международного геодинамического проекта. Вторая — с поисками полезных ископаемых. Необходимо с точностью до деталей представить строение коры нашей планеты на этом участке, чтобы правильно ориентировать здесь дальнейшие поисковые работы.

— В разработке темы принимают участие несколько организаций союзной и республиканских Академий наук, — рассказывает Оразмамед. — Все это требует громадного объема знаний и верной интуиции. Время вынесет свою оценку: провидцами или слепцами оказались ученые, разработавшие те или иные модели земной коры. Ведь человек тогда уже научится проникать до глубины 10—15 километров...

На мой вопрос о происхождении его фамилии — насколько мне известно, она единственная в своем роде у туркмен, Оразмамед ответил:

— Васовы — действительно единственная семья в республике с такой фамилией. Предки-скотоводы были родом кизыл-арватские, постоянно жили в тех местах. Когда в конце прошлого века войска генерала Скобелева взяли крепость Геок-Тепе, прадед Алланазар с семьей попал на север, в район Ташауза, где есть местность Вас. Там сейчас большие колхозы и совхозы, целый район — Октябрьский, а тогда пустыня была. Обычно у туркмен имя должно что-то означать. Деду дали имя по названию местности, где он родился.

— А что означает имя Гульнара? — показываю я на десятилетнюю дочь Оразмамеда.

— Пусть сама переведет, — в голосе деда едва уловимые нотки гордости. Внучка свободно говорит по-туркменски и по-русски, увлекается музыкой. Чувствуется влияние жены Оразмамеда, Галины, профессиональной пианистки.

Вот оно — одно из чудес преображения, происшедших в нашей стране буквально за миг истории: прадед — животновод, кочевник Алланазар; дед — революционно настроенный рабочий Кизыл-арватского вагоноремонтного завода, активный участник революции и борьбы с басмачеством Вас Алланазаров; отец Курбан Васович, образователь новой династии Васовых и первый в роду интеллигент, видный юрист, с высшим специальным образованием; сын его Оразмамед, воспитанник Ленинского комсомола, кандидат наук в 28 лет, а в 30 возглавивший целое научное направление в масштабах республики.

Так что же означает имя ее — Гульнара?

— Цветок граната, — заалев и потупившись, в полном соответствии с восточной традицией, отвечает девочка.

Цветок граната... Изумительной красоты и изящества удлиненная чашечка с изогнутыми наружу пурпурными лепестками. Какой плод разовьется из этой завязи?

г. Ашхабад

Читайте в следующем номере:

Е. БОРИСОВ

ОКТЯБРЬ И НАУКА

О. БРУШЛИНСКАЯ, И. ЖЕРНЕВСКАЯ

ЖИЗНЬ, СДЕЛАННАЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ

И. ДЕМЕНТЬЕВА

СОКРОВИЩА РОДНОЙ РЕЧИ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Статьи, корреспонденции, зарисовки о сегодняшнем дне Нечерноземья

Н. ТРОИЦКИЙ

ДУХ КУТУЗКИ

«Святые отцы» на поприще сыска

Р. БРОДА

АНТИКОММУНИЗМ ПОД ПРИКРЫТИЕМ РЕЛИГИИ

Мы не случайно вынесли в заголовок определение, которое дал К. Маркс свободному времени. По мере развития социалистического общества свободное время человека приобретает все большее значение. Умелая организация досуга помогает людям полнее реализовать свои творческие наклонности, развивает в них социальную активность, закладывает надежную основу для формирования научного, марксистско-ленинского мировоззрения, правильного понимания окружающей действительности. Публикуя в этом номере материалы о роли свободного времени в формировании всесторонне развитой личности, редакция намеревается в дальнейшем печатать статьи, очерки, заметки и о том, что уже сделано, и о неиспользованных возможностях и нерешенных проблемах в этой сфере нашей жизни.

Сегодня разговор о проблемах свободного времени открывается беседой корреспондента журнала с первым секретарем Советского райкома КПСС г. Новосибирска доктором исторических наук Русланом Сергеевичем ВАСИЛЬЕВСКИМ.

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

■ **Какова, по вашему мнению, роль свободного времени в воспитании гармонически развитой личности?**

— В недавнем постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного художественного творчества» отмечалось, что огромные социально-экономические преобразования, осуществленные в стране за годы Советской власти, рост материального благосостояния, повышение уровня образования и культуры и, в частности, увеличение свободного времени трудящихся создали благоприятные условия для всестороннего развития личности.

В связи с этим хочу напомнить слова товарища Л. И. Брежнева, сказанные им на XVIII съезде ВЛКСМ: «Материальные блага для нас не самоцель, а предпосылка всестороннего развития личности. Поэтому важно, чтобы подъем благосостояния сопровождался обогащением внутреннего мира людей, формированием правильного понимания цели и смысла жизни». Леонид Ильич отметил, что «высокий уровень образованности и информированности советских людей, в том числе, конечно, молодежи, серьезно повышает требования и к стилю воспитательной работы».

Сегодня на первый план выдвигается задача осознать, осмыслить возможности, которые созданы в нашей стране для всестороннего развития личности, научиться их эффективно использовать. На это нацеливают нас партийные документы, в которых подчеркивается необходимость комплексного подхода к воспитательной работе.

Долгие годы мы вынуждены были главное внимание уделять индустриализации страны, созданию материально-технической базы. Иначе и не могло быть — речь шла о жизни и смерти социалистической Родины, нашего общества. Мы решили эту задачу, и решили ее успешно. Однако чем крупнее наши достижения, тем сильнее ощущаем мы во всех областях жизни значение человеческой личности, ее творческого начала. Когда социологи говорят, например, о дефиците рабочих в той или иной отрасли промышленности, я не уверен, что вопрос надо ставить именно так. Может быть, вернее говорить об автоматизации производства, о дефиците талантливых конструкторов, которые занимаются автоматизацией этого производства? Всемерное развитие творческих способностей, творческого подхода к делу становится сегодня насущной потребностью. Между тем развитие этого начала в значительной степени происходит именно в сфере свободного времени человека.

■ **Существует ли связь между проблемами свободного времени и вопросами атеистического воспитания?**

— Самая непосредственная. Известно ведь: чем больше вопросов, явлений реальной действительности волнует человека, тем больше у него появляется возможностей найти свое призвание, реализовать свои способности и раскрыть свою индивидуальность; появляется и крепнет чувство уверенности в своих силах, ощущение хозяина своей судьбы. Человек получает все возможности для объективного и творческого отношения к действительности. Закрепляясь в повседневной практике, это отношение перерастает в убеждение.

И наоборот, чем меньше у человека интересов, чем мельче их общественное значение, тем уже спектр возможностей для самовыражения, для реализации своих способностей, своей индивидуальности, меньше степень внешней и внутренней свободы и, значит, сильнее зависимость от внешних обстоятельств. В этом случае человек чувствует себя дискомфортно, начинает отдаляться от действительности и воспринимать взгляды и убеждения, хотя и противоречащие объективной действительности, но создающие иллюзию удовлетворения его потребностей. Именно такую роль часто играют религиозные взгляды и убеждения.

■ **Формирование личности начинается с самого раннего возраста. Видимо, организуя досуг детей, мы также не вправе забывать о его важной роли в воспитании человека?**

— Несомненно. Ребенок чрезвычайно активен. Огромная жажда познания сочетается у него с острой потребностью в самостоятельности, в самоутверждении. И дальнейшая жизнь человека в значительной мере зависит от того, насколько удалось удовлетворить эти его потребности в детстве и отрочестве.

И пионерская и школьная комсомольская организации, к сожалению, еще не всегда в полной мере учитывают эти особенности возраста. Да и внешкольные учреждения чаще всего повторяют,

копируют ту же школьную схему отношений «учитель — ученик». Кроме того, здесь в большинстве случаев действуют законы узкой специализации: если, к примеру, занимаются спортом, так уж только спортом, если техническим творчеством — то уж больше ничем. Проявлять самостоятельность, учиться ответственности за свои слова и поступки, познавать мир так, как это ему хочется — весело и непосредственно, выбирать то, что ему хочется, ребенку порой негде. Ему надоедает положение ученика, которого поучают и обязывают, которому указывают и запрещают. Надо прямо признать: до сих пор еще встречаются у нас педагоги, которые в силу известного опасения «как бы чего не случилось» боятся активности детей, сдерживают ее, гасят. А ведь потери, которые общество несет из-за недоработок в этой сфере, весьма велики.

■ Потери?

— Конечно! Весь ущерб, который наносят обществу недостатки воспитания, учесть трудно. Но кое-что назвать можно. Возьмите хотя бы безответственное отношение к своему делу. А неумение или нежелание видеть за сиюминутными решениями и результатами их конечную цель и смысл? А равнодушие к людям, цинизм, потребительство? Изъяны в воспитании, как видите, оборачиваются реальными потерями, и не только в моральном, нравственном, но и в экономическом плане.

■ Видимо, особое внимание следует уделять досугу подростков?

— Разумеется. Перечисленные выше проблемы в этом возрасте стоят особенно остро. Надо твердо помнить: стараясь подчинить ребят влиянию взрослых, мы не должны подавлять их инициативу — важнейшую составляющую личности. Воспитатель, как правило, сильнее подростка, и если он нерасчетливо пользуется своей силой, то активность ребенка может быть сломлена, инициатива погашена. Он станет послушен, прилежен, но уже никогда не выдумает пороха, не восстанет против несправедливости, не возьмет на себя ответственность за смелое решение. Став взрослым, где бы он ни жил — в селе ли, в городе — он будет после работы маяться от скуки — явление, именуемое недопотреблением культурных и духовных благ. При этом есть опасность, что отсутствие интересов, неумение найти себе дело по душе, общественная пассивность могут привести к тому, что у него начнет портиться характер, осложняться отношения с коллегами по работе и вообще с окружающими, начнутся ссоры, неудачи и, в конечном счете, неудовлетворенность собой и всеми. И бывает, что такая обида на всех и вся за свою «неудавшуюся» жизнь приводит к отчуждению от действительности, к уходу в мир, вернее мирок, религиозных иллюзий, религиозной общины.

■ Видимо, у вас есть положительная программа?

— Мы часто ломаем себе голову: что бы предпринять, чем бы занять подростков, чтобы отвлечь их от улицы, какое бы еще провести воспитательное мероприятие? Между тем в выдумке ни один взрослый не может соперничать с подростками. Ребята самостоятельно найдут для себя столько дел, сколько их не придумают для них все научно-методические кабинеты. Наша задача — внимательно присматриваться к затеям детей, поддерживать их интересные инициативы, направлять их в нужное русло, поддерживая, развивая все положительное и раскрывая перед подростками смысл отрицательного, но отнюдь не подменять их дела собственными конструкциями, разработанными в кабинетной тиши. Причем направлять следует не каким-то менторским тоном, директивно указывая, а в виде советов, пожеланий, мнений и даже делать это не нам самим, а через лидеров ребячьих компаний. Для этого, разумеется, надо постараться понять, кто их подлинный лидер, как и почему он им стал. Следует заметить, что именно так действовали лучшие советские педагоги.

При умелом, ненавязчивом влиянии компания подростков, постепенно утрачивая свои отрицательные качества и развивая положительные, может стать коллективом, способным и одернуть своего лидера, даже заменить его, если он пойдет против сложившихся здесь здоровых принципов и традиций. Такой коллектив, спаянный общим интересом, основанный на доброй воле и самоуправлении, может стать для подростков школой самостоятельности, ответственности, правильной оценки своих роли и места в жизни. И если в обычной школе подросток не может переходить по своему желанию из одного коллектива в другой, то здесь все предоставлено его собственному выбору. И чем больше будет таких ребячьих коллективов, тем легче будет каждому подростку найти в одном из них свое настоящее место, отвечающее его характеру, увлечениям, складу мышления. Кстати, именно в ребячьих коллективах такого рода осуществляется комплексное воспитание. В данном случае совершенно неважно, какой интерес объединяет ребят — фехтование, планеризм, любовь к театру или к почтовым маркам. Это лишь форма, которую мы обязаны насыщать содержанием.

Наш партийный долг влиять на человека всюду, где происходит формирование его личности, где складываются его взгляды и вырабатываются убеждения, где сосредоточены интересы и увлечения.

■ Известно, что в Советском районе Новосибирска, вернее в Академгородке, который составляет большую часть района, накоплен интересный опыт организации свободного времени молодежи. В какой мере вам удается на практике реализовать те принципы, о которых вы говорили?

— Поиск новых форм и методов работы с молодежью в сфере свободного времени партийная организация района считает своей важной задачей.

Более 10 лет существует в районе фехтовальный клуб «Виктория». Мальчики и девочки младших классов поступают в спортивную школу клуба, в которой ведут занятия взрослые его члены. Ребята попадают в атмосферу здорового, сложившегося детского коллектива. Все вопросы они решают сами: у них свой устав, кодекс чести, атрибуты, символика, обряды, в частности обряд посвящения в мушкетеры. И люди, прошедшие школу клуба, как правило, сохраняют высокие моральные и нравственные нормы, привитые им в «Виктории».

■ Детские спортивные школы заинтересованы в высоких спортивных показателях и потому, к сожалению, чаще всего обращают внимание только на перспективных со спортивной точки зрения ребят. А куда идти «неперспективным»?

— Снова сошлюсь на опыт «Виктории». На спортивных состязаниях команды клуба добиваются серьезных успехов. Однако еще не было случая, чтобы сюда не приняли кого-то как неперспективного. Принимают всех желающих. Именно потому, что это не обычная школа, а ребячий коллектив, сплоченный общим увлечением, здесь в почете не только мастера фехтования, но и летописцы клуба, и художники, и «герольды». Тут каждому, даже тому, кто никогда не выиграл ни одного боя, найдется дело по душе. Сравнительно недавно в районе открылся еще один клуб — планерный, тоже для подростков. И он, безусловно, использует тот ценный опыт, который накоплен в «Виктории».

■ А как обстоит дело со студенческими и молодежными клубами?

— Хочу отметить, что в этом вопросе мы стараемся идти по пути тех парковых архитекторов, которые не прокладывают пешеходные дорожки по придуманным схемам, а дают людям возможность протоптать удобные для них тропинки и уж потом эти тропинки посыпают песком. В этом случае отпадает необходимость ставить на каждом шагу надписи «по газонам не ходить».

Изучая интересы и потребности молодежи, мы поддерживали ее инициативу, стараясь найти и усилить в ней ее общественно полезные стороны, стремясь предоставить молодежи максимум самостоятельности. Именно так рождались клубы, которые действуют сейчас в Советском районе. Это в полной мере относится, например, к хореографическому объединению «Терпсихора».

Интересно, что в отличие от обычных клубных объединений, «Терпсихора» не находится «при ком-то». У нее существуют члены-учредители — организации, заинтересованные в ее существовании и оказывающие ей определенную помощь и поддержку, причем на взаимовыгодной и взаимополезной основе. Клубная модель типа «Терпсихоры» представляется нам весьма эффективной.

■ Какое значение вы придаете семинарам по проблемам свободного времени и молодежных клубов, которые ежегодно проходят в Академгородке?

— Эти семинары, как и клубы, о которых шла речь, мы тоже не сами придумали. В данном случае мы опять-таки поддержали и направили инициативу молодежи — на этот раз райкома комсомола и «Терпсихоры». И не пожалели. Если раньше мы действовали чисто интуитивно, методом проб и ошибок, а такие ошибки, разумеется, были, то теперь вдумчивое обсуждение позволяет нам сосредоточить внимание на самом главном.

Наш опыт позволяет сделать вывод: всемерное развитие интересов человека в сфере его свободного времени является важным фактором коммунистического воспитания. Свободное время, ставшее подлинным пространством для развития личности, активно способствует формированию марксистско-ленинского мировоззрения, идейной зрелости, социальной активности, развитию творческой сущности человека. В этой связи правильная и целенаправленная организация свободного времени представляется нам важным направлением партийной, воспитательной работы.

ПОКЛОНЕНИЕ

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Фото А. Елкина.

Потребность человека в танце изначальна, как и потребность в движении и общении. Собственно говоря, танец и есть не что иное, как общение в форме движения, на языке движения. Жест удивления, поза отчаяния, забавная повадка зверя — все, что останавливало на себе внимание человека, становилось материалом для танца. Из набора движений рождались образы радости, ярости, отчаяния. В танце человек не только развлекался. Массовые танцы (как и большинство совместных действий) сплачивали соплеменников, вырабатывали в них коллективные навыки. Молодежь, участвуя в танцах и плясках, познавала повадки и характеры изображаемых зверей, приемы охоты, нормы поведения, принятые в племени, нравственные оценки различных ситуаций.

В различные эпохи к танцу относились по-разному. В древности в странах арабского Востока и Индии, позднее в Римской империи танец считался одним из важных элементов культуры. Так, древнегреческий философ Платон, размышляя о характере идеального государства, настаивал на необходимости всеобщего обязательного обучения молодежи не только поэзии и музыке, но и танцам [1].

Раннее христианство, проповедуя близкое второе пришествие мессии и требуя в связи с этим массового покаяния в грехах, аскетизма, поста и молитвы, не могло примириться с массовым танцем.

Позже в тех странах, где христианство вытесняло прежние религии, народный танец, как правило, связывался с прежними религиозными представлениями. Преследование танца становилось для христианской церкви одним из элементов борьбы за полное

[1] См.: Платон. Соч., т. 3, ч. 1 «Государство». М., 1971.

господство своих взглядов и представлений.

Однако движение жизни нельзя остановить даже методами «святой» инквизиции. Танец, как и остальные виды искусства, вопреки всем запретам и гонениям, утверждал свое право на существование. Церковь не могла ни уничтожить его, ни подчинить себе. С течением времени танец, в особенности народный, не только все больше уходил из-под ее влияния, но и, пропитываясь духом свободомыслия, выражая критику духовенства, создавал гротески и шаржи на священнослужителей. В России в наиболее яркой форме это отразилось в творчестве скоморохов. Понятна та ненависть, которую питало русское православное духовенство к свободолюбию и вольномыслию скоморохов.

ТЕРПСИХОРЕ

Отношение религии и церкви к танцу и сегодня достаточно настороженное. На первый взгляд это может показаться странным: чем, скажем, может быть опасен христианству невинный краковяк и твист? Может быть, это просто инерция религиозного мышления? Застарелый стереотип, сложившийся еще в давние века и бездумно перенесенный в наше время? Вряд ли. Видимо, дело в том, что и народные танцы, и «западные», и бальные (впредь все их вместе, в отличие от балетного и вообще сценического искусства, мы будем называть массовыми) по самой своей сути не соответствуют представлениям христианства. Подобное отношение свойственно не только христианству. В странах, где владычествовал ислам, адаты и шариат запрещали массовый народный танец.

Если религия стремится убедить человека в суетности, тщете и даже греховности всего, что не связано с познанием бога и проповедью вероучения, то есть ведет к отрицанию чисто земных чувств и переживаний, то массовый танец служит формой выражения всего богатства человеческих чувств — от светлой грусти до самозабвенной радости.

Подлинное искусство немыслимо вне нравственных, моральных, мировоззренческих поисков, вне осмысления человеком своего места в современном мире. А именно в этой плоскости и идет сейчас спор между религией и атеизмом. Как и всякое искусство, танец, войдя в круг интересов человека, способен открыть юноше или девушке прекрасный мир. Если говорить о современном массовом танце, то суть проблемы состоит в том, как из приятного времяпрепровождения на танцплощадке превратить его в средство эстетического и нравственного воспитания личности.

Как этого добиться? Прежде всего необходимо учитывать важную закономерность, замеченную социологами: танцплощадка, являясь местом постоянных встреч примерно одной и той же группы молодежи, становится своеобразным клубом, создает некоторую общность, где вырабатываются и формируются определенные ценностные ориентиры, стиль и манера поведения. Между тем танцплощадка далеко не всегда понимает язык танца; не слишком хорошо знают этот язык даже участники танцевальной самодеятельности, ибо их занятия, образно говоря, больше всего направлены не на изучение языка танца, а на механическое запоминание текстов. А ведь здесь, вероятно, не так важно запомнить определенные движения, сколько овладеть их смыслом, освоить создаваемый ими образ, научиться выражать в движении мысль и чувство. К сожалению, именно этого-то большинство руководителей танцевальной самодеятельности не умеют. Их этому не учили.

Однако жизнь не стоит на месте, и если в наших клубах и на танцплощадках молодежь плохо учат увлекательному языку танца, для его изучения возникают клубы, такие, например, как «Терпсихора».

Хореографическое объединение «Терпсихора», которое сейчас хорошо известно не только в Новосибирске, но и во всей стране, начиналось очень скромно. Сначала была студенческая компания, увлекавшаяся танцами и балетом, затем молодые люди создали нечто вроде клуба, в ту пору мало чем отличавшегося от других клубов, членов которых объединяет тот или иной интерес или увлечение. Члены клуба смотрели спектакли Новосибирского академического театра оперы и балета, спектакли других театров, а затем обсуждали увиденное вместе с артистами.

Однако за шесть лет существования «Терпсихора» ушла далеко от своего первоначального вида. Сегодня это объединение стало органичной и заметной частью духовной и общественной жизни города, в сфере его влияния — тысячи людей; на «Посиделках» и «Славянских базарах», например, собирается порой более 500 человек, билет на них достать очень трудно. Важной особенностью объединения является то, что оно рассчитано не только на людей, обладающих определенной танцевальной культурой, но и на тех, кто такой культурой еще не обладает. Работе именно с теми, кто имеет весьма смутное представление о языке и культуре танца, посвящена первая из 13 программ объединения, так называемая «ликбез» — ликвидация танцевальной безграмотности. Если у вас пробудился интерес к танцу, «Терпсихора» поможет удовлетворить его на любом уровне. Хотите — разовые уроки, хотите — двухмесячная школа. И в том и в другом случае вам не просто покажут последовательность движений, а постараются раскрыть стиль танца, его язык, законы и нормы танцевального общения. Новичку стараются внушить: необходимо думать не о правилах, а о выразительности, о том, что вы хотите сказать своим танцем. Через школы «ликбеза» — первой ступени «Терпсихоры» — прошли сотни юношей и девушек.

Заронив в душу человека искру

интереса, «Терпсихора» сама раздувает ее до уровня увлечения, и тут оказывается, что людей, овладевших подлинной танцевальной культурой, вкусы обычной танцплощадки не устраивают. Для них в рамках «Терпсихоры» действует вторая программа — «Дансинг», «Дискотека», «Посиделки» и «Славянский базар».

«Дансинги», например, проводятся, как правило, в молодежных кафе максимум для 200 участников. Большая часть времени на этих вечерах отводится танцевальной практике. Однако раскованные и вроде бы никем не управляемые «Дансинги» на самом деле проходят по четкому, заранее продуманному плану (по ходу дела в него могут вноситься коррективы). В антрактах и паузах между танцами как бы случайно возникают конкурсы знатоков и исполнителей, демонстрируется новый танец, делается обзор новостей театральной жизни Новосибирска.

«Дискотеки», как и «Дансинги», — это вечера танцевальной практики, проводятся они обычно в молодежных кафе. Отличие состоит в том, что музыкальный репертуар здесь каждый раз подбирают по тематическому принципу. Подбирает репертуар и ведет вечер «дискжокей». На эту роль обычно выбирается человек, широко образованный, авторитетный, с хорошим вкусом, умеющий говорить ярко и образно. Приглашая присутствующих к танцу, он рассказывает о данном произведении, о том, к какому музыкальному или танцевальному направлению оно принадлежит; тем самым он знакомит присутствующих с принципами своего отбора, со своим отношением к музыке и танцам. Высокий авторитет «дискжокея» не подавляет присутствующих — на «Дискотеках» довольно часто возникают импровизированные дискуссии о тех или иных музыкальных записях, о вкусах самого «дискжокея», которому предлагают «сменить пластинку».

«Дансинги» и «Дискотеки» устраиваются довольно часто — до трех раз в месяц; «Посиделки у «Терпсихоры» проходят реже — один-два раза в год; если «Дансинги» и «Дискотеки» призваны

«Хоралли» — хореографическое ралли.

Ведущий прерывает шуткой танец...
...поскольку страсти перешли незримую черту.

удовлетворять интересы любителей массовых танцев, то «Посиделки», как правило, ориентируются на тех, кто интересуется балетом.

В рамках «Терпсихоры» проходят также «Славянские базары», названные по имени московского ресторана, где встреча Станиславского и Немировича-Данченко положила начало МХАТу. «Славянские базары» — это встречи творческой интеллигенции Новосибирска с членами объединения, взаимное представление друг другу. Каждый участник встречи должен предъявить свою визитную карточку: показ своего творчества, рассказ о своих делах, планах, демонстрацию номеров самодеятельности.

Как мы уже говорили, билет на вечера, организуемые «Терпсихорой», достать очень трудно. И это легко понять — «Терпсихоре» удается создать на своих вечерах весьма привлекательную атмосферу — уважения к человеческой личности, взыскательного вкуса, демократизма. За столиками молодежного кафе тут можно встретить молодых рабочих и руководителей предприятий, студентов и профессоров, участников заводской самодеятельности и прославленных мастеров искусств.

Желающим «Терпсихора» предлагает еще одну — просветительную — программу «Классический и современный балет». Вечера «Мир балета», составляющие часть этой программы, можно назвать лекторием или факультетом народного университета

культуры, но это будет не совсем точно. Стараясь уйти от шаблонов, «Терпсихора» и в данном случае постаралась создать нечто оригинальное. Тема каждого вечера — выдающееся явление в хореографии прошлого или настоящего. Средства — слайды, любительские и профессиональные кинофильмы, рассказы авторов фильмов, артистов.

Если программа «ликбеза», образно говоря, — арифметика хореографии, то «Мир балета» — высшая ее математика.

К вечерам «Мир балета» близко стоят «Сезоны Терпсихоры», вечера, посвященные хореографической жизни города, где проходят встречи с творческими коллективами, обсуждение премьер.

Если вас удовлетворяют ваше умение танцевать и ваши знания о балете, вам будет достаточно второй и третьей программы. Но если, что более вероятно, вам захочется сопоставить свои знания и умение с достижениями других, «Терпсихора» пригласит вас принять участие в конкурсах исполнителей бальных танцев или знатоков хореографии — состязательная программа.

Таким образом, программы «Терпсихоры» создают в своей совокупности целостную систему хореографического воспитания личности — от ликвидации танцевальной и музыкальной безграмотности к исполнительскому мастерству и взыскательному вкусу ценителя и знатока.

А это — импровизация.

Цыганский танец.

«Дискотека» — это не всегда только танцы. В ней есть место к дискуссиям о тех самых вкусах, о которых, как известно, не спорят!

Однако это далеко не все, что дает «Терпсихора». Если бы объединение на этом остановилось, оно бы, вероятно, не сумело достигнуть сегодняшнего размаха.

«Терпсихора», как уже говорилось, возникла из студенческой компании, которая увлекалась танцами и балетом. Геннадий Алференко, старший инженер лаборатории геологии и геофизики Новосибирского государственного университета, бессменный президент объединения, считает, что все началось с бушевавшей в то время дискуссии о том, что танцевать или как танцевать. Она-то и вывела на те проблемы, которые «Терпсихора» решает (и довольно успешно) уже шесть лет. Но дело, вероятно, не столько в этой дискуссии, сколько в Геннадии Борисовиче Малькове, в Геннадии Алференко, в других юношах и девушках, стоявших у истоков «Терпсихоры». Их энергия, творческое отношение и научный подход к своему увлечению позволили «Терпсихоре» стать тем, чем она сейчас стала.

Особо следует сказать о девятой — исследовательской программе «Терпсихоры», которая осуществляется на серьезном профессиональном уровне. Причем рекомендации исследователей оперативно реализуются в практике объединения.

Примечательно, что молодежный клуб «Терпсихора» не имеет собственного помещения, штатных единиц, фондов и т. п. В то же время работа здесь проводится очень большая, работа, требующая усилий многих людей. Откуда они берутся?

Кадры «Терпсихоры», как мы уже говорили, не выбираются и не назначаются, а занимают место в структуре благодаря своим способностям и желанию трудиться.

Как это происходит? Если после прохождения «ликбеза» вас не влечет ни познание, ни состязательство, ни исполнительство, то, естественно, вы можете просто посещать «Дансинг» или «Дискотеку». Однако со временем вам станет все трудней попадать на эти вечера — «Терпсихора» не терпит потребительского отношения. В ее рамках есть возможности для активной реализации многих интересов, но именно

Бессменный президент «Терпсихоры» Геннадий Алференко.

активной; используя предоставленные вам возможности, вы должны не только брать от «Терпсихоры», но и что-то отдавать ей. Если же у вас нет стремления, развиваясь самому, помогать в этом другим, вы уступите место тем, у кого это стремление есть. (Кстати, недостатка в желающих «Терпсихора» не испытывает.) Ну, а если вы именно такой человек, перед вами открываются самые широкие возможности для приложения творческих сил. Будьте исполнителем и добивайтесь вершин в этом деле, совершенствуйте свое мастерство, участвуйте в состязаниях, демонстрируйте свое умение на «Дансингах» и других вечерах. Вы можете стать дискжокеем, экспертом... Вас не влечет ни исполнительство, ни карьера знатока? Тогда, может, у вас педагогические наклонности? После того как эксперты убедятся в вашей компетентности, вам помогут выступить с обзором, прочитать лекцию. Если аудитория вас признает — действуйте в том же направлении, если опыт не удался, совершенствуйтесь. «Терпсихора» ведет шефскую работу в школах города, ГПТУ, в детском доме. Хотите попробовать свои силы? Может быть, у вас есть исследовательские склонности? Административные? Вы любите рисовать? Прекрасно! Это поможет нашей издательской программе!

Короче говоря, вряд ли найдется такой интерес, такое увлечение, которые нельзя было бы реализовать в рамках «Терпсихоры». А реализуя его, вы можете занять любое положение. Младший научный сотрудник или молодой рабочий может стать здесь главным художником или директором-распорядителем. При этом, стимулируя естественный процесс выдвижения кадров, «Терпсихора» весьма внимательно относится и к их квалификации — так, на факультете общественных профессий университета читается специальный курс «Организация досуга молодежи».

Как известно, лучший способ проверки актуальности и жизнеспособности любой идеи, любого новшества — практика. Такую проверку «Терпсихора» выдержала с успехом. Об этом лучше всего свидетельствует возникновение таких же объединений во Владивостоке и на Сахалине.

Деятельность «Терпсихоры» не укладывается в привычные рамки культурно-просветительной работы... Новосибирцы могут гордиться своим самобытным просветительным центром хореографии... Думается, этим формам досуга во многом принадлежит будущее.
«Правда», 21 марта 1974 г.

Изучая этот вид искусства, проникая в его тайны, каждый член коллектива как бы приобретал своего рода вторую, общественную профессию. Более того, участие в деятельности «Терпсихоры» служило определенной школой нравственного и эстетического воспитания человеческой личности.
«Советская культура», 9 декабря 1975 г.

Почему мы оказываем «Терпсихоре» стопроцентное содействие? Потому что она помогает нам настраивать комсомольский актив на волну культурных потребностей молодежи. Третий год мы проводим городской фестиваль оперного и балетного искусства.
Ю. Нестеров, первый секретарь Новосибирского горкома ВЛКСМ

Я желаю клубу «Терпсихора» не просто счастья, а процветания, именно процветания. Чем больше будет у вас поклонников, тем больше будет людей, получающих радость от общения с прекрасным.
Майя Плисецкая, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии

Ваше существование — свидетельство замечательных человеческих качеств. Желаю вам успеха, здоровья и тысяч филиалов по всей стране.
С любовью,
Лойпа Араухо, прима-балерина Национального балета Кубы.

Каждый коммунист должен показывать образец самоотверженного труда, быть умелым организатором, распространителем передового опыта, болеющим душой за общее дело, за создание атмосферы дружной, самоотверженной и творческой работы коллектива.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1978 года «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР».

В стороне от асфальтовой ленты шоссе, в купах деревьев возникают контуры многоэтажных кирпичных домов-башен. Густой красный цвет на фоне темной зелени — таким видится с дороги поселок «Накотне». Если путник заранее заглянет в справочник — он прочтет: «В ноябре 1946 года был организован первый в республике колхоз с символическим названием «Накотне» — «Будущее». Колхоз стал образцовым».

Не раз бывала я в этом хозяйстве, встречалась с председателем Артуром Эдуардовичем Чиксте, ездила вместе с ним по полям, присутствовала на заседаниях правления. Этот невысокий, плотный 48-летний человек с мягкими интонациями хрипловатого голоса не просто хозяйственный руководитель колхоза, но и подлинный духовный лидер коллектива.

Из каких же слагаемых складывается такое лидерство!

Здесь и глубокое знание людей, понимание их материальных и духовных потребностей, искренность, чувство общности с коллективом, сочетание трезвого расчета в хозяйственных делах с возвышенностью целей. У Артура Чиксте—обостренное социальное мышление, умение видеть за повседневными заботами важные перемены, происходящие на селе.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

И. ЕВСИКОВА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Под вечер в правление зашел Олег Бевалд. Председатель уже собирался уходить и перебирал бумаги, откладывая те, которые надо было взять с собой. Глаза, потерявшие обычный живой блеск, выдавали усталость после долгого трудового дня.

Бевалд сел в кресло возле председательского стола и, как будто продолжая прерванный разговор, начал говорить о системе выдачи строительных материалов (он работал кладовщиком). Говорил в обычной своей манере, напористо, уверенно, но Артур подумал, что не затем пришел посетитель под вечер в председательский кабинет, чтобы рассказать об организации работы склада.

Статен и ладен для своих шестидесяти лет Олег Бевалд. Артур помнил его еще совсем молодым, когда тот после службы в армии поселился на хуторе и зажил своим хозяйством. Работал в колхозе и электриком, и кузнецом, и полеводом. Младшая дочь живет со стариками, работает в оранжерее цветоводом. Остальных детей разбросала жизнь по латвийским городам и селам. Квартиру в новом доме Бевалдам могли дать давно, да что-то не торопятся они с заявлением. Может быть, по этим-то делам и пришел Бевалд? И словно угадывая немой вопрос председателя, начал Олег о том, ради чего пришел.

Не первый год идет у них с женой спор. Переезжают колхозники в новые квартиры, привыкают к газу и горячей воде. И ему, Олегу, хочется на старости лет пожить так же. А жена возражает: из города приедут внуки — попить деревенского молока, поесть ягод и фруктов, отдохнуть. Как их принять в новой квартире? Положим, землю для сада им выделят неподалеку от многоквартирного дома. Но куда денешь хозяйство, корову? Конечно, молоко можно в колхозе купить. Да и возни с коровой немало — корм запасай, доить да выгонять вставай рано утром... Но свое молоко, не купленное. Может быть, права жена?

Не простое дело привело Бевалда к председателю в вечерний час. И разговор предстоит не легкий. Многое угадывал председатель колхоза за спором старика со старухой. Ему ли, Артуру Чиксте, крестьянину и сыну крестьянина, не понять сомнений Бевалдов. Деревья, посаженные своими руками, отцовский дом, где знаком каждый сучок и завиток древесины... Утешительна мысль, что все это перейдет детям, что и внуки будут жить в этих же стенах. Иллюзия бессмертия, чувство преемственности, привычка к жизни, в которой человек, как дерево, лист, трава, приходит и уходит в свой час, растворяясь в новой поросли с великой и неизменной мудростью природы. Напор новой жизни, вихри событий разрушили хуторскую идиллию. Да и вовсе не идиллично было прежнее крестьянское житье. Разве могут Бевалд и его ровесники забыть о ярмарках батраков, о полузерниках — безземельных крестьянах, отдававших за пользование хозяйской землей половину урожая. Даже Артур, которому еще нет пятидесяти, хлебнул в детстве батрацкого житья.

Время порой смягчает, как будто ретуширует прошлое, кому-то может показаться, что тогда, в прошлом, и реки были чище, и отношения людей естественнее.

Чиксте и сам бывало поддавался такому настроению, когда приходилось ему заглядывать в этнографический музей Риги. Деревянное ведро на срубе колодца, застывшие крылья ветряной мельницы, корчма с распахнутой дверью — казалось, время здесь остановилось. Однако очарование прошлого рассеивалось, когда в памяти вставали картины прежней жизни, которой жили его предки — медлительные и немногословные крестьяне. Примитивная прялка и плуг напоминали о тяжелом труде — от зари до заката. Долгие зимние вечера на одиноких, разбросанных среди лесов и болот хуторах, когда хозяйственная жизнь почти замирала... Церковная проповедь, звуки органа, семейная Библия в тяжелом кожаном переплете — все это было знакомо ему по собственному детству.

Строгий голос благочестивого соседа, неторопливо и торжественно читающего евангельские притчи, пастырское напутствие в день конфирмации — как метались мысли пытливого крестьянского мальчика в тесных рамках церковных заповедей, как невозможно было измерить меркой религиозных канонов новую жизнь, менявшую вековой уклад, представления о добре и зле.

Зло приходило в обличье кулацких банд, посылало пули в первых советских активистов. Так погиб Рихард Лиекне, парторг волости, сын Теодора Лиекне, батрака, бывшего узника фашистского концлагеря. С ним совсем еще юный Артур прокладывал первые борозды на первом колхозном поле. Разговоры с Теодором в минуты коротких передышек весной 1947 года запомнились ему навсегда. Даже сейчас, перебирая их в памяти, он поражается тому, как стойко переносил его первый наставник муки концлагеря, смерть сына; старый батрак находил опору не в религии, а в неиссякаемой вере в человека, в то, что человек способен построить новую жизнь, новые справедливые отношения.

Добро должно быть активно. В самые главные часы своей жизни Артур всегда стремился измерять свои решения и поступки мерой реального, а не иллюзорного добра, живой, щедрой любовью к людям.

Когда год спустя после первой колхозной весны он вывел свое комсомольско-молодежное звено на отведенное ему поле, когда они ходили и лелеяли то поле, да еще заготавливали в лесу столбы для электролинии, ими двигало стремление утвердить, воплотить в действительность идеалы социализма. Памятью о тех годах стала Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, полученная 19-летним звеньевым за рекордный урожай зерновых.

Ноябрьский день 1946 года, когда одиннадцать крестьян, среди которых была и мать Артура Альвина Чиксте, собрались, чтобы учредить первый в Латвии колхоз, стал началом долгого и нелегкого процесса формирования новых человеческих отношений. Объединить небольшие бедняцкие наделы (на месте семейного участка Чиксте сейчас построено здание правления, где находится кабинет председателя), сложить вместе скудный инвентарь оказалось куда легче, чем проникнуться духом коллективизма, преодолеть предрассудки хуторской жизни. Новые моральные критерии возникали не вдруг, а воспитывались годами, их освоение происходило в конфликтах и столкновениях характеров, не всегда заметных постороннему взгляду.

Как-то еще в первые годы своей председательской работы Артур предложил на заседании правления ввести должность колхозного архитектора. Удивились: зачем хозяйству архитектор, если строителей всего несколько человек? Да и когда это крестьянин строил себе дом с помощью городского жителя?

— А как нам развивать село? — спрашивал Артур.— Пора создавать общественный центр — клуб, новую школу, стадион, плавательный бассейн, кафе.

Он заметил, как промелькнула на лице у одного из членов правления ироническая усмешка.

— В такой центр людей должно тянуть из усадеб. Человеческое общение — великое благо, дар. Да и дома не обязательно сооружать по принципу — каждый себе. Многие охотно поселятся в трех-, четырехэтажные дома, в просторных и комфортабельных квартирах. Нужно создавать новое «Накотне» по единому плану, с расчетом на детей, внуков. Без своего архитектора нам не обойтись.

Теперь поселок воплотился в камне и, словно магнит, притягивает к себе людей — пачка заявлений о приеме в колхоз становится все толще. За разговором о своем архитекторе стояло значительно более важное: как жить дальше на селе: среди людей и для людей или по принципу «каждый сам

себе хозяин? Но Артур понимал, что утверждать новые принципы человеческого общежития нужно осторожно и разумно, с учетом характеров и привычек людей, не отбрасывая лучшее из нравственного наследия прошлого.

Может, и не стоит ехать Бевалдам в многоэтажный дом, лучше подождать, когда колхоз осуществит намеченное — построит двухсемейные коттеджи с участком земли у каждого дома? Сад у дома — это ведь тоже ценность, и не только материальная, но и духовная. Тяга к земле, любовь к ней — одно из проявлений народного крестьянского характера, наряду с трудолюбием, жизнестойкостью, умением противостоять силам природы.

Разве не тот же исконный крестьянский характер, не то же чувство корней сказалось некогда в принятом им, Артуром, решении вернуться в родное село? После службы в армии и учебы в агрономическом техникуме жизнь увела его из дома. Он председательствовал в других колхозах, учился в Высшей партийной школе и приехал домой по трагическому поводу — на похороны председателя «Накотне» Рудольфа Томсона. Предложение заменить Рудольфа, прервать учебу, застало его врасплох. Согласился лишь после трудного раздумья, но никогда не пожалел о принятом решении. Здесь были его дом, его село, его земля, он не видел цели выше и благороднее, чем сделать эту землю лучше, чем она была раньше.

Или взять семейное начало, известного рода патриархальность старого сельского уклада, так ярко проявившуюся в Бевалдах с их заботами о многочисленных детях и внуках. Это прекрасное человеческое качество очень важно беречь.

В старину залогом прочности семьи считался церковный брак. Но отнюдь не церковный обет сохраняет семейное содружество. Здоровая моральная атмосфера в поселке, широкий круг культурных интересов, положительный пример старшего поколения — вот что создает обстановку, в которой люди свободно, по взаимной любви выбирают себе спутника жизни, живут в согласии и дружбе. Недаром так популярны семейные вечера в колхозном клубе, семейные туристические поездки на своих автомобилях, колхозных автобусах. Преодоление хуторской обособленности не привело к ослаблению семейных устоев.

В поселке «Накотне» появилось много новых людей, с которыми были связаны особенно разительные перемены в хозяйстве, в образе жизни. Первым среди них был архитектор Генрикас Шилгалис. Высокий, стройный, сугубо городской по облику и манерам человек, оставивший ради «Накотне» родной Вильнюс и место в проектном институте, он сразу же завоевал здесь доверие и любовь... Архитекторы, строители, химики, инженеры — их принимали сначала с некоторой осторожностью, характерной для людей, привыкших доверять в основном тем, кого знали с детства. Но лед недоверия таял в круговороте общих дел и забот.

Новый поселок с общественным центром возник в считанные годы. Были построены новые свинофермы, цех по переработке морских водорослей в агар-агар, ценнейшее вещество, необходимое в кондитерской промышленности. А недавно колхоз объединился с двумя соседними хозяйствами — поля нового «Накотне» тянутся теперь на десятки километров. Люди стали жить богаче, интереснее, ярче.

В этот поток полнокровной жизни вторгаются и горестные события. Умер вот Янис Дале, секретарь парткома колхоза, прирожденный умный воспитатель, приехавший из Риги и за недолгое время своей работы в колхозе сроднившийся с ним. Тяжелой потерей для Артура была смерть Карла Жейже, главного экономиста, с которым вместе учились в Высшей партийной школе, верного друга, талантливого человека. Друзья уходили, не успев попрощаться. И каждый раз ему казалось, что невозможно смириться с утратой. Он плакал на похоронах, горевал и потом, вспоминая ушедших, отдавался горю открыто, не стесняясь людей, потому что именно в них, в людях, привык искать моральную опору. И как ни тяжела казалась утрата, она вызывала мысли не о бренности всего земного, как некогда внушал в своей проповеди пастор, а, наоборот, о жизни вечно юной, о том, что человеку свойственно воплощаться, как сказал поэт, «в пароходы, в строчки и другие долгие дела».

Недавно хоронили Кристину Бернанде. Выполняя ее последнюю волю, родственники пригласили пастора, совершившего лютеранский поминальный обряд. Придя на состоявшуюся затем гражданскую панихиду (Кристина заслужила самую добрую память, она много сделала для колхоза) и стоя в почетном карауле у гроба, Артур задумался о том, какое место занимает религиозный обряд и вообще лютеранство

Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Артур Эдуардович Чиксте, председатель латвийского колхоза «Накотне».

в жизни современного села. Конечно, религиозное чувство не ушло бесследно, оно дает себя знать. В домах многих односельчан можно увидеть Библию — некогда непременную принадлежность каждой лютеранской семьи. Но если в стариках еще жива память о временах, когда эта книга регламентировала жизнь, обычаи и нравы, служила этическим кодексом, откуда черпали советы и утешения, то для людей помоложе она — лишь памятник древней культуры.

Как-то, заглянув в сельскую библиотеку, Артур заинтересовался, что читают люди в «Накотне», и наудачу достал одну читательскую карточку. Чего только не прочитала за год телятница Лидия Балыша — романы Диккенса, Бальзака, Горького, Льва Толстого, Лациса. И это, работая на ферме, воспитывая двоих детей, ведя домашнее хозяйство. И Артур подумал: наверное, в том и заключен смысл их общих усилий — и сооружение агропромышленного комплекса, и регламентированный рабочий день, и строительство современного жилья — чтобы колхозница Лидия Балыша могла читать книги, путешествовать по стране, воспитывать детей, не надрываясь на домашней работе.

Такое наполнение жизни всеми земными радостями и трудами несовместимо с религиозным миросозерцанием. Видимо, этим и объясняется тот факт, что церковные идеалы, внедрявшиеся в народное сознание столетиями и, казалось бы, упрочившиеся в нем навсегда, исчезают.

Разговаривая в тот вечер с Бевалдом о том, где ему жить, председатель говорил о завтрашнем дне колхоза, о планах хозяйственных, строительных, культурных. В этих планах личность каждого жителя «Накотне» — в центре внимания. Все, что делалось здесь, преследовало благо каждого колхозника, в том числе и благо четы Бевалдов. Артур с Олегом засиделись в председательском кабинете допоздна, но разговор так и не окончили — не решили: переезжать или не переезжать сейчас Бевалдам в новый поселок. Впрочем, жизнь наверняка сама ответит на этот вопрос.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ПЕРВЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

А. ИВАНОВ,
кандидат философских наук

В докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Л. И. Брежнев говорил, что «понятия свободы, прав человека, демократии и социальной справедливости наполняются действительным содержанием только в условиях социализма». Таким действительным содержанием наполняется и понятие свободы совести. В этом году наш журнал опубликовал ряд статей, освещающих различные стороны свободы совести. В первом номере напечатана статья В. А. Куроедова «Торжество ленинских принципов свободы совести», в четвертом и шестом — статьи А. С. Иванова «Важная сторона ленинского идейного наследия» и «Ленин о марксистском подходе к религии и церкви», в восьмом номере под рубрикой «Социалистическая демократия в действии» — статья М. П. Новикова «Свобода совести и духовная эмансипация личности». Под этой рубрикой редакция намерена и в дальнейшем публиковать материалы о развитии ленинских теоретических положений по вопросам свободы совести в документах КПСС и Советского государства, о претворении их в жизнь в процессе социалистического строительства, становления и развития советской демократии. В этом номере мы печатаем статью о ленинских принципах свободы совести в первых законодательных актах Советского государства.

Вопросы свободы совести неразрывно связаны с более общими социально-экономическими и политическими проблемами общества. При этом одна из характерных особенностей диалектики этой связи состоит в том, что решение первых всецело зависит от решения вторых: там, где не решены в интересах народа экономические и социально-политические проблемы, не могут быть кардинально решены и вопросы свободы совести. К примеру, в обществе, основанном на частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, при политическом господстве эксплуататоров и духовном порабощении эксплуатируемых нет и не может быть ни общего равноправия, ни равных социально-экономических, политических, гражданских и любых других прав и свобод, в том числе и свободы совести. И наоборот, переход всей власти в руки народа, ликвидация частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком, обеспечение всем трудящимся свободного доступа к духовной культуре предоставили советским гражданам «такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках»[1].

Свобода совести в нашей стране основывается на прочном политическом, экономическом и духовном фундаменте, на фундаменте социалистической демократии и осуществляется вместе со всеми другими правами и свободами, в тесном единстве с выполнением гражданских обязанностей. С этих позиций представляется важным рассмотреть, как же решались коренные политические и социально-экономические вопросы в государственных актах в первые месяцы существования Советской власти.

Такое рассмотрение, во-первых, даст возможность хотя бы коротко раскрыть, как практически осуществлялось народовластие, становление социалистической демократии, как создавались социально-экономические, политические и духовные предпосылки для реализации предоставленных трудящимся прав и свобод. Во-вторых, оно позволит проследить, как в первых законодательных актах Советского государства ставились и решались вопросы положения религии и церкви при новом общественном строе и какое это имело значение не только для свободы совести, но и для общего развития социалистической демократии и общественного прогресса в целом.

В-третьих, такое рассмотрение будет служить убедительным опровержением ложности утверждений буржуазной пропаганды о том, будто в нашей стране ведется гонение на церковь и верующих, причем началось оно якобы со времени установления Советской власти. Анализ первых документов и первых шагов Советского государства по революционному преобразованию различных сфер общественной жизни покажет, что оно осуществлялось в интересах всех без исключения трудящихся, независимо от их отношения к религии и церкви.

СВОБОДА СОВЕСТИ В ПЕРВЫХ ДЕКРЕТАХ И ДЕКЛАРАЦИЯХ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Образование Советского социалистического государства и принятие им первых законодательных актов связано со II Всероссийским съездом Советов, который работал 25 и 26 октября (7 и 8 ноября) 1917 года. Съезд принял воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», Декрет о мире, Декрет о земле, Декрет об образовании рабоче-крестьянского правительства.

Воззвание рабочим, солдатам и крестьянам юридически оформляло и закрепляло решение вопроса о власти. В нем говорилось, что съезд берет государственную власть в свои руки. На местах вся полнота власти передавалась Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В воззвании провозглашались основные направления деятельности государства внутри страны и на международной арене.

Единодушно принятый съездом Декрет о мире объявлял войну «величайшим преступлением против человечества» и торжественно заявлял о решимости немедленно подписать на одинаково справедливых для всех народов условиях мир без аннексий и контрибуций. В декрете провозглашались основные принципы внешней политики Советского государства: борьба за мир и мирное сосуществование двух общественных систем, равноправные и добрососедские отношения со всеми странами, пролетарский интернационализм и защита угнетенных народов. Декрет о земле отменял право частной собственности на землю. Помещичьи земли подлежали немедленной конфискации без всякого выкупа, земля стала всенародной, государственной собственностью. Всего в руки народа перешло свыше 150 миллионов гектаров. Все недра земли, леса и воды также переходили в собственность народа.

В постановлении об образовании Советского правительства определялась

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499.

система власти и управления: высшим органом власти провозглашался Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и его Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Для управления страной было образовано рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров.

Историческое значение этих постановлений II Всероссийского съезда Советов состоит не только в том, что они законодательно оформили создание нового, социалистического государства и закрепили власть Советов в центре и на местах, создали систему органов власти и управления, но и в том, что они заложили основы для коренных революционных преобразований в различных областях жизни, для создания нового, революционного порядка, революционной законности, для практической реализации принципов народовластия.

В этом состояло и их большое атеистическое значение — для решения вопросов, связанных со свободой совести. В. И. Ленин писал: «Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, принижения социального, огрубения и затмения духовной и нравственной жизни масс... Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством»[2]. И вот впервые в истории человеческого общества только что созданное государство трудящихся принимает законодательные меры к тому, чтобы разрушить эти веками существовавшие порядки, ликвидировать экономическое, политическое и духовное угнетение народных масс. Первые законодательные акты Советской власти, по сути, также решали или закладывали основы решения многих вопросов, связанных с религией и церковью.

Так, воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» законодательно оформило ликвидацию старой буржуазно-помещичьей государственности и тем самым устранило главную политическую силу, заинтересованную в религии и церкви. Вновь созданное государство диктатуры пролетариата как политическая организация трудящихся масс в них не нуждалось. Это вытекало из учения основоположников марксизма-ленинизма. И хотя формально еще не был принят законодательный акт об отделении церкви от государства, Советское государство уже принимало все меры к тому, чтобы ограничить деятельность религиозных организаций удовлетворением потребностей верующих, лишить русскую православную церковь экономической основы ее былого могущества, которое она имела в царской России.

В Воззвании говорилось, что Советская власть обеспечит безвозмездную передачу удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов. А вслед за этим Декрет о земле уже окончательно закрепил это положение, придал ему силу государственного закона. Пункт второй декрета гласил: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания».

За первыми законодательными актами, закрепившими новую государственность и определившими основные направления дальнейших революционных преобразований, последовали другие — как общего, так и частного порядка. Началась трудная и сложная работа по перестройке старых общественных отношений, слому старого государственного аппарата и созданию нового, по привлечению к управлению государством широких трудящихся масс.

Обратимся еще к некоторым документам Советского правительства, в которых наряду с другими проблемами решались и вопросы свободы совести. Через неделю после II Всероссийского съезда Советов Советское правительство опубликовало «Декларацию прав народов России», которая устанавливала свободное развитие и полное равноправие всех национальностей России, суверенность каждого народа, право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Декларация содержала и положения, связанные со свободой совести: отменялись все и всякие национальные и религиозные привилегии и ограничения, деление всех существовавших в стране религий на «господствующие», «терпимые» и «нетерпимые». Этим устранялось неравноправное положение религиозных организаций, существовавшее в дореволюционной России, уравнивались в правах все граждане независимо от вероисповедания.

В начале декабря 1917 года Совет Народных Комиссаров в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявил свободными и неприкосновенными национальные и культурные учреждения, обычаи и верования мусульман, гарантировал им полную свободу устройства своей жизни. Через месяц в составе Советского правительства был учрежден специальный Комиссариат по делам мусульман.

В декабре же были приняты Декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Они сыграли большую роль не только в создании новой демократической системы актов гражданского состояния, ее упрощении и упрочении, но и в освобождении семейно-брачных отношений от религиозной регламентации.

Одним из определяющих документов предконституционного периода развития нашей страны явилась написанная В. И. Лениным в начале января 1918 года «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она состояла из четырех глав, в которых говорилось об основах общественного и государственного устройства страны. В первой главе Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которая учреждалась на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик. Во второй главе ставилась основная задача — уничтожение всякой эксплуатации, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества, а также подтверждались уже начатые Советской властью важнейшие мероприятия: объявление земли, ее недр, лесов и вод общенародным достоянием, закон о рабочем контроле и о Высшем Совете народного хозяйства для обеспечения власти трудящихся, национализация банков как первый шаг к национализации промышленности, транспорта, введение всеобщей трудовой повинности, образование Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение эксплуататорских классов.

В третьей главе подтверждались внешнеполитические шаги Советского государства: политика разрыва тайных договоров, стремление во что бы то ни стало к достижению демократического мира между народами без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций, полный разрыв с варварской политикой порабощения сотен миллионов трудящегося населения колоний, закон об аннулировании всех займов, сделанных самодержавием и Временным правительством. В четвертой главе говорилось о принадлежности власти целиком и исключительно трудящимся массам, их полномочному представителю — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, о свободном и добровольном объединении рабочих и крестьян каждой нации в федерацию Советских республик России, о том, что в период решительной борьбы с эксплуататорами им не может быть места ни в одном из органов власти.

Декларация была принята в качестве программного документа Советской власти в январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов, закрепившем завоевания Октябрьской социалистической революции. В качестве одной из первоочередных задач съезд выдвинул подготовку Конституции первого в мире Социалистического государства. Решение этой задачи диктовалось назревшими жизненными потребностями государственного строительства. Конституция должна была: закрепить законодательно то, что уже было достигнуто революционными преобразованиями в области экономики, социальных отношений, политики, развитии демократических принципов; отобрать из сложившихся форм организации и деятельности Советов лучшие и целесообразные; придать уже сложившемуся в основных чертах государственному механизму нужную стройность, структурность на основе принципа демократического централизма. Советское государство приступало к развитию конституционного законодательства.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТЫ ПО ВОПРОСАМ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

В первые же месяцы своей деятельности Советское государство издает и специальные постановления по вопросам религии и церкви. Разрушая в центре и на местах аппарат буржуазно-помещичьей государственности, оно принимает меры к тому, чтобы ликвидировать веками сложившиеся и юридически узаконенные отношения этой государственности с церковью и религиозными организациями. Первыми декретами Совет-

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

ской власти, как мы видели, было ликвидировано право собственности религиозных организаций на землю, отменены все национально-религиозные привилегии и ограничения, деление конфессий на господствующие, терпимые и нетерпимые. У церкви были изъяты функции регистрации и расторжения брака, записи актов гражданского состояния. Специальными государственно-правовыми актами Советское государство упразднило учреждения, ведавшие делами духовенства в царской России (ведомство придворного духовенства, управление духовного ведомства в армии), отменило выдачу государственных средств на содержание церквей, священно- и церковнослужителей, на совершение религиозных обрядов.

Основополагающий государственный акт по этим вопросам — Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» — был принят 23 января 1918 года. Он заложил основы практического воплощения в жизнь марксистско-ленинских идей и программных положений по вопросам свободы совести и отношения пролетарского государства к религии и церкви. 24 августа 1918 года Народный комиссариат юстиции утвердил инструкцию о порядке проведения в жизнь этого декрета.

Каковы же отправные моменты этого документа и как они должны были проводиться в жизнь на основе разработанной инструкции? Остановимся прежде всего на двух положениях, отраженных в названии декрета: на отделении церкви от государства и на отделении школы от церкви.

Первый пункт декрета провозглашал отделение церкви от государства. Это практическое требование полного и безусловного отделения церкви от государства вытекало из глубокого марксистского анализа истории их взаимоотношения. А он свидетельствует о том, что в эксплуататорском обществе государство как политическая организация экономически господствующего класса, призванная охранять существующий порядок, и религия как один из видов духовного гнета всегда находились в органической связи. Этот глубокий теоретический анализ позволил В. И. Ленину сделать вывод: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего государства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»[3].

При таких взаимоотношениях между государством и церковью не могло быть и речи о свободе совести в самом широком и научном ее содержании — как свободы понимать мир таким, какой он есть в действительности, иметь научное мировоззрение, быть свободным от религиозных иллюзий, как свободы иметь возможность поступать в соответствии со своими убеждениями, отражающими потребности общественного развития, и т. д. Не могло быть речи при таких взаимоотношениях о свободе совести даже в узком, буржуазном, ее понимании — как свободы выбора вероисповедания и отправления религиозного культа.

Известно, что законодательство даже тех буржуазных стран, где церковь формально отделена от государства, не гарантирует человеку права быть атеистом, не исповедовать никакой религии, отстаивать свои научно-материалистические взгляды и атеистические убеждения. Более того, в конституциях 43 государств в настоящее время признается привилегированное положение одной из религий. Она часто не называется государственной, а именуется «национальной», «официальной», «религией народа», но это, разумеется, не меняет сути дела.

Такое законодательное признание привилегированного положения одной из религий несовместимо не только со свободой совести, но и просто со свободой вероисповеданий. Оно ставит последователей иных вероисповеданий в неравноправное юридическое и фактическое положение, не говоря уже о тех, кто не исповедует никакой религии[4]. Вот почему В. И. Ленин и ставил вопрос об отделении церкви от государства. «Полное отделение церкви от государства—вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви»[5],— писал он еще в статье «Социализм и религия».

Тем более это должно было сделать теперь государство нового типа, олицетворяющее народовластие. Собственно Советское государство никогда не было и не могло быть связано с религией и религиозными организациями. Принимая Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», оно преследовало две цели: во-первых, осуществить в законодательном порядке ликвидацию сложившихся в условиях буржуазно-помещичьего государства царской России церковно-государственных отношений; во-вторых, определить в законодательном порядке, исходя из идей марксизма-ленинизма, основные принципы взаимоотношения с религиозными организациями.

Отделением церкви от государства прежде всего подчеркивалось, что социалистическая революция, осуществляя слом буржуазно-помещичьей государственной машины, разрушая ее аппарат, ликвидирует и ее связи с церковью и религиозными организациями. Новое государство диктатуры пролетариата в своей деятельности по преобразованию экономики, социальных отношений, культуры и быта людей, их духовного мира не нуждается в услугах религии и церкви. Наоборот, оно не только стремится к тому, чтобы исключить какое-либо их влияние на государственные дела, но и принимает меры, чтобы как можно активнее и быстрее высвобождать основные сферы общественной жизни от такого влияния. Пролетарское государство исключает какое-либо вмешательство церкви в любую сферу государственной деятельности — будь то сфера политики, экономики, социальных отношений, духовной жизни и т. д. Оно не оказывает никакой материальной и финансовой помощи религиозным организациям.

Первый пункт декрета детализировался и развивался в других его пунктах и положениях инструкции. В пункте четвертом, например, говорится, что действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями. А в инструкции о порядке проведения декрета это положение детализируется: в указанных местах не допускаются молебны, панихиды и другие обряды и церемонии, а также помещение каких-либо религиозных изображений (икон, картин, статуй религиозного характера и проч.). Пунктом седьмым отменялись религиозные клятва и присяга, а пунктом восьмым — акты гражданского состояния передавались в ведение отделов записи браков и рождений, то есть гражданской власти.

Девятый пункт провозглашал отделение школы от церкви. Без такого отделения также невозможно было осуществить полную и подлинную свободу совести и устранить насилие над ней. Советское государство должно было создать такую систему общего и специального образования, которая обеспечила бы активное усвоение подрастающим поколением научных знаний, формирование у него научного мировоззрения, ограждала бы молодое поколение от приобщения к иллюзорному, антинаучному, превратному миропониманию, тем более от приобщения принудительного, насильственного. Вот почему декрет отменял преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных учебных заведениях.

За гражданами сохранялось право обучать и обучаться религии частным образом. В инструкции о порядке проведения в жизнь декрета был специальный раздел об этом. В нем говорилось о том, что преподавание вероучений не может быть допущено ни в каких учебных заведениях, за исключением специальных богословских, о закрытии в школах всех кредитов на преподавание религии, о переходе зданий духовных учебных заведений всех вероисповеданий и церковноприходских школ в распоряжение местных Советов или Народного комиссариата просвещения. Примерно через месяц после принятия декрета Государственная комиссия по просвещению приняла постановление «О светской школе». В нем говорилось, что государство не может брать на себя религиозное воспитание детей и потому во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Наркомпроса, преподавание религиозных вероучений и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается. Днем раньше, 17 февраля 1918 года, Наркомпрос упразднил в школе должность законоучителя.

Другие пункты декрета можно разбить на две основные группы: о религиозных обществах и объединениях и об отдельных гражданах.

---

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 237.

[4] См. подробнее: В. В. Клочков. Религия, государство, право. М., 1978, стр. 164—236.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.

В статье «Социализм и религия» В. И. Ленин указывал, что религиозные общества «должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников» [6]. Это положение и закреплял декрет. Все религиозные организации могли теперь существовать как добровольные общества верующих, объединившихся для совместного отправления религиозных культов, для удовлетворения своих религиозных потребностей. Они должны были подчиняться общим положениям о частных обществах и союзах и не могли пользоваться никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

Все имущество существовавших в России к моменту принятия декрета церковных и религиозных обществ объявлялось народным достоянием, однако здания и предметы, предназначавшиеся для богослужебных целей, передавались церковным и религиозным обществам в бесплатное пользование. Правила пользования этим имуществом определялись инструкцией о порядке проведения в жизнь декрета. Религиозным обществам обеспечивалось свободное исполнение религиозных обрядов постольку, поскольку они не нарушали общественного порядка и не сопровождались посягательствами на права граждан. В случае несоблюдения этого положения местным властям предоставлялось право принимать необходимые меры для обеспечения общественного порядка и безопасности. В инструкции разъяснялось, что религиозные шествия, а также совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях допускаются лишь с разрешения местной власти.

По отношению к отдельным гражданам декрет закреплял принцип добровольности в определении их отношения к религии и к пребыванию в религиозных обществах. Это становилось их личным делом. Каждый гражданин, говорилось в нем, может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой, отменялись. В примечании к третьему пункту было записано, что из всех официальных актов указание на религиозную принадлежность или непринадлежность устраняется. На основе принципа добровольности определения гражданами своего отношения к религии и к требованиям священнослужителей, на основе принципа добровольности объединения в церковные и религиозные общества декрет запрещал взыскивать принудительные сборы и обложения с верующих и применять к ним меры наказания. Важное значение имел шестой пункт декрета, в котором говорилось, что никто не может, ссылаясь на религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Исключение из этого положения, при условии замены одной гражданской обязанности другой, в каждом отдельном случае допускалось по решению народного суда.

В заключение приведем второй пункт декрета. Он запрещал в пределах РСФСР издавать какие-либо местные законы, постановления, которые стесняли бы или ограничивали свободу совести, устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» явился величайшим гуманным актом большого социально-политического, правового и культурного значения. Он, во-первых, не только провозгласил, но и положил начало подлинному, а не формальному отделению церкви от государства и школы от церкви. Это было в интересах всех классов и социальных групп, в интересах всех трудящихся — как верующих, так и неверующих, в интересах и государства и церкви. Деятельность государственных организаций и учреждений высвобождалась из-под влияния религии и церкви, а религиозным организациям обеспечивались условия для полной свободы самоуправления, для непосредственной деятельности по удовлетворению религиозных потребностей верующих. Во-вторых, декрет закрепил законодательно то, что было уже сделано в области свободы совести после победы Великого Октября и образования Советского государства, определил принципы взаимоотношений между Советским государством и религиозными объединениями. В-третьих, он стал основой для дальнейшего практического воплощения в жизнь программных положений Коммунистической партии по осуществлению свободы совести, для формирования законодательства о религиозных культах.

Таково коротко содержание первых законодательных актов Советского государства, в которых решались социально-экономические, политические и духовные проблемы нового общества, а также вопросы положения религии и церкви, таково их значение для становления и развития социалистической демократии, для претворения в жизнь ленинских принципов свободы совести. Констатируя, что вопросы религии, бесправия женщины и угнетения национальных меньшинств не решены в буржуазно-демократическом направлении до конца ни одной из самых передовых стран мира, В. И. Ленин в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» писал: «У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца» [7].

Молодое Советское государство делало все возможное в тех условиях для освобождения масс от всех видов угнетения, для укрепления и развития народовластия, для предоставления трудящимся прав, свобод и условий, чтобы пользоваться ими. Небезынтересно поэтому отношение к этим документам и к деятельности органов власти как со стороны народных масс, интересы которых они выражали, так и со стороны тех, кто лишался своего господствующего положения и всяческих благ.

Громадное большинство народа — рабочие, крестьяне, солдаты — всецело поддерживало Советскую власть, деятельность ее органов в центре и на местах. Воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», декреты о мире и о земле восторженно принимались трудящимися. Иначе и не могло быть, так как в них отражались их вековые чаяния и надежды. Повсеместное одобрение получило и отделение церкви от государства и школы от церкви. Только в отдельных случаях, когда реакционному духовенству удавалось сбить с толку наименее сознательную часть трудящихся, имели место протесты. Но они быстро прекращались после соответствующей разъяснительной работы.

В то же время лишенные власти эксплуататорские классы и те, кто их поддерживал, организовали отчаянное сопротивление всем мероприятиям народной власти. Характерна, например, позиция иерархов русской православной церкви по отношению к Советскому государству, их реакция на его первые законодательные акты.

В декабре 1917 года Всероссийский поместный собор русской православной церкви принял постановление о правовом положении церкви. Исходя из того что православная церковь занимала в России первенствующее положение, собор потребовал от Советского государства, чтобы и оно предоставило ей по сравнению с другими религиозными организациями определенные привилегии. Собор требовал сохранить за церковью все ее имущество, ведение актов гражданского состояния, признать юридическую силу церковных браков и разводов, оставить в ведении церкви школы, сохранить преподавание закона божьего в учебных заведениях, объявить церковные праздники и церковный календарь государственными и т. д. Более того, иерархи русской православной церкви потребовали, чтобы глава Российского государства, министр народного просвещения и ряд других должностных лиц в правительстве были обязательно православными. Безусловно, подобные требования не могли быть приняты. Избранный на этом соборе патриарх Тихон 19 января 1918 года предал Советскую власть анафеме и призвал верующих на борьбу с ней [8].

Когда сравниваешь между собой полярно противоположные позиции по отношению к первым законодательным документам Советского государства со стороны народных масс и со стороны чуждых их интересам социальных сил — наглядно видна безосновательность и лживость утверждений буржуазной пропаганды о гонениях на веру и верующих в стране социализма.

О каких гонениях может идти речь, если трудящиеся массы России, будучи в подавляющем большинстве своем верующими, традиционно связанными с религией и церковью, не только сами активно участвовали в революции, но одобряли и поддерживали все мероприятия Советского государства? Следует, однако, заметить, что атеизм и свободомыслие еще до революции были довольно широко распространены среди нашего народа. В. И. Ленин в статьях «Социализм и религия», «О национальной гордости великороссов» писал, что «современный сознательный рабочий... отбрасывает от себя с презрением

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146.

[8] См.: Г. И. Эзрин. Государство и религия. М., 1974, стр. 106—107.

религиозные предрассудки»[9], что «великорусский мужик начал... становиться демократом, начал свергать попа и помещика»[10]. Но это отнюдь не противоречит тому факту, что основная масса народа находилась под влиянием религии.

О каком преследовании верующих может идти речь, если в результате революции к власти пришли сами эти трудящиеся массы и создали свои органы управления — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов? О каком гонении можно говорить, если все меры, которые проводило Советское государство в области экономики, политики и культуры, предпринимались только в интересах трудящихся масс с целью коренных демократических и социалистических преобразований в различных сферах общественной жизни? О каком гонении можно говорить, если в социалистическом строительстве и в первые годы Советской власти и в последующий период участвовали и участвуют трудящиеся, независимо от того, как они относятся к религии и церкви. Этого не могло бы быть, если бы верующие подвергались гонениям.

Иное дело, что молодое Советское государство с первых же дней своего существования столкнулось с враждебной деятельностью контрреволюционного духовенства различных вероисповеданий. Оно активно поддерживало свергнутые эксплуататорские классы, внутреннюю контрреволюцию и иностранную военную интервенцию. Но и в таких случаях Советское государство, подавляя в интересах народа своих врагов, также не проводило различия ни по вероисповедному признаку, ни по тому, верующие они или нет.

Иное дело, что в нашей стране с первых лет революции ведется активное и организованное коммунистическое воспитание трудящихся, формирование у них научного, материалистического мировоззрения и атеистических убеждений. Но это делается в соответствии с принципами свободы совести и в интересах всех трудящихся, а особенно тех, сознание которых отягощено различными пережитками и предрассудками.

Мы, вероятно, недостаточно акцентируем внимание в нашей атеистической литературе на этих моментах, считая их очевидными и само собой разумеющимися. Однако практика борьбы с буржуазными измышлениями показывает: нужно больше обращать внимания на то, что Советское государство ни в первые, ни в последующие годы не делило и не делит советских людей по их отношению к религии и церкви. Все, что делается в нашей стране, делается **всем** советским народом и во имя **всего** народа, во имя **каждого** человека. Выступая на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 года, В. И. Ленин говорил: «Советская республика объединяет трудящихся всех наций и отстаивает интересы трудящихся без различия наций. Советская республика не знает никаких религиозных различий. Она находится вне всякой религии и стремится отделить религию от Советского государства»[11].

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 143.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 536.

СЕМИНАР В МАХАЧКАЛЕ

Э. ФИЛИМОНОВ,
кандидат философских наук

В Махачкале состоялся зональный научно-практический семинар «Единство интернационального и научно-атеистического воспитания в условиях развитого социализма», организованный Отделом пропаганды ЦК КПСС совместно с Дагестанским обкомом партии и обществом «Знание» РСФСР. В работе семинара участвовало около тысячи человек из многих союзных республик, а также из всех республик, краев и областей Северного Кавказа.

На семинаре рассматривались теоретические проблемы, связанные с единством интернационального и атеистического воспитания; изучались основные принципы, формы и методы партийного руководства интернациональным и атеистическим воспитанием; был обобщен многогранный и интересный опыт комплексной, систематизированной работы партийных организаций в сфере национальных и религиозных отношений в СССР.

С докладом «Основные направления и особенности идеологической работы КПСС на современном этапе» выступил первый секретарь Дагестанского обкома КПСС М.-С. И. Умаханов. Он отметил, что интернациональное и атеистическое воспитание — не самодовлеющие звенья, а органическая часть единого воспитательного процесса и в современных условиях оно возможно лишь в общем русле основных направлений идеологической работы.

Докладчик на примере многонационального Дагестана показал, что интернационализм стал одной из самых характерных черт советского образа жизни. Расцвет национальностей в СССР происходит на путях их сближения, братской взаимопомощи, дружбы со всеми нациями и народностями. Говоря об интернационализации общественной жизни, он подчеркнул, что сегодня речь идет не только о дружбе советских народов, но и об их тесном единстве и подлинном братстве. Однако торжество идеологии интернационализма в общественном сознании не означает, что отпала необходимость в интернациональном воспитании. Развитой социализм требует воплощения интернационализма в нравственных отношениях людей. Центр тяжести в воспитательной работе переносится на утверждение интернационализма в реальном опыте межличностного общения, его «укоренение» в качестве норм и принципов повседневной жизни на уровне личности. Еще не все люди избавились от националистических предрассудков, которые в условиях развитого социализма чаще всего проявляют себя не в традиционных, известных из исторического прошлого формах, а в виде извращенного, неправильного понимания роли и места национального фактора в общественной жизни, когда национальное преподносится как главное в личности. Причины этого коренятся и в известном консерватизме национальной психологии, и в недостатках идейно-воспитательной работы.

Пережитки националистической реакционной идеологии часто самым непосредственным образом связаны с религиозными пережитками, они питают и поддерживают друг друга. Нередко в сознании верующего национальное и религиозное отождествляются. Дальнейшее повышение эффективности интернационального воспитания на современном этапе невозможно без тесной его связи с атеистическим. Особенно это относится к многонациональным республикам. И докладчик, и все участни-

ки семинара отметили особое значение проблемы единства атеистического и интернационального воспитания в современных условиях.

Большую роль в преодолении пережитков национализма во всех их проявлениях играет объективный процесс интернационализации жизни советского общества — формирование и развитие общих черт наций и народностей, многонациональные коллективы, межнациональные браки и т. д. Однако нельзя полагаться лишь на объективные факторы, нельзя недооценивать роль сознательного, организующего начала. На семинаре было отмечено, что большое значение для интернационального и патриотического воспитания имеет обсуждение книг Л. И. Брежнева «Малая Земля» и «Возрождение».

Директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС доктор философских наук П. К. Курочкин рассказал в своем докладе о созидательной роли научно-материалистического, атеистического мировоззрения, потребность в котором характерна для общества развитого социализма. Пропагандисты, организаторы атеистической работы должны показывать прежде всего конструктивную, жизнеутверждающую сущность атеизма, раскрывать его подлинный гуманизм. Социальное и духовное единство советского общества закреплено в новой Конституции СССР, и естественно, что нам глубоко чуждо все то, что может разъединять советских людей, в том числе и по религиозному признаку. Сегодня мы должны давать оценку личности верующего в социалистическом обществе прежде всего в зависимости от того, насколько он включен в социалистические общественные отношения, как воспринимает социалистический образ жизни, относится к нормам коммунистической морали.

Заведующий кафедрой научного коммунизма МГУ профессор С. И. Никишов в своем докладе осветил проблему комплексного подхода в научно-атеистическом воспитании. Он показал необходимость тесной связи атеистического воспитания с идейно-политическим, интернациональным, патриотическим, нравственным, трудовым и т. д.

Комплексный подход в интернациональном и атеистическом воспитании требует пропаганды советского образа жизни, его духовных и нравственных ценностей. Раскрывая содержание советского образа жизни, его основных черт — коллективизма, интернационализма, патриотизма, социального оптимизма, мы показываем позитивную сущность научно-материалистического мировоззрения.

Одно из важных требований комплексного подхода — учет новых тенденций в религиозной идеологии и деятельности религиозных организаций, изменений в сознании современного верующего, уровне его образованности и культуры. Нельзя не учитывать и этноконфессиональную специфику религии.

Односторонний подход к атеистической пропаганде и воспитанию, когда ограничиваются критикой религии, да еще без учета ее современных проявлений, делает их бесплодными. Приходится, к сожалению, признать, что не все лекции по атеизму отвечают требованиям современности и запросам слушателей. Нередко лекционная пропаганда ведется в отрыве от жизни, формально, в духе узкого просветительства и абстрактно-декларативных наставлений, в силу чего она оказывается малоэффективной, говорила заместитель председателя правления общества «Знание» РСФСР М. С. Хромова.

Много внимания участники семинара уделили обсуждению партийного руководства интернациональным и атеистическим воспитанием, осуществления принципа его единства. Был сделан принципиальный вывод о решающей, определяющей роли совместной трудовой и общественно-политической деятельности трудящихся различных национальностей в преодолении пережитков религии и национальной ограниченности. Единодушно признано, что эффективность атеистического и интернационального воспитания во многом зависит от умелого партийного руководства, от авторитета и роли руководителя, от разнообразия форм, средств, методов пропаганды, от того, насколько все они соответствуют уровню образования и культуры масс.

Отдавая должное огромным масштабам и возрастающему значению средств массовой информации, необходимо обращать внимание на устную пропаганду и агитацию, на воспитательную работу по месту жительства, широкое внедрение советской обрядности, использование боевых, революционных, трудовых традиций, а также прогрессивных национальных традиций в интернациональном и атеистическом воспитании.

На семинаре выступили ответственные работники ЦК КПСС Э. И. Лисавцев и М. В. Андреев, заведующий отделом Совета по делам религий при Совете Министров СССР А. В. Нуруллаев, народный поэт Дагестана Р. Гамзатов, академик Е. К. Федоров, секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС А. Г. Кучиев, секретарь Дагестанского обкома КПСС Ш. А. Исмаилов, секретарь Назрановского райкома КПСС Чечено-Ингушской АССР А. Тутаев, заведующие отделами пропаганды обкомов КПСС, руководители лекторских групп и другие партийные работники, ученые, представители общественности.

Обсуждение на семинаре теоретических вопросов единства интернационального и атеистического воспитания, обмен опытом имеют большое значение для повышения эффективности идеологической работы. Постановка ряда новых проблем на семинаре требует определенной коррекции и обогащения тематики лекций и брошюр, радио- и телепередач, выступлений в газетах и журналах. В этой тематике на первый план выступает пропаганда советского образа жизни, его духовных и нравственных ценностей, положений новой Конституции СССР, позитивного содержания научно-материалистического, атеистического мировоззрения. Учитывая опыт работы семинара в Махачкале, видимо, целесообразно обсудить на научно-практических конференциях и такие вопросы, как взаимосвязь идейно-политического и атеистического, нравственного и атеистического, патриотического и атеистического воспитания и т. д.

Обсуждение этих проблем и разработка практических рекомендаций будет способствовать более полной реализации принципа комплексного подхода в атеистическом воспитании.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Дорогая редакция!

В этом году я выписал ваш журнал, с интересом его читаю, нахожу в нем много полезного. Когда я прочитал в № 1 статью Лидии Графовой «Путь к себе» — обрадовался: видно, не зря веду уже три года свой дневник.

Вот сейчас хочу спросить: могут ли у человека быть несчастья или неудачи оттого, что он кого-то обидел? Возможно, это болезнь заставляет меня написать вам, может, выздоровею — и вместе с болезнью уйдут мои неразумные и наивные мысли.

С детства у меня были два хороших друга. Все трое мы крепко дружили. Но когда повзрослели, поняли, какие мы есть. Я очень любил одного моего друга за его честность, откровенность, щедрость. Ну, а третий...

Однажды, когда мы все втроем отправились в туристический поход, третий друг, побоявшись, что хлеба на троих не хватит, решил все взять себе. После такого случая мы его от себя оттолкнули. Осталось нас двое — Петька да я. Никакие извинения бывшего друга нас не тронули.

Но у него случилось в семье несчастье — его мать разбил паралич. Да, несчастье такое, что все можно простить. И я простил ему. Мы с ним стали переписываться. Но он остался таким же самолюбивым, легким в рассуждениях. И настала для меня такая минута, что я ему написал: «Не могу больше с тобой переписываться и писать принужденные письма. Ты для меня не такой друг, как Петька, не могу забыть, что произошло в том походе». Мне нелегко было написать это письмо, я жалел даже не его, а его бабушку и мать.

И вот после этого письма у меня пошли неудачи. Осенью прошлого года я ушиб на работе ногу. Сделали уже две операции, может, будет и третья. Прошло уже пять месяцев, а я пока не могу нормально ходить. Моя болезнь не такая уж страшная, я знаю, что вылечусь и буду снова работать. Но мне кажется, что случилось все из-за того моего письма. Ведь я заболел не раньше, до письма, и не через год, а сразу после того, как его написал.

Нет, не подумайте, что я стал верить во что-то «такое». Просто было бы интересно узнать ваше мнение. Пусть я выгляжу наивным, но кому мне написать, как не вам! С уважением.

Николай Гай, 21 год

Соль-Илецкий район
Оренбургской области

Добрый день, Николай!

Спасибо за ваше письмо. Мы прочитали его с большим интересом. Очевидно, журналу следует чаще обращаться к тем проблемам, которые вы затронули.

Теперь по существу. Правильно или нет поступили вы, решительно оттолкнув от себя своего «третьего» друга? Вероятно, никто, кроме вас, на этот вопрос ответить не сможет. Никто лучше вас не знает всего, что произошло в походе, о котором вы упоминаете, не знает всех тонкостей отношений, которые между вами сложились.

Ну, а почему все-таки вы как-то связываете письмо, которое вы послали, и болезнь? Вы же сами ясно видите, что никакой объективной связи здесь нет и быть не может. А все-таки мысль вас тревожит. Почему?

Может быть, происходит это как раз потому, что вы испытываете недовольство собой (оно, кстати, прорывается и в вашем письме, когда вы говорите, как жалко вам его мать и бабушку). Вероятно, вы сами порой думаете: а не погорячился ли я, не поторопился ли? Не следовало ли проявить больше терпения и великодушия (что, разумеется, не имеет ничего общего с беспринципностью)?

Тут, вероятно, и заложена причина ваших сомнений. Может быть, действительно стоит добрыми глазами посмотреть на свои отношения с другом детства, протянуть дружескую руку людям, которые в этом нуждаются. Болезнь ваша от этого, конечно, не пройдет — она никак с этим случаем не связана, но вот на душе, возможно, станет легче.

Следует иметь в виду, что угрызения или муки совести — реально существующее явление. Человек, который недоволен собой, своими поступками, обычно переживает и томится. Религия и церковь приписывают этому явлению мистический характер — есть, мол, высшая сила, которая наказывает человека за дурные поступки и тем самым помогает ему раскаяться в своих грехах. На самом деле, способность человека верно оценивать свои поступки (и переживать свои неудачи) имеет совершенно естественную, земную основу. Она вырабатывается воспитанием, опытом предшествующих поколений и личным опытом каждого отдельного человека. Насколько успешно он сумеет развить эту свою способность — зависит от него самого.

Именно этим проблемам посвящена статья Л. Графовой, о которой вы упоминаете, а также другие статьи рубрики «Труд души».

Желаем вам скорейшего выздоровления.

Уважаемая редакция!

В статье школьного учителя Л. Айзермана «Чтобы человеческому обществу подняться выше» высказана мысль, что религиозная вера основана на страхе. Разве это так? Сколько всемогущий и безграничный в своей благости и любви бог явил добра в творении, промышлении, искуплении! Познавши волю божью и разумно пользуясь всеми благами, направляя себя к вечности, то есть в царство божье, как человек может не любить творца! А в любви нет страха, совершенная любовь изгоняет его.

Б. Савинов

г. Владимир

Уважаемый товарищ Савинов!

Можно привести много аргументов, которые опровергают ваши взгляды. Мы сошлемся только на один — на мнение Ф. М. Достоевского, который, как вы, вероятно, знаете, был глубоко верующим человеком.

Однажды к нему обратился один из читателей и рассказал о своих «колебаниях между верой и безверием». И вот что ответил писатель: «...Представьте себе, что нет бога и бессмертия души (бессмертие души и бог — это все одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне тогда жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем! Без бессмертия-то ведь все дело в том, чтобы достигнуть мой срок, а там хоть все гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтобы не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне, если уж не резать прямо, не жить за счет других, в одну свою утробу! Ведь я умру, и все умрет, ничего не будет».

Как видите, Ф. М. Достоевский идею бога утверждает прежде всего необходимостью карающей силы, стоящей вне человека и над ним, силы, заставляющей его быть нравственным. Только страх воздаяния заставляет человека жить по-человечески — это очень распространенный аргумент защитников идеи бога. Конечно, никто и не утверждает, что каждый, кто верит в бога, нравственен лишь потому, что боится кары. Речь идет о том, что, с точки зрения религии, лишь страх перед воздаянием на том свете заставляет людей вести себя нравственно. А это ведь по сути своей ведет к мысли, что без такого страха человек будет безнравственным, аморальным.

Я и раньше заглядывал в ваш журнал, брал его в библиотеке, находил там много интересного, злободневного. В 1978 году я его выписал на все 12 месяцев. Первый номер понравился. Очень содержательная статья В. Куроедова. Атеисты, агитаторы найдут здесь для себя интереснейший материал.

На второе место я бы поставил статью Лидии Графовой «Путь к себе». Аргументированная, умная статья. Она честно ставит вопрос о воспитании молодежи.

Действительно, почему должен человек надеяться на «пришельцев»? Он сам в первую очередь должен заниматься своим воспитанием. Об этом я, кстати, давно думал, и автор статьи как будто высказала мои давнишние мысли. Дело в том, что я сам остался трех лет круглым сиротой. Не было у меня родителей, но я всю жизнь старался сам себя образовать и воспитать.

Ю. Юданов

г. Иваново

Прочел в журнале статью Лидии Графовой «Путь к себе». Статья очень ценная, нужная молодежи. Я согласен с автором: ведение дневника помогает человеку стать человеком. Быть может, очень трудно вести дневник каждый день, но надо хотя бы периодически делать записи, оценивать себя, свои поступки, сопоставлять свои дела и намерения. Как никогда, нам следует задуматься о духовном мире современного молодого человека. У нас сейчас нет голодных, все одеты прилично, большинство живут в отличных квартирах, неплохо зарабатывают, имеют транзисторы, телевизоры, музыкальные инструменты. Мне кажется, духовно красивым может стать лишь тот, кто неустанно трудится. Чтение книг — это труд, выписки из книг — труд, ведение дневника — труд. И если человек, кем бы он ни был, будет иметь, как говорит Лидия Графова, трудящуюся душу, — он будет человеком. У меня к вам просьба: вы эту рубрику «Труд души» не закрывайте. Это то, что нам необходимо.

И. Черногорский

Харьковская область

Первый раз мы с мужем прочли ваш журнал в этом году. Журнал нам очень понравился. С интересом читаем материалы на исторические темы, о памятниках старины. Нам по 27 лет, образование среднее, двое детей — 8 лет и 8 месяцев. Над своим отношением к религии мы не задумывались. Со школьных лет знали, принимали как должное: бога нет. И у нас нет среди знакомых тех, кто верил бы в бога. Даже у бабушки было весьма

своеобразное, далекое от фанатизма, понятие о боге.

Очень важные и нужные проблемы вы поднимаете в вашем журнале. Например, о свадебных обрядах. Я согласна, что на свадьбах должно быть больше выдумки, веселья, а не желания сделать все богаче, чем у соседа. Хорошо бы (как предлагалось в одном из номеров журнала) после регистрации отмечать это торжественное событие в небольшом кругу самых близких родных и друзей. К чему эти гулянки на 2—3 дня, где все часто перепиваются, где иногда даже возникают драки? Да и подарки стали проблемой. Приходим на свадьбу и отдаем деньги в конверте — прямо стыдно перед молодыми. А похороны? Умер человек, и начинается: едва успели похоронить — застолье. Поминают. И очень часто это продиктовано одним только желанием не отстать от соседа.

Со следующего года мы — ваши постоянные подписчики.

Гзышевы

г. Новокузнецк
Кемеровской области

На страницах журнала не раз рассказывалось, как проводить красивые, торжественные обряды. Мне бы хотелось рассказать, как в моем поселке отмечают свадьбу. Нет человека, который не порадовался бы, увидев машины, убранные цветами и лентами. Но давайте на минуту заглянем, что же происходит в доме жениха или невесты. Из магазина беспрерывно приносят вино, водку, пиво. Тут одно стремление — удивить пьяным застольем. Гулять — так гулять! После регистрации молодые сразу садятся за свадебные столы, которые гнутся под тяжестью бутылок и яств.

А ведь было бы гораздо лучше, если бы молодые сначала подошли к священному месту в поселке — к братской могиле и памятнику воинам, погибшим в боях за нашу землю. Это поможет создать особое настроение, которое способно определить во многом характер всей свадьбы.

Мне хочется, чтобы наши дети знали, какой ценой досталась свобода, завоеванная нашими отцами и братьями. Хочу, чтобы в моем Зеленодольске повелась еще одна хорошая традиция: у памятника павшим воинам принимать октябрят в пионеры, пионеров — в комсомол. Чтобы наши дети в этот торжественный день перед лицом героев, павших за свободу нашей Родины, чтя их память, давали клятву быть честными и правдивыми всегда и во всем.

С. Шарик

пос. Зеленодольск
Днепропетровской области

По-моему, мы возлагаем на новые обряды слишком большие надежды. Трудности создания новой семьи, довольно частые разводы — все это идет не от отсутствия ярких, выразительных обрядов. Мне иногда кажется, что свадьбы, ставшие сейчас некими спектаклями, ведут к тому, что у девушек и юношей возникает несерьезное отношение к будущей жизни. А-а, говорят они, — все это цирк! Отсюда — легкомысленное отношение к разводу.

Современные свадьбы-спектакли не создают у молодых серьезности. Вот пьянка грандиозная — это да! Тут идет жестокое соревнование между родителями. Как оно унизительно! «Террор среды» волей-неволей заставляет затевать эти невыносимые представления даже тех, кому они противны. От грандиозных свадеб несет постыдным купеческим духом.

М. Гостев

г. Воронеж

Мне 43 года, и хоть я выписываю ваш журнал уже несколько лет, но только сейчас решилась вам написать, прочитав в № 2 журнала за этот год очерк о несчастье, постигшем семью Дурневых. То же случилось с нашей семьей в 1944 году. Наш отец пропал без вести, мать умерла от тифа, через месяц умерли дедушка и бабушка, а еще через месяц — и тетя. И осталось нас четверо. Я — самая старшая, мне уже было 9 лет, сестре Маше — 6 лет, брату Мише — 4 года, а маленькому Степе и годика не было. В хозяйстве нашем была корова да несколько кур. Но корову продали, так как батюшка бесплатно отказывался хоронить маму. И остались мы с грудным Степушкой без молока. До сих пор волосы дыбом встают, как вспомню ту ночь после похорон. В комнате темно, Степка пищит, а я ношу его по комнате и сама плачу от горя и страха. На следующий день утром пошла я на заработки: чистила навоз, носила воду, мыла полы, колола дрова, а мои сестренка и братики ждали меня. Вечером я принесла молока, картошки... Уже в темноте нарубила дров, затопила печь и стала готовить ужин для них. Вот так и началась моя трудовая жизнь. Вечером готовила на завтрашний день, а с утра уходила. Деток закрывала на замок, чтобы не разбежались. И так продолжалось, пока не пришел отец с фронта. Должна признаться, что мы тогда были верующими. Наша мама молилась и нас так же учила. За стол садились — молились, поднимались из-за стола — тоже молились, ложась спать и поднимаясь с постели — молились. Вот и хочется спросить: «Чем же бог помог нам за наши молитвы?» С тех пор пропала у меня охота верить такому жестокому богу. Хоть я еще тогда не понимала, что нет никакого бога и быть его не может, но душа моя против него ожесточилась, и мне казалось, что, если бы я его увидела, обязательно все бы ему высказала.

Все же я окончила школу, потом строи-

тельный техникум и моя давнишняя мечта приобрести специальность, хоть и не полностью, но все-таки сбылась. Сестра кончила 8 классов и работает крановщицей, а братья оба — шоферы.

Я была очень рада узнать о семье Дурневых. Ведь им даже незнакомые люди переводы присылали, а об окружающих соседях уже и говорить нечего, да и общественность заботу проявляла. Вот и радуется душа, что люди у нас добрые, чуткие, с отзывчивым сердцем, умеют радоваться чужому счастью, а чужую беду воспринимают, как свою собственную.

Нужно верить в человеческий разум и доброту сердечную.

Е. Станчук

г. Никольский
Джезказганской области

Пожалуйста, напишите нам адрес семейства Дурневых. Мы прочитали об этих замечательных людях в № 2 вашего журнала и хотим с ними познакомиться, а если потребуется, то и помочь этим людям.

С приветом к вам комсомольцы:

Илья, Виктор и Геннадий

Бугульминский район
Татарской АССР

Недавно я прочитала очерк «Три сестры и шесть братьев». Наша учительница русского языка рассказала об очерке, а после уроков мы достали журнал и всем классом прочитали его. Многие из нас прослезились. Нас удивила эта семья, особенно Таня. Поведение Тани равно подвигу.

Г. Галиева

Кукморский район
Татарской АССР

Прочитал очерк Е. Лосото «Три сестры и шесть братьев» и хочу поделиться своими раздумьями, ведь с затронутыми здесь вопросами мне часто приходится сталкиваться при работе с верующими. Атеистической работой я занимаюсь давно.

Обычно верующие слушают меня охотно, возможно, потому, что я стараюсь не ставить лобовых вопросов. Обсуждаем морально-этические темы: место добра и принуждения (насилия) в воспитании и вообще в жизни; человечна ли религия?

Я вполне согласен с ответом Е. Лосото на письмо читателя «Комсомольской правды» из Новгорода, который явно имеет в виду заповедь «люби ближнего, как самого себя», когда говорит о религиозной морали. Такой вопрос возникал и у меня в спорах с верующими, которые тоже часто ссылались на эту заповедь. Я отвечал им так: в заповеди «люби ближнего, как самого себя» речь идет только о человеке и его отношениях к людям. Идеи бога в ней нет, поэтому она не религиозна по своему содержанию.

Другое дело первая заповедь. В ней говорится о том, что человек всею душою, всеми помыслами своими должен любить бога. В этой заповеди запечатлено всевластие бога и полная зависимость человека от него. В одном стихотворении, популярном у баптистов, говорится:

В том и соль
Чтоб, растоптав себя в себе,
Создать раба, господь, тебе!

Религия видит человека существом низменным, порочным, эгоистичным.

Мне кажется, что Е. Лосото не всегда логична в своих рассуждениях. Например, она видит в семье Дурневых пример бескорыстной любви, любви, основанной на самоотречении, когда благо другого дороже собственного благополучия, когда человек больше любит других, чем себя. Мне кажется, что интересы всех членов семьи Дурневых в сущности совпадали, и в конечном счете никто из них не проиграл ни в чем, ничем не пожертвовал, потому что чувство благодарности младших старшим — плата и немалая.

А. Миклашевич

г. Белореченск
Краснодарского края

Сегодня прочитала повесть «Великий переучет» (№ 2 и 3). Читала много раз и решила: одной мне не одолеть разобраться даже в самой себе. Трудный у меня характер. Мне небезразлично все: что сказали, как сказали, даже как посмотрели на меня. Вот так и живу. Мучаюсь и не даю душе покоя.

Е. Степичева

Томская область

Читал повесть Симона Соловейчика «Великий переучет», и было такое чувство, что кто-то прочитал мои мысли и выразил их на бумаге. Повесть очень понравилась — в ней изложены проблемы, над которыми часто думаешь. Спрашиваю себя: для чего я живу? Ведь мне 21 год, а полезного людям я ничего не сделал, напротив, только вред — ведь я преступник и сейчас отбываю наказание.

Когда мне было 17 лет, мне нравились люди, не имеющие страха. Мне подвернулся «товарищ», который рассказывал про то, что воры и есть те самые сильные, ничего не боящиеся люди, для которых не существует законов и преград. Теперь я увидел что это за «сильные люди». Я узнал их мир, вернее мирок, подлости, зла и обмана. У многих все вывернуто наизнанку, больная мораль. И все-таки я открыл глаза и трезво взглянул на свою жизнь. Конечно, мне жаль потерянного времени, но все равно я буду человеком.

В. Черванев

В Издательстве политической литературы выходит в свет книга «Зачем человеку исповедь?». Рассмотрев происхождение и содержание христианского таинства покаяния, автор стремится дать ответ на вопрос: способствует ли оно укреплению высоких моральных качеств? Публикуем отрывки из книги.

УСЫПЛЕНИЕ СОВЕСТИ И АМНИСТИЯ ПОРОКОВ

С. МАРКОВ

Современные христианские богословы придают исключительное значение таинству покаяния. Они считают его «переоценкой всех ценностей души», «преображением человека». По церковному учению, при помощи таинства покаяния верующий освобождается от грехов, которые при этом «делаются совершенно уничтоженными, как бы их вовсе не было».

Священнослужители говорят, что верующий идет на исповедь добровольно, никто его не тащит. Это не совсем так. Архиепископ Платон в своем двухтомном труде об исповеди, вышедшем в конце XIX века, специально выделяет то, что побуждает верующих к покаянию: страх строгого судьи — Иисуса Христа, страх геенны огненной, ожидание сверхъестественных милостей. Современный православный богослов Н. Авраменко утверждает, что «страх божий пронизывает всю жизнь истинно верующего христианина».

Как образно писал французский философ Гельвеций, «во все времена духовенство желало быть могущественным и богатым. Каким путем добилось оно этого? Продажей страха и надежды... Но кому продавать страх? Грешникам. Кому продавать надежды? Кающимся. Убедившись в этой истине, духовенство поняло, что покупателей тем больше, чем больше грешников... Грешник становится всегда рабом попа». В этих словах глубоко раскрыто существо дела. Ведь именно представление о греховности является той уздой, которую надевает на верующего церковь, делая его своим духовным рабом.

Две идеи пронизывают христианское таинство покаяния. И обе они не способствуют укреплению моральных устоев.

Во-первых, идея всеобщей греховности, занимающая центральное место в христианской морали.

Человек немощен, неискоренимо безнравствен, порочен, неспособен противостоять злу. Как же тогда спастись несчастному грешнику? Или он бесповоротно обречен на погибель? Нет, говорят церковники, спастись нетрудно: приди в храм божий, покайся, получи отпущение грехов и надейся на райские кущи. Раз порочность, греховность — неотъемлемое свойство человеческого существа, то получается, что дурные поступки неизбежны. Недаром по православным канонам невозможно, чтобы исповедующийся не обнаружил у себя ни одного греха. Тогда он не получит отпущения.

Интересен в этом смысле рассказ одной верующей: «Никогда я не воровала, не прелюбодействовала, не обижала близких и знакомых, не лгала, честно работаю. Священник на исповеди спрашивает: не грешна ли? Говорю, что не грешна и не желаю возводить на себя поклеп. А священник, видно, осерчал да и говорит: «Неправда твоя, раба божия Домна! Все мы грешны. Поэтому молись богу». Тут я уже и смирилась».

Как видите, нельзя согласиться и с утверждением богословов, будто верующий на исповеди выкладывает грехи сам. В основном он отвечает на вопросы исповедника о нарушении заповедей. Причем нередко даже не знает содержания их. А. Сулацков в своей книге «Семь таинств» так рисует картину общей православной исповеди:

> «Помню, в балхашской церкви Николы угодника духовник, например, спрашивал:
>
> — Не прегрешил ли кто против первой заповеди?
>
> Чувствовалось, что далеко не всем уже известно, что там в первой, а что во второй и так далее. И священник повторял вопрос популярнее:
>
> — Не забывал ли кто во многопопечительных делах житейских первейшую заповедь: аз есмь господь бог твой?
>
> И вздыхала толпа:
>
> — Грешны, батюшка.
>
> — А не входил ли кто в соблазн, — продолжал духовник, — оставляя в небрежении вторую заповедь: не сотвори себе кумира и всякого подобия?
>
> И опять ответом было многоустое воздыхание:
>
> — Грешны, батюшка.
>
> Уж так повелось по церквам: что ни вопрос, один ответ — покаяние во греховности. Принято считать, что промолчать на вопрос — гордыню проявить. Блаженны-то плачущие да кроткие...»

Конечно, все сказанное не означает, что у ве-

рующего, кроме страха и надежды на загробное воздаяние, нет иных побуждений к исповеди. Есть у него, несомненно, стремление к очищению совести от всего плохого, к нравственному совершенствованию. Все дело только в том, чему подчиняет верующий это стремление.

Если мы послушаем читаемые в современных церквах проповеди, то узнаем, что люди на земле — временные гости, странники, тоскующие по своей истинной отчизне — небу. Что главной целью всех устремлений верующих должно быть спасение души. Конечно, священнослужители не отрицают того, что верующий может иметь земной кров, семью, близких, профессию. Но все это, по их утверждению, ничто по сравнению со спасением души.

Другая идея, лежащая в основе христианского покаяния, — это всепрощение.

Руководствуясь мыслями о собственном ничтожестве и необходимостью спасения души, грешник приходит на исповедь. Однако, какой бы тяжкий груз грехов он ни нес с собой, кающийся заранее уверен, что получит прощение. И священник знает заранее, что отпустит все грехи. Ведь по христианскому учению, милосердие божие безмерно. Нет такого греха, который не может быть прощен кающемуся, кроме сомнения в милосердии божьем, ибо это есть «хула на духа святого». Любому закоренелому грешнику будут прощены и мелкие пороки, и тяжкие преступления. Конечно, если он покается смиренно, слезно. Главное, чтобы грешник не отчаивался, уповал на безграничное божье милосердие. Да и как не уповать: говорил же Иисус Христос, что грешнику надо прощать не «до семи, но до семижды семидесяти раз» (Евангелие от Матфея, гл. 18, ст. 22). А богослов Иоанн Златоуст так поучал грешника:

«Ты грешен! Не отчаивайся! Скажи богу твоему: «согрешил я». Что за труд в этом? Какая скука, какая тягость сказать одно слово: согрешил я!.. Ничего иного от тебя не требую... Скажи слово, объяви грех (служителю божию), признайся во грехе и скажи: «согрешил я», — и ты разрешишься от греха...»

Поучая, как надо каяться, тот же Иоанн Златоуст писал:

«Плачь — и разрешишь свой грех. Трудно ли это? Я ничего больше не требую, как только плакать о своем согрешении. Я не говорю тебе: измеряй глубокие моря, избирай себе пристани, или путешествуй, отправляйся в далекие неведомые страны, теряй деньги, вверяй себя свирепым волнам; — а что говорю? Только плачь о грехе».

Думается, что легкость покаяния вряд ли может способствовать укреплению нравственных качеств, чувства долга и ответственности перед обществом. Наоборот, надежда на прощение без особых трудов может быть для нестойкого в моральном отношении человека толчком к дурным поступкам.

«Злодей, у которого сильные страсти в слабой душе, часто сбивается с пути уверенностью в прощении, отпускаемом священниками. Каким бы огромным множеством преступлений вы ни были осквернены, исповедуйтесь мне, и все будет прощено вам в силу подвигов человека, который был в Иудее много веков тому назад. Погрузитесь после этого семью семьдесят семь раз в новые преступления, и снова все будет вам прощено. Разве это не значит поистине вводить в искушение? Разве это не значит расчищать все пути злу?» — писал Вольтер.

Человек, совершивший тягчайшее преступление, может успокаивать себя и тем, что покаяние снимет все грехи, и тем, что все грешны, а он не хуже других. Что из того, что он грешен? Ведь в Библии сказано: «...На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Евангелие от Луки, гл. 15, ст. 7).

Главное, чего требуют пастыри от человека, — это сознание собственного ничтожества и вины перед богом. И боже упаси иметь чувство гордости. Вспомним известную евангельскую притчу о мытаре и фарисее [1]. Они вошли в храм помолиться. Праведный фарисей благодарил бога, что он «не таков, как прочие люди»... Мытарь же, «ударяя себя в грудь, говорил: боже! будь милостив ко мне, грешнику!» (Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 10—14). Мытарь получил от бога оправдание. Но не потому, что осознал свою вину перед теми, кого нещадно грабил и притеснял. Он очистился от всех грехов только потому, что смиренно каялся перед богом. Зато фарисей получил порицание. Хотя зла людям не чинил, вел по своему времени образ жизни нравственный. Почему же так? Только из-за собственной гордости.

Такое отношение христианства к гордости, сознанию собственного достоинства не случайно. Ведь гордый человек — это человек сильный, мужественный, уверенный в своей правоте в борьбе против зла, за торжество добра и справедливости. Он далек от мыслей о своем ничтожестве, духовной нищете, никчемности.

Идея всеобщей и неискоренимой греховности, проповедуемая христианством, вредна вот еще в каком отношении. Богословы считают одинаково греховными и мелкий проступок — результат легкомыслия, и незначительную человеческую слабость, и серьезную провинность, и тяжкое преступление. Все эти грехи свалены в одну кучу, и любой грешник одинаково виноват перед богом и нуждается в покаянии и прощении. В «Журнале Московской патриархии» (1959, № 3) была опубликована статья, в которой говорилось: как килограмм камешков весит столько же, сколько один килограммовый камень, так и совокупность малых грехов столь же предосудительна в глазах бога, как и один большой грех.

Уравнивание неравноценных проступков, когда мелкие недочеты и слабости хорошего человека приравниваются к преступлению злодея, опасно в моральном отношении. Однако такая оценка человеческих проступков богословами не случайна. Христианству нужен грешник, только грешник. Набрасывая на всех людей одеяние презренного грешника, богословы стремятся превратить их в послушных овец божьего стада.

Иногда говорят, что верующий на исповеди как бы сам себя критикует и с помощью исповедника нравственно совершенствуется. Никак нельзя согласиться с таким утверждением. Давайте посмотрим, как проходит исповедь.

Священнослужитель ставит стереотипные вопросы. Они, как правило, касаются библейских нрав-

[1] Мытари — сборщики налогов. Фарисеи — приверженцы религиозно-политической секты, куда принимали лишь людей «высшего благочестия». Народ изобличал внешний, показной характер их «благочестия» и называл их ханжами.

ственных заповедей. Эти вопросы настолько привычны для духовника, что он произносит их почти автоматически. В разговоре со мной об исповеди один священник сетовал: тяжело, мол, и утомительно переспрашивать об одном и том же десятки людей подряд. Действительно, где уж тут быть вдохновению, испепеляющему нравственные пороки!

Ну, а верующий? Он тоже приучается к односложному автоматизму ответов: «грешен», «грешен», «грешен»... Для многих верующих исповедь — формальный акт, не вызывающий особых переживаний.

Бывший ксендз и преподаватель духовной семинарии Ионас Рагаускас в своей книге «Ступайте, месса окончена!» рассказывает, как ему, только что прибывшему в приход, очень хотелось выслушать исповедь своего коллеги:

«И вот, наконец, мой первый кающийся в сутане! Знакомый молодой священник из соседнего прихода прибегнул во время престольного праздника к моим услугам. После этой исповеди мои щеки горели, как после оплеухи... Меня не столько поразили сами грехи, сколько то обстоятельство, что о своих тяжких преступлениях contra sextum (против шестой заповеди — «не прелюбодействуй». — С. М.) ксендз рассказывал, ничуть не волнуясь и не стесняясь, словно признавался в том, что выкурил сигарету. Даже тон исповеди, которую он закончил привычным: «Больше ничего не помню, каюсь, прошу разрешения», — яснее ясного свидетельствовал о том, что выполняется обычная формальность. Уста глаголят, а сердце и разум немы...»

Еще более формальна практикуемая кое-где в православных храмах «общая исповедь», когда священник перечисляет длинный список грехов, а каждый исповедующийся возгласом «грешен, батюшка» отмечает тот грех, в котором считает себя повинным. Думаю, нельзя не согласиться, что во время этого вряд ли возможно проявление у верующих высоких эмоций, ясных оценок своих поступков. Конечно, я не хочу сказать, что на исповеди не бывает глубоких переживаний. У искренне и глубоко верующего человека они бывают. Но все дело в том, что возможность постоянного и сравнительно легкого искупления грехов не способствует подлинному раскаянию.

Волнение же кающегося, как правило, связано не с самим совершенным грехом, а с необходимостью рассказать о своих проступках священнику — человеку подчас малознакомому или вовсе незнакомому. Ведь по церковным правилам исповедующийся должен рассказать обо всех своих грехах подробнейшим образом. Католическая церковь, например, обязывает верующего сообщать при этом самые мельчайшие подробности, иначе исповедь недействительна.

Уверенность во всепрощении формирует безнаказанность. Кроме того, человек, освобождающийся от грехов, кажется себе самому высоконравственным. Возникает иллюзия собственного совершенства, сеющая в сознании верующего семена ощущения своего превосходства над «другими» — иноверцами и неверующими. Семена самодовольства и самоуспокоенности.

Где уж тут быть высокому нравственному поиску!

Нет, не пробуждает христианское покаяние совесть человека, этот «орган» его гражданских чувств. Оно лишь усыпляет ее, притупляет ответственность перед людьми, способствуя бездумности, душевной слепоте, нравственной глухоте. Самоанализ, внутренняя работа души, самокритика, совесть как внутренний судья — все это становится ненужным. Зачем?! Ведь исповедующийся — только подсудимый. А священник — судья, действующий от имени бога, — всегда выносит оправдательный приговор.

Итак, религиозная исповедь — форма духовного рабства, духовной несвободы, отречения человека от самого себя. Христианское самосовершенствование сводится к воспитанию смирения, сознания собственного ничтожества, стремления к самоуничижению, то есть качеств, которые не способствуют формированию у человека активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу.

Предвижу возражение: мол, христианская исповедь в тяжелые минуты дает человеку душевную разрядку, облегчение от переживаний. Этого, конечно, нельзя отрицать. Покаяние имеет не только идеологическую, но и психологическую сторону. Во время таинства покаяния нередко происходит изменение эмоционально-психологического состояния верующего. В этом случае напряжение в момент признания грехов, сопровождающееся скорбными переживаниями, сменяется после их отпущения душевным успокоением. На смену отрицательным эмоциям приходит радость.

Все это так. Но разрядка эта происходит на иллюзорной основе. Наступает временное, ложное облегчение. Ложное, ибо оно отгораживает верующего от реальной жизни, ослабляет связь с людьми. Исповедь не лечит психических травм, не касается причин психологических конфликтов, доставляющих человеку неприятные переживания. И, следовательно, не снимает, а только приглушает душевную боль. В этом отношении большую помощь может оказать человеку современная медицина, разработавшая многообразные методы исцеления психических травм. Много светлых, возвышенных переживаний, радостных потрясений, способных врачевать душевные раны, дает искусство. А главное здесь — реальная помощь и сочувствие со стороны близких, друзей, товарищей по работе.

Отвергая унижающее человека чувство греховности, мы вовсе не отрицаем важности для его совести чувства вины. Об этом хорошо сказал замечательный педагог В. А. Сухомлинский: «Чувство вины — благородное чувство воспитанного человека. Не переживает вины только дурак и дремучий нравственный невежда. Чувство вины — не самобичевание, а угрызения совести, стремление к нравственной незапятнанности и порядочности».

Весь вопрос в том, перед кем человек должен испытывать чувство вины. Ведь покаяние — это признание своей вины перед богом, а не перед людьми, не перед обществом. Разве священнику, чтобы дать отпущение грехов, нужно знать, что представляет собой кающийся, как он трудится, относится к товарищам, семье? Отнюдь нет. Все это с христианской точки зрения второстепенно. Самое важное — что он кается перед богом.

Убеждение в том, что он ответствен прежде всего перед богом, ослабляет связи верующего с

Однажды приехала в колонию представительница Наркомпроса и хотела поговорить с Аркадием. Он сказал, что не может без разрешения командира отряда.

«На другой день, — пишет Макаренко, — на общем собрании колонистов Наташа Петренко взяла слово:

— Хлопцы, давайте уж простим Аркадия. Он хорошо работает и наказание выдерживает с честью, как полагается колонисту. Я предлагаю амнистировать.

Общее собрание сочувственно зашумело...

— Это можно...

— Ужиков здорово подтянулся...

— Выходит так: амнистируем...

А Ужиков в это время притаился у печки и опустил голову. Лапоть оглянул поднятые руки и сказал весело:

— Ну, что же... единогласно выходит. Аркадий, где ты там? Поздравляю, свободен!

Ужиков вышел на сцену, посмотрел на собрание, открыл рот... и заплакал.

В зале взволновались. Кто-то крикнул:

— Он завтра скажет...

Но Ужиков провел по глазам рукавом рубахи, и, приглядевшись к нему, я увидел, что он страдает. Аркадий наконец сказал:

— Спасибо, хлопцы... И девчата... И Наташа... Я... тот... все понимаю, вы не думайте... Пожалуйста».

обществом, чувство долга и ответственности перед людьми. Ослабляется то, что в действительности создает высокие нравственные качества, удерживает от дурного, способствует духовному совершенствованию.

А вот чувство ответственности и долга перед людьми, близкими, работа внутреннего контролера человека — совести — могут прочно удерживать людей от дурных поступков, даже от преступлений.

В колонию, которой руководил А. С. Макаренко, попал беспризорный Аркадий Ужиков. С первого дня он стал красть у товарищей. Все его презирали. Да и сам он, верно, себя не уважал. Различные воспитательные меры эффекта не приносили. Наконец, когда Ужиков украл портфель, в который колонисты, учившиеся на рабфаке, сложили свою стипендию, чаша терпения переполнилась.

Решение товарищеского суда было такое: как врага трудящихся и вора Ужикова нужно с позором выгнать из колонии. Но учитывая, что за него просит Наркомпрос, суд постановляет: оставить его в колонии, но не считать колонистом один месяц; запретить всем разговаривать с ним, помогать ему, есть за одним столом, спать в одной спальне, играть с ним, сидеть рядом и ходить. Спать ему в коридоре, есть за отдельным столом, работать, если захочет, в одиночку.

А. С. Макаренко утвердил это решение. А дальше события развернулись так. Сначала Ужиков ходил героем. За своим отдельным столом сидел как король. Но вскоре, пишет Макаренко, «я увидел с радостью, что брови Аркадия, до того времени неподвижные, научились делать на его челе еле заметную, но выразительную складку». Он начал задумываться. Произошла перемена в его отношении к труду. Аркадий тщательно подметал двор, очищал мусорные ящики, следил за чистотой клумб. Один вечер он весь потратил на то, чтобы сделать плакат. На нем было написано: «Колонист, уважай труд товарища, не бросай бумажки на землю».

У Сухомлинского есть выражение «мудрая власть коллектива». Вот эта мудрая власть и произвела переворот в душе Ужикова. Он пережил великое потрясение. Произошла переоценка нравственных ценностей. Парень ощутил радость доверия коллектива, ценность ответственности перед ним, дружбы и товарищества, почувствовал силу и теплоту человеческого общения. Осознав все это, он ощутил и ценность человеческой личности. Своей собственной. У него пробудилась гражданская совесть.

Мы видим, что путь религиозного нравственного совершенствования, где столь большое место отведено исповеди, ведет к ослаблению ответственности верующего перед обществом, перед людьми, усыпляет его совесть. Только глубокая заинтересованность в улучшении единственно реальной земной жизни, чувство долга перед людьми могут

Фото Н. Белецкого и В. Опалина.

сделать совесть подлинным судьей поступков и помыслов человека.

Исповедь, конечно, человеку нужна. Но то, что я имею в виду, не имеет никакого отношения к христианскому покаянию и вообще к религии. Речь идет об исповеди, суть которой заключается в нравственно-критической оценке самим человеком событий своей жизни, своих поступков и помыслов.

«Перед кем же произносится ваша атеистическая исповедь и зачем она?» — может спросить верующий. Перед кем и зачем? Перед другом, близкими, товарищами. А может статься, и перед людьми незнакомыми. И, пожалуй, обязательно и прежде всего перед самим собой, перед собственной совестью, которая может быть самым строгим судьей и контролером. Такая исповедь произносится не по обязанности, не потому, что подошел срок по церковному календарю. Ее совершают, когда в ней назрела потребность.

Подлинно человеческая исповедь — это выражение искренности, трепетности, щедрости души. И всегда — беспощадность к самому себе. Формы исповеди, о которой идет речь, разнообразны. Это не только слова и мысли. Но и дневники, воспоминания, письма. Возьмите «Дневники» Н. Г. Чернышевского, «Повести моей жизни» народовольца Н. А. Морозова, «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Или — «Исповедь» Льва Толстого и «Исповедь» Жан Жака Руссо. Это — исповеди перед человечеством.

Для всех этих великих документов человеческой совести характерны критические оценки собственной жизни, безграничная искренность, правдивость, глубокие чувства, стремление к истине. Эти драгоценные человеческие документы духовно обогащают нас, делают мудрее, гуманнее, предостерегают от заблуждений, ошибок, «вымерзания души».

Недавно перечитывал я «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». В нем Н. Г. Чернышевский повествует о своей любви к Ольге Сократовне, будущей жене:

«Итак, я люблю ее. Я не надеюсь найти другую, к которой бы я мог так сильно привязаться; я даже не могу представить себе, никак не могу представить себе, чтобы могло быть существо более по моему характеру, более по моему сердцу, чтобы какой бы то ни было идеал был выше ее. Она мой идеал, или скажу просто: я не в состоянии представить себе идеала, который был бы выше ее, я не могу даже вообразить себе ничего выше, лучше ее. Она мой идеал, но идеал не потому, чтобы я идеально смотрел на нее: я вижу ее, как она есть, я не украшаю ее в моем воображении, нет — потому что в ней все, что может быть лучшего, все, что может пленять, обворожать, заставить биться радостью и счастьем мое сердце».

Дневники Чернышевского — исповедь великого и благородного сердца.

Человеческая исповедь может быть и криком души израненной. Когда надо кому-то излить свое горе. Когда одному невыносима тяжесть страдания. Искреннее человеческое участие, доброе слово всегда приносит облегчение. Недаром говорят: разделенное горе — полгоря.

Хочется остановиться еще на одном замечательном, глубоко самокритичном документе исповедального характера — дневниках Д. А. Фурманова. В них отразились сомнения, душевные муки, поиски смысла жизни, становление мировоззрения, формирование идейного и нравственного облика коммуниста.

Произошла Февральская революция. Пало царское самодержавие. Фурманов всем сердцем, всей душою приветствует революционное обновление страны. Но с кем идти дальше?

Решающую роль в выборе правильного жизненного пути сыграла для Фурманова работа в Совете рабочих депутатов Иваново-Вознесенска. Огромное значение имела и встреча с М. В. Фрунзе. В июле 1918 года Фурманов записал в дневнике:

«Были и колебания, была неуверенность, но события, думы, разговоры гнали меня к берегу коммунизма. Не хватало только смелости заявить открыто. Теперь все кончено. Теперь Дм. Фурманов — коммунист-большевик».

Более двух лет Фурманов был на фронтах гражданской войны. Комиссар легендарной Чапаевской дивизии. Помощник заведующего политотделом Туркестанского фронта. Кавалер ордена Красного Знамени. А в мае 1921 года в его дневнике появляется такая запись:

«...Так куда же, куда я хочу?

Как куда: в Москву! В нее, красную столицу...

Я хочу туда, откуда мчатся по миру самые глубокие и верные мысли, откуда разносятся по миру зовущие лозунги, где гудит набат и гулом своим будит весь пролетарский мир...

Я хочу... заняться исключительно своим любимым литературным делом».

И вот появляются «Красный десант», «Мятеж», «Чапаев» — книги о гражданской войне, о ее легендарных героях.

Перед нами исповеди людей, которые были атеистами. Какая здесь искренность, накал чувств, глубина нравственной самокритики, любовь к людям, жажда борьбы со злом и утверждения добра. Такие исповеди — важное явление в духовной жизни и развитии человечества. Без них нам было бы сложнее постигать красоту и величие человека, борющегося за благородные идеалы, труднее учиться добру, мужеству, самоотверженности, совершенствовать себя.

КОМСОМОЛЬСКИЕ, АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ

Л. ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

История молодежного движения в СССР имеет немало ярких страниц. И вряд ли можно ошибиться, сказав, что для многих наших современников особо притягательна эпоха становления Советской власти, ее революционный дух, время коренной революционной ломки уходящего старого и созидания нового.

Созидание нового... Много написано о вооруженной борьбе с контрреволюцией, о героических подвигах молодежи на стройках 30-х годов. Но мало еще рассказано о борьбе за то, что емко зовется новым образом жизни, за утверждение его различных сторон.

Каким должен он быть! Как его создавать! Поиск ответа на эти вопросы, быть может, один из самых трудных в истории комсомола. Потому что речь шла о каждом дне жизни, о повседневности. Но комсомольцы горячо взялись за эту повседневность. В том числе за те ее «скрепы», которые именуются обрядами и праздниками.

Новые общественные отношения требовали своих праздников, новых обрядов и церемониалов. Однако нельзя забывать, что в момент свершения Октябрьской социалистической революции большинство населения страны составляли верующие. И, разрушая старую обрядность, молодежь разрушала веками складывавшийся уклад жизни, пронизанный отношениями патриархально-религиозной зависимости.

Первым быть не только трудно, но и рискованно. В те годы в нелегкой борьбе за новый быт сложили головы сотни юношей и девушек. Ведь сыграть свадьбу «по-красному» (без религиозного оформления) или открыто сбросить паранджу — шаг, за который можно было поплатиться жизнью. Но молодежь шла на это. Потому что хотела иметь свои праздники, свои обряды, которые отвечали бы духу времени, духу революции, а не были навязаны церковью, шариатом, патриархальными традициями. Это право на свои праздники — а в целом право на юность! — дала молодежи Октябрьская социалистическая революция. Но завоеванное право надо было утвердить и отстоять.

Одним из главных противников на пути к новому был мир религии, а потому отказ от старого означал разрушение ее догм и установлений. И молодежь с тем большей бескомпромиссностью взялась за разрушение всего связанного с религией, потому что в трудные годы гражданской войны и интервенции религиозные организации, служители культа разных исповеданий стали на сторону контрреволюции, потому что тихоновская церковь открыто превратилась в политическую организацию, активно выступавшую против Советской власти.

Сегодня, оценивая опыт антирелигиозного движения тех лет, следует особо подчеркнуть: в начале 20-х годов — времени становления на местах советской государственности — антирелигиозная борьба была одновременно и классовой борьбой. Конечно, на первых порах выступления против религии велись на ее же собственном языке. Только с обратным знаком. Так возникали комсомольские «пасха», «рождество», «троица» и т. д. — своеобразные антирелигиозные реминисценции площадных представлений, искони популярных в народе. Поэтому столь замечательно следующее наблюдение И. И. Скворцова-Степанова:

> «Газетные сообщения оставили такое впечатление, как будто «комсомольские святки» 1922 г. и «комсомольская пасха» 1923 г. прошли с наибольшим подъемом и вовлекли наибольшие массы в областях, которые в свое время видали правительства Деникина, Петлюры, Скоропадского, Врангеля и многих других паладинов буржуазии и помещиков. Это как нельзя более понятно и естественно. Этим областям просто довелось яснее увидеть, какие земные интересы воплощены в фигурах попа, раввина и ксендза; они в концентрированном виде проделали тот опыт, который на Севере не отливался в такие заостренные формы. Дорого обошлась нашей стране «агитация» баронов и генералов, но все же это была «антирелигиозная агитация».

Однако антирелигиозные карнавалы были задуманы не просто как противопоставление религиозным праздникам. Задача стояла шире. Комсомольцы задумывали свои «святки», свою «пасху» и как средство широкого агитационного воздействия на верующие массы. Вот почему такое большое место в них отводилось научным знаниям.

По замыслу комсомольцев, антирелигиозные торжества должны быть праздником «освобожденной человеческой мысли». Уличный карнавал представлял основные этапы развития религии, ее историю, показывал антинаучный смысл и классовую сущность религиозных праздников. И не вина первых комсомольцев, что в полной мере осуществить задуманное удавалось лишь в крупных городах, где имелись квалифицированные консультанты и соответствующая материальная база.

Первый антирелигиозный карнавал — «комсомольское рождество» — состоялся 7 января 1923 года. Газета «Безбожник» в этот день писала:

> «Мы бросаем вызов всем темным силам прошлого. Новое поколение не хочет, не может и не должно жить, как деды жили. Не надо новому поколению никаких богов, никаких святых, ни идолов, ни чертей, ни небесного рая, не страшен ему придуманный попами ад. Коммунистический Союз Молодежи в эти дни устраивает свое комсомольское рождество. Не для издевки над верующими, не для озорства, но для того, чтобы помочь миллионам людей, одурманенных религией, освободиться от этого дурмана...»
>
> «Придут иные дни, когда жалкими рабами будут казаться теперешние люди, все еще придавленные тяжестью труда и природы. Первые зори этих дней уже озаряют шар земной. Контуры, очертания новых праздников уже обрисовываются. Будет новое рождество — рождество освобожденного человечества. У него будут, оно должно создать новые, свои праздники. Это — победы над классовыми врагами трудящихся, память о великих битвах рвущихся к полному освобождению трудящихся масс; это — победы труда над силами природы, великие победы в области техники, в области новой организации труда; это — победы над тем, что теперь кажется границами нашего познания, нашей мысли, нашей воли — победы над пространством и временем».
>
> «...Молодежь ищет новых путей, — она разъясняет сегодня верования своих далеких отцов и дедов, все еще держащие в плену рабочих и крестьян. Сегодня молодежь заявляет, что она не верит богам земным и небесным, и стаскивает их на землю и показывает их такими, каковы они без прикрас».

Периодика тех лет сохранила атмосферу антирождественского карнавала.

Псков. В ночь на 7 января по городу «прошел карнавал». Молодежь — с факелами, играли оркестры. На одной из центральных площадей состоялись «похороны» контрреволюции и «сожжение богов». За карнавалом «шли огромные толпы народа».

Ярославль. В течение трехдневной кампании было прочитано множество лекций о происхождении рождества; в клубах устраивались костюмированные вечера с постановками: «рождение Будды», «празднование рождества у древних славян», «современное рождество».

Казань. Карнавал сопровождался митингом на площади имени 1 Мая, в котором участвовало до пяти тысяч человек.

Царицын. К этому дню выпущена однодневная газета «Комсомольское рождество». 6 января во всех районах и клубах прошли митинги и спектакли. Из клубов молодежь

прошла к бывшему Илиодоровскому монастырю, откуда с музыкой, освещаемый факелами, украшенный звездами и плакатами, карнавал «Выезд богов» двинулся к городу. По ходу шествия на площадях разыгрывалась пьеса «Освобождение истины». Шествие закончилось перед рассветом большим митингом у братских могил.

Алатырь. Здесь карнавал прошел с ряжеными, музыкой, «красными колядками», в которых славилось «комсомольское рождество».

Ташкент. Карнавал закончился «сожжением богов». У памятника «Революции» комсомольцы торжественно поклялись «отрешиться от религиозных предрассудков, противопоставив им науку и знание как путь к коммунизму».

Киев (из зарисовки современника):
— Комсомольцы движутся!
— Карнавал идет!
Крещатик буквально запружен.
На перекрестках небольшие остановки, поют колядки, частушки, заставляющие толпу хохотать.

Тула, Сарапул, Саратов, Харьков, Самара, Тифлис, Краснококшайск, Омск, Пермь, Уфа, Рязань, Тамбов, Елец, Владимир, Муром, Тюмень... Перечень больших и малых городов, где прошло «комсомольское рождество», можно было бы продолжить. Но главный карнавал состоялся, конечно, в столице.

Москва. Уже с утра на Тверскую и другие центральные улицы вышли жители, чтобы посмотреть на карнавал. Необычайным спросом пользуется газета «Безбожник». А вот и карнавал! Впереди шествия — всадники. В руках у них громадный плакат «Сегодня день комсомольского рождества».

За всадниками движутся автомобили с «богами»: здесь Осирис и Мардук, Будда и Иегова, Аллах и Христос. Другой автомобиль полон «ангелов» и «чертей». Грузовик с «попами», «раввинами», «муллами», «шаманами», «ксендзами», «пасторами». Каждый из них нахваливает свою «веру», на свой лад обещает «спасение» и «блага небесные». Вот группа юных комсомольцев изображает «крещение Руси». В старой калоше едет «живая церковь». Несут изображения языческих «богородиц». На особом грузовике — производственная выставка ВСНХ. За ней — толпа ряженых с резиновыми шинами, телефонами, пропеллерами... — словом, с тем, что впервые начинала производить тогда молодая Советская республика.

Много лозунгов: «Человек создал богов по образу своему и подобию», «Изгоните богов с небес, капиталистов с земли, подготовьте мир к коммунизму» и другие. А с наступлением сумерек на площади у Александровского вокзала сжигаются многочисленные бутафорские «боги» и «буржуины». С пением Интернационала молодежь расходится.

Повсюду карнавалы привлекли к себе внимание. Но они не стали устоявшейся традицией, так как большинство населения было верующим, а шествия носили характер агиткампании. Известно, что антирелигиозные карнавалы не встретили сочувствия у В. И. Ленина. Он считал, что в идейном воспитании масс нельзя отделываться кампаниями. Клубная работа, спектакли, лекции на актуальные темы современности — все это должно быть целенаправленно, массово, каждодневно.

Довольно быстро оценив опыт первых массовых атеистических выступлений, выделив рациональное зерно из ненужных наслоений, комсомольские ячейки перешли к последовательной работе. В сельской местности, например, подготовка к «комсомольским святкам» или «комсомольскому Илье» начиналась, как правило, заранее — с лекций и бесед, посвященных истории возникновения и классовой сущности религиозных праздников. Как писала ряжская газета «Советская деревня» 7 января 1924 года, задача такой работы — «сообщение молодежи научных доказательств, подрубающих устои религиозного обмана». К началу «святок», «пасхи», «Ивана Купалы» и т. д. комсомольцы и несоюзная молодежь ставили пьесы, импровизированные представления, концерты, отказавшись от уличных шествий.

Традиция уличных антирелигиозных шествий и карнавалов в крупных городах дожила до 30-х годов. Вот как это было, например, в Ленинграде в 1929 году, когда первомайские торжества совпали с празднованием пасхи.

В день первомайской демонстрации на импровизированных сценах-грузовиках клубными кружками самодеятельности были показаны антирелигиозные инсценировки. На стоянках для демонстрантов исполнялись сатирические куплеты о куличах и пасхальных попойках. А в ночь под пасху на лестнице Фондовой биржи для собравшихся многотысячных зрителей была показана антирелигиозная инсценировка. Тема ее — борьба церкви с научным творчеством; время действия — эпоха инквизиции и современность. Инсценировку завершил фейерверк.

Не будет преувеличением сказать, что оптимизм И. И. Скворцова-Степанова, горячо поддержавшего идею молодежных антирелигиозных карнавалов, был оправдан. Он был продиктован самой жизнью — созидающей новое и ниспровергающей старое.

«Все выходит по Гегелю, — писал в декабре 1922 года на страницах газеты «Правда» Скворцов-Степанов. — Тезис (утверждение): языческие праздники. Антитезис (отрицание): христианские праздники. Синтезис (отрицание отрицания): примирение тезиса и антитезиса в высшем единстве: комсомольские праздники. «Комсомольские», впрочем, только для начала, только по инициаторам, только потому, что молодежь лучше всего сумеет разворочать обывательскую массу».

Действительно, традицию уличных карнавалов, насыщенных политической сатирой, злободневным содержанием, осмеивающих «буржуинов», нэпманов, спекулянтов, клерикалов, всех саботажников, прежде всего горячо поддерживала молодежь.

С неиссякаемым энтузиазмом, темпераментом, со смелым задором, с вдохновенным стремлением к поиску, ко всему передовому, необычному — со всем своим прекрасным «багажом» юности она активно включилась во все общественно-политические и экономические начинания Советского государства. Самую горячую поддержку в ее рядах нашли и новые праздники, даже если поначалу они назывались «комсомольским Ильей» или «троицей». Главное — их суть. А она, эта суть, была в противостоянии старому миру, старым взглядам, патриархальщине, мещанству, любому проявлению духовного убожества.

Конечно, какую-то часть верующих массовые атеистические начинания не могли не шокировать. Но в целом комсомольские карнавалы, сатира, смех, короткая, хлесткая частушка сыграли определенную роль в освобождении людей, особенно — молодых, от влияния религии. Не случайно даже представители обновленческой церкви, этого самого радикального течения в православии, забили тревогу. Вот как, к примеру, оценивал в 1925 году сложившуюся ситуацию глава обновленчества А. Введенский:

«Умрут тихоновские и обновленческие панихидные старушки, Сухаревка изжита будет государственным экономическим аппаратом, контрреволюция будет изжита и добита — что будет с церковью?, ибо современная церковь — это... все, что хотите, но не родник живой мысли и дел, живой бодрости и радости». И далее: «Подрастающее поколение не приемлет этой церковной идеологии, не понимает ее, смеется над ней. Да — смех молодежи, вот что всего страшнее церкви. Жуткий и смешной анахронизм — вот что такое религия для надвигающейся смены».

Смех, с которым на протяжении веков безуспешно боролись служители культа, вырвался наконец на свободу: сеял сомнения, разуверял, оказывал революционизирующее воздействие на сознание, лишний раз подтверждая слова К. Маркса:

«История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно исторической формы есть ее комедия... Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым». В новую социальную эпоху, в преддверии социалистического преобразования общества, анахронистично — а значит, в определенных ситуациях и комично — воспринимается все то, чего не должно быть в новом обществе, что не соответствует победившему строю. Вот почему молодежь сделала смех своим оружием против религии.

КАК УТВЕРЖДАЛСЯ ИСЛАМ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Т. САИДБАЕВ,
кандидат философских наук

В нашей стране мусульмане встречаются среди представителей многих национальностей — узбеков и аварцев, киргизов и татар, таджиков и черкесов, казахов и чеченцев, кабардинцев и туркмен... Каждый из этих народов имеет свою, отличную от других историю, но именно ислам оказался той религией, которую восприняли их предки и которая сохранилась в их среде на долгие времена.

Почему же именно ислам вытеснил у этих народов прежние религиозные верования, стал у них господствующей идеологией и, таким образом, оказывал определенное влияние на социальные процессы, психологию, культуру и ценностные ориентации? Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и немаловажное практическое значение. Без правильного ответа на него невозможна эффективная работа по преодолению пережитков ислама.

Среди мусульман существует представление об исламе как извечной религии так называемых «мусульманских» народов («мы — узбеки, башкиры, чеченцы и т. д.— всегда были мусульманами»). В районах распространения ислама многие религиозные обряды и предписания воспринимаются верующими (а порой и неверующими) как народные, традиционные, присущие испокон веков именно данной нации, народности. Еще и сегодня находит сочувствие проповедь об исламской религии как хранительнице национального духа, национальной культуры, и сегодня ислам продолжает оказывать прямое или косвенное влияние на личную и общественную жизнь значительного числа людей.

Какова же истинная роль этой религии в исторических судьбах воспринявших ее народов? Какие ее черты помогли ей существовать столь долгое время, еще и сегодня сохранять влияние среди определенной части населения?

В нашей исторической и исламоведческой литературе, как правило, говорится, что ислам на территории СССР появился в результате внешней экспансии, что он огнем и мечом насаждался завоевателями среди покоренных народов [1]. Вместе с тем в ряде работ, посвященных распространению ислама, подчеркивается, что причины его утверждения в той или иной части страны нельзя объяснять только арабской экспансией, что необходимо также учитывать местные социально-экономические условия того времени. Авторы, однако, ограничиваются этим замечанием, не раскрывая сути проблемы [2].

Войны Арабского халифата, сопровождавшиеся захватом обширных территорий, покорением десятков разноязычных племен, сыграли немалую роль в распространении ислама, тем более что вначале эта религия не знала индивидуального миссионерства. Известно, однако, что в Татарии, Башкирии, в ряде районов Северного Кавказа и Средней Азии ислам вытеснил традиционные верования и утвердился без насилия, при помощи проповеди. И сегодня продолжается «мирное наступление» этой религии в Азии и Африке. К тому же известно немало случаев, когда насильственное внедрение той или иной религии не приносило успеха.

Процесс распространения и утверждения ислама в каждом отдельном случае проходил в особых, специфических условиях. Попытаемся установить, были ли общие закономерности у этого процесса в разных районах на территории нашей страны. Ответить на этот вопрос можно, лишь руководствуясь марксистским тезисом схожести в своем идеале путей всех народов, подчинении их общим законам развития человеческого общества.

Таким образом ислам, появившийся на исторической арене в первой половине VII века в Аравии, в краю, значительно удаленном от Средней Азии, Поволжья, Кавказа, в конце концов распространился и утвердился в этих районах? Объяснить это невозможно без знакомства с социально-экономическими условиями, в которых происходил этот процесс, явившийся переносом надстройки, культуры.

Марксизм учит, что такой перенос — и как возможность, и как факт — определяется сходством или различием базисов взаимодействующих обществ. Закономерен перенос надстройки между социально-экономическими структурами, не имеющими качественного различия. Если же общества находятся на различных уровнях развития, то перенос тех или иных частей надстройки (правовых и политических систем, научных и философских теорий, эстетических взглядов) весьма проблематичен.

При сравнении социально-экономических, политических условий в Аравии VII века и Средней Азии в период распространения ислама обнаруживается их несомненное сходство.

Арабское общество конца VII века сохраняло рабовладельческий уклад, однако уже в значительной степени подверглось феодализации; военно-феодальная знать, принимавшая участие в завоевании Средней Азии, сохраняла еще элементы кочевого быта. В Средней Азии ко времени арабского нашествия на смену рабовладельческой формации приходит феодальная. Вообще утверждение ислама и в других районах нашей страны происходило как раз в период развития и укрепления феодальных отношений. Именно сходство исторического развития среднеазиатского и арабского обществ явилось определяющим фактором переноса этой религии на новую почву. Идеология ислама соответствовала потребностям нарождавшегося феодального общества, различных его социальных слоев.

Среднеазиатские феодальные государства, завоеванные арабами, характеризовались резкой социальной и имущественной дифференциацией. Эксплуататорам нужна была сила, которая держала бы в повиновении трудящееся большинство,— идеология, оправдывавшая сложившиеся производственные отношения, внушавшая массам неизбежность и предопределенность их угнетенного и бедственного положения. Средние века знали только одну господствующую идеологию — религию. Развитие среднеазиатского общества закономерно вызвало попытки выделить из множества богов, которым издавна поклонялись местные народы, единого, «высшего». Потребность в монотеистической религии явно обнаружилась здесь еще до арабского нашествия.

Покорив Среднюю Азию, арабы оставили без изменения аппарат управления и эксплуатации, удовлетворившись захватом добычи и сбором дани с населения. Завоеватели привлекали на свою сторону земельно-чиновничью аристократию: были сохранены все ее социально-экономические привилегии,

---

[1] См., например: «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957, стр. 105; «История Туркменской ССР», т. 1. Ашхабад, 1957, стр. 165; «Очерки истории Карачаево-Черкесии». т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 186; М. Муллаев. Происхождение и реакционная сущность шариата. Душанбе, 1967, стр. 94; А. Кадыров. Современный ислам в Средней Азии, его исторические основы и процесс преодоления. Автореферат докторской диссертации. М., 1969, стр. 18; Ш. Ф. Мамедов. Развитие философской мысли в Азербайджане. М., 1965, стр. 23; Б. Х. Цавкилов. Мораль ислама. Нальчик, 1967, стр. 143—144 и др.

[2] См., например, А. В. Авксентьев. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973; Д. Межидов. Мифы и реальность. Грозный, 1975.

она продолжала по-прежнему эксплуатировать крестьян, собирала с них налоги в пользу наместников халифа, не забывая при этом и себя. Местные феодалы, принимая новую религию, на первых порах получали прямые материальные выгоды — освобождались от уплаты джизьи — налога с иноверцев. А главное, в их руках оказывалось идеологическое оправдание своего преимущественного положения в обществе: ислам учил, что социальное неравенство — от бога, ведь Аллах дал «преимущество одним пред другими в жизненном уделе» (Коран, сура 16, аят 73), он разделил «среди них их пропитание в жизни ближней» и возвысил «одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение» (сура 43, аят 31), и потребовал повиновения «обладателям власти среди вас» (сура 4, аят 62).

Во всех странах, куда проникал ислам, именно феодалы принимали его первыми и всемерно способствовали его распространению. Большую роль в распространении новой религии играли города и крупные торговцы. В Средней Азии в VII—начале VIII века—накануне нашествия арабов — города в экономическом и культурном отношении достигли высокой ступени развития. Наряду с феодалами здесь господствовали богатые купцы, которые имели широкие торговые связи с другими городами и государствами.

В международной торговле главенствовали купцы Бухары и Согда (нынешнего Самарканда и прилегающих к нему районов). Они были основными посредниками в торговых связях между Востоком и Западом и держали в своих руках торговлю между оседлым населением и кочевниками-тюрками.

В сферу торговли были включены и многочисленные ремесленники, которые приобретали сырье и продавали готовые изделия. Караваны с товарами нуждались в многочисленной охране, в погонщиках верблюдов и другом обслуживающем персонале. Кочевники, пропускавшие через свои земли караваны и взимавшие плату за их безопасность, за продовольствие и топливо, тоже были причастны к торговле. В общем, от ее состояния во многом зависело благополучие страны — в торговле прямо или косвенно участвовала значительная часть населения.

Централизация государства, последовавшая за арабскими завоеваниями, создала благоприятные условия для развития торговли, способствовала ее расширению. Завоеватели поощряли ее, и вполне естественно, что купцы, связанные с ними ремесленники и другие слои населения сравнительно быстро, без сопротивления приняли новую религию, пусть вначале и формально. Не могло, видимо, не привлекать их и отношение ислама к торговле. Она восхваляется в Коране во многих местах, например: «О вы, которые уверовали! Не указать ли мне вам на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания?».

Если учесть к тому же, что Коран освящает именем Аллаха частную собственность и «на защиту имущества обращается гораздо больше внимания, чем на защиту личности»[3], то вполне понятно, почему новая религия импонировала купцам и всем слоям населения, связанным с торговлей. Отметим, что экономическая доктрина христианства раннего средневековья признавала только две отрасли хозяйства — земледелие и домашнее ремесло. Торговля как вид деятельности осуждалась. По христианским представлениям, торговля опасна для души. В Евангелии рассказывается, как Христос изгнал купцов из храма. А торговец, принявший ислам и живший среди мусульман, был уважаемым человеком в обществе, его занятие считалось добродетельным, богоугодным.

Значительную часть среднеазиатского общества периода арабских завоеваний составляло неимущее большинство, зависимое от феодалов и купцов. Это были прежде всего многочисленные мелкоземельные собственники. Они возделывали землю своими орудиями труда, но не владели тем главным, без чего не могло быть урожая,— водой. Каналы, водоемы принадлежали либо крупному феодалу, либо общине и государству. Нередко такие земледельцы не выдерживали конкуренции с крупными земельными собственниками и постепенно превращались в издольщиков, не имевших собственной земли. Были в среднеазиатском обществе и рабы, и крестьяне-издольщики, влачившие жалкое, полуголодное существование. Однако и для них новая религия имела привлекательные черты.

Вспомним, что арабские завоевания проходили под лозунгом равенства всех мусульман перед Аллахом, освобождения единоверцев от налогов и рабства. Достойным объявлялся каждый, кто принадлежал к мусульманской общине, отличался благочестивым поведением, подражал пророку Мухаммеду и его сподвижникам. Такие лозунги на деле мало что меняли в положении раба, издольщика, крестьянина, прежней оставалась привычная колея их жизни. Однако, став мусульманами, они обретали иллюзорное чувство собственной значимости, сознание того, что и они и их феодалы равны перед лицом всемогущего небесного владыки.

К. Маркс так описывал в письме к Лауре Лафарг (13—14 апреля 1882 г.) население Алжира: «...Весьма поразительное это было зрелище: некоторые из этих мавров были одеты претенциозно, даже богато, другие — в то, что я в виде исключения отваживаюсь назвать блузами, когда-то имевшими вид блуз из белой шерсти, но теперь превратившимися в тряпье и лохмотья; но в глазах истинного мусульманина подобные вещи, жизненная удача или неудача, не создают различия между детьми Мухаммеда. **У них абсолютное равенство в социальном общении** — совершенно естественное; напротив, только будучи деморализованными, они начинают осознавать, что оно существует». Здесь же Маркс объяснил социальную суть этого явления: «Это самое чувство абсолютного равенства и существование его на практике (не по богатству или положению, а в смысле личного равенства)» используется политиками как гарантия того, чтобы поддерживать ненависть к последователям других вероисповеданий и надежду на конечную победу над неверными[4].

Централизация государства принесла стабилизацию общественной жизни. Прекратились раздоры между правителями небольших феодальных государств, что в какой-то мере облегчило жизнь масс, на чьи плечи ложилась вся тяжесть военных конфликтов. И в их сознании возможность мирного существования связывалась с появлением новой религии.

Итак, общества в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе имели в тот период сходный материальный базис с арабским обществом, что и сделало возможным перенос религии арабов в эти районы, где она пустила впоследствии глубокие корни. «Ислам — это религия,— писал Ф. Энгельс,— приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов»[5]. В то же время и сам ислам подвергся значительному влиянию местных религий. Вступление разных народов, отдаленных друг от друга тысячами километров, на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития обычно способствует не только переносу религии, но и появлению схожих религиозных верований, возникновению однотипной культуры[6].

ак видим, распространение ислама было обусловлено социально - экономическими причинами. Однако только ими нельзя ограничиваться при рассмотрении столь сложного явления, как перенос религии. Есть здесь немало вопросов, которые нельзя оставлять без объяснения, например: какие особенности вероучения и культа ислама способствовали его утверждению? Почему здесь не прижились другие религии, имеющие многовековую историю и характеризующиеся развитой богословской мыслью? Какую роль в распространении и утверждении ислама сыграли местные религии?

Большинство населения доисламской Средней Азии исповедовало зороастризм. Имел тут распространение и буддизм, но он не был серьезным соперником ислама. Известно, что накануне арабского нашествия в Средней Азии жило немало и последователей христианства, причем это были не только иноземцы, но и представители некоторых тюркских кочевых племен (огузов, тогузо-гузов), позже — и некоторых монгольских племен. В Самарканде в VI веке был несторианский епископ, а в VIII веке митрополит. В Хорезме имелась христианская кафедра, входившая в состав митрополии с центром в Крыму. Несторианином был царь карлуков Семиречья. Глубокие корни в Средней Азии в исследуемый период имело манихейство, бытовало и множество местных культов. Столь же пестрая религиозная картина наблюдалась в период распространения ислама и в других районах, которых достигли арабы.

На всех покоренных территориях завоеватели разрушали языческие святилища, храмы, сжигали зороастрийские и христианские книги. По свидетельству

---

[3] Е. А. Беляев. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 115.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 258.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 468 (сноска).

[6] См: Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, стр. 315—318.

древних историков, гибель храмов производила огромное впечатление на местных жителей. Правитель Согда на коленях умолял арабского военачальника «не сжигать идолов, чтобы не случилось беды. Но идолы были сожжены, святотатцы не пострадали, и это не могло не поколебать веру в старых богов»[7].

Однако при этом ислам усваивал многие идеи иных религий. Такое его свойство приспосабливаться к местным обычаям, верованиям, воспринимать черты иной идеологии отмечается многими исследователями. Ислам можно уподобить воде, принимающей форму берегов и дна, по которым она течет. В сравнении с другими монотеистическими религиями, он быстрее приспосабливался к условиям реальной жизни. Интересно в этой связи, как трансформировалось имя мусульманского бога в сознании среднеазиатских народов. Наряду с именем Аллах, они употребляют для его обозначения и имена Худо, Худай (дух неба у тюрков, получивший имя от персидского Кудай), и Тенгри или Тангри (правитель мира, бог неба и света, древнее верховное божество у тюрков).

Что касается взаимоотношений с исламом местных религий — зороастризма, манихейства,— то они не только не препятствовали, но в какой-то мере способствовали его утверждению.

Зороастризм не был лишен представлений о едином всемогущем боге, и для его последователей идея единобожия, проповедуемая исламом, не была принципиально новой и чуждой. Роднят зороастризм с исламом и другие существенные черты: отрицание аскетизма, забота о продолжении рода и т. п. Это не случайно — ислам еще в пору своего формирования воспринял многие черты этой религии персов. И. Гольдциэр, например, отмечал, что в хадисах — изречениях, приписываемых Мухаммеду, немало заимствований из Авесты — священной книги зороастрийцев и подражаний персидским образцам[8].

Манихейство проповедовало приход Мани-параклета (утешителя) — главного из посланцев царства света, который победит царство тьмы. Согласно исламу, Мухаммед—не кто иной, как параклет, пришествие которого предсказывается в Евангелии от Иоанна.

Однако и зороастризм, и манихейство, несмотря на некоторые монотеистические идеи, в целом были религиями политеистическими и не отвечали потребностям развивавшегося феодального общества, не соответствовали (особенно манихейство) жизненным представлениям его различных слоев. Аскетизм манихейства был чужд и пастуху и крестьянину. «Невозможно было растолковать пастуху, неграмотному храброму воину, что его родная благоухающая степь, любимая жена и веселые краснощекие дети — страшное зло, от которого надо отречься. Мог ли он возненавидеть свои крепкие руки, натягивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, не раз спасавшего ему привольную жизнь? Как мог он представить себе абстракцию борьбы Света и мятущейся Тьмы?»[9]. Не имело манихейство успеха и среди купцов и феодалов, прочно связанных с земными, конкретными делами, обладавших реальным богатством и властью.

усульмане считают, что священные писания христианства и иудаизма также передавались Аллахом на землю через посланников. Это признание способствовало тому, что христиане, проживавшие в Средней Азии, на Кавказе, как и их единоверцы в Сирии, Северной Африке, Испании, Египте, легко воспринимали ислам[10]. Однако почему же христианство, успешно обслуживавшее феодальные общества в Европе, не смогло стать господствующей религией развивавшегося среднеазиатского феодального общества и во многих районах Востока уступило место исламу?

В поисках ответа на этот вопрос исследователи обращали внимание на то, что иудео-христианские традиции не приспособились к потребностям населения Ближнего Востока, а ислам вполне удовлетворил эти потребности.

Прежде всего новая религия заменяла принцип индивидуальной ответственности перед богом «коммунализацией» дела спасения. Судьба личности и ее «спасение», согласно учению ислама, зависели не от ее личных заслуг, а определялись уже самой принадлежностью к мусульманской общине, ее поведением по отношению к этой общине[11].

В районах распространения ислама, несмотря на развитие феодальных отношений, сильны были родовые связи. В таких условиях христианство, которое обращалось ко всем народам без различия и ставило на первый план не кровнородственные связи, а солидарность христиан вообще, требовало от человека «покинуть свой дом» и изображало веру как меч, разрубающий все узы семейно-патриархальных привязанностей, не могло вызвать симпатий восточного общества.

Разумеется, в известной степени и ислам разрушает кровнородственные связи, во многом заменяя их экономическими, политическими и идейными. Но ислам не требует решительного разрыва с родом и племенем, оставляя человеку его традиционные связи. «В исламе речь идет скорее о слиянии, сплавливании различных родов, племен, вероисповедных групп в более широкую, но вместе с тем все-таки этнически ограниченную общность, ни в коем случае не совпадающую со всем «разумным человечеством». Понятие рода не переосмысливается в корне, а лишь получает новое, более широкое истолкование, согласно которому имущественные, общинно-корпоративные и политические зависимости ставятся в один ряд с кровными связями и реализуются с их помощью»[12].

В условиях Востока ислам обладал преимуществом перед христианством и в таких важных вопросах, как ответственность человека перед богом, его отношение к земной жизни. Согласно христианскому учению, грех прародителей передается всему роду человеческому и люди обязаны всю жизнь смывать его. Аллах же, согласно Корану, простил Адама и «повел прямым путем» (сура 20, аят 120) и не сделал из его поступка никаких тяжелых для всего человечества выводов. Попасть в рай, по учению христианства,— это скорее возможность, чем реальность. Даже тот, кто делает все для спасения души, ни в какой ситуации не может считать, что ему обеспечено «царствие небесное». По замечанию К. Маркса, в христианстве чувство человеческого достоинства «растворилось в обманчивом мареве царства небесного»[13].

Ислам, напротив, позволяет надеяться на райское блаженство не только доброму мусульманину, но и совершившему грех, лишь бы он был членом мусульманской общины. По словам В. Бартольда, христианин, чтобы исполнить требования своей веры, должен забыть себя ради бога и ближнего, от мусульманина его закон требует, чтобы он среди своих дел не забывал ни бога, ни ближнего, совершал в положенное время молитвенный обряд и отдавал часть своего имущества в пользу бедных.

Подобное отношение к греху, своего рода гарантия райской жизни, конечно, привлекали предприимчивых людей, каковыми были торговцы, а также кочевников, постоянно испытывавших судьбу в походах.

Нельзя не отметить простоту, доступность догматов ислама и его культа. В исламе выдвигается на первое место специфически восточная, простая обрядность, не отягощенная сложной догматикой, акцент делается на «внешнем благочестии», индивидуальном, внутреннем постижении Аллаха. Это также облегчило восприятие ислама коренным населением тех стран арабского Востока, где ранее исповедовалось христианство. Переход же мусульман в христианство наблюдался крайне редко.

С приходом арабов, с появлением новой религии мало что менялось в основах местной жизни, и это также способствовало утверждению ислама. Оставались неизменными формы государственного управления, местные традиции и обычаи, которые ислам постепенно впитывал, включая в свою систему.

К тому же нормы, диктуемые исламом, во многом совпадали с традиционными нормами жизни новых приверженцев этой религии — адатами.

Взять, к примеру, многоженство. Некоторые авторы считают, что полигамия пришла в Среднюю Азию с исламом.

---

[7] См.: А. М. Беленицкий и др. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, стр. 151.

[8] См: И. Гольдцигер. Лекции об исламе. М., 1912, стр. 22—23.

[9] Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 427—428.

[10] Речь идет не о простом заимствовании исламом идей иудаизма и христианства, а о разных вариантах одной и той же общесемитской истории. Ф. Энгельс, характеризуя Библию, писал, что она представляет собой «запись древнеарабских религиозных и племенных традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих соседей — родственных им, но оставшихся кочевыми племен. То обстоятельство, что Палестина с арабской стороны окружена пустыней, страной бедуинов, объясняет самостоятельность изложения. Но древнеарабские надписи, традиции и Коран, а также и та легкость, с которой распутываются все родословные и т. д.,— все это доказывает, что основное содержание было арабским или, вернее, общесемитическим». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 209—210.

[11] Об этом подробнее см.: Б. С. Ерасов. Структура и динамика исламского универсализма. «Вопросы философии», 1973, № 3.

[12] Е. Фролова. Ранний ислам, его социальная сущность и историческая роль. «Наука и религия», 1971, № 10.

[13] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 373.

Однако известно, что у древних тюрков — предков многих народов, принявших ислам, многоженство существовало (по крайней мере, в среде знати) задолго до прихода арабов, а у якутов, тюркоязычного народа, никогда не знавшего ислама, оно сохранялось вплоть до XIX века. То же самое можно сказать и об обычае кровной мести, о культе старших и т. д. Для Средней Азии не была новой и идея теократии, присущая исламу, так как здесь хан одновременно был и первосвященником.

Какую же роль сыграло распространение и утверждение ислама на территории нашей страны, в частности в Средней Азии, в исторических судьбах народов, населявших эти районы? Эта проблема требует специального исследования, мы лишь коснемся основных ее аспектов.

Современные мусульманские деятели объясняют расцвет культуры народов Средней Азии после утверждения здесь новой религии именно ее «благодатным» влиянием. Они пишут, что ислам поощрял знания и учение, создавал ученым условия для плодотворного труда и т. д. Однако мы знаем, что на огромной территории, где проживали мусульмане, имевшие большие различия в традициях, истоках культуры, условиях жизни, не было единых эстетических норм, единой культуры. У каждого народа, исповедовавшего ислам, развивались самобытная литература, свое искусство орнамента и т. д. Благодаря созданию огромного Арабского халифата, частью которого стала Средняя Азия, местная культура вошла в тесные контакты с индийской, иранской, месопотамской, египетской, греко-римской культурой, произошел величайший культурный синтез в Средней Азии и на Ближнем Востоке [14], однако причину этого явления следует искать не в мусульманской идеологии.

Арабские завоевания в Средней Азии носили откровенно захватнический характер, они велись в интересах правящей верхушки арабского общества и нанесли большой ущерб экономике и культуре этого края. Народ, вначале надеявшийся на облегчение своего положения, быстро почувствовал на себе последствия политики грабежа, ощутил тяжесть двойного гнета — со стороны местной знати и завоевателей. История Средней Азии знает множество народных движений против эксплуататоров.

С точки же зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в состав Арабского халифата в конечном счете способствовало и созданию централизованного государства, и развитию здесь феодализма.

Упрочение феодальных отношений в Средней Азии сопровождалось ростом производительных сил, сельскохозяйственного производства, расширением площадей используемых земель, восстановлением разрушенных оросительных систем, строительством ирригационных сооружений, широким использованием водоподъемных колес, появлением водяной, а с середины X века — и ветряной мельницы.

Излишки сельскохозяйственных продуктов способствовали дальнейшему развитию торговли и рыночного хозяйства, вследствие чего наблюдался дальнейший рост городов, усиление их влияния на экономическую жизнь. Развитие ремесел, скопление ремесленников в определенных центрах также вызвали интенсивный рост старых и возникновение новых городов, благодаря чему ремесла окончательно отделились от сельского хозяйства и началась их дифференциация по отраслям.

Во второй половине VIII — первой половине IX века в Средней Азии развиваются светские знания, появляются переводы книг по медицине, математике, астрономии, философии, логике и психологии — с языков народов Индии, персидского, сирийского и особенно с греческого. Именно в этот период и несколько позже трудились основатель средневековой математической науки Муса аль-Хорезми ал Маджум, с именем которого связаны понятия «алгебра» и «алгоритм», выдающийся астроном Мухаммед Фергани, великий медик Абу Али ибн Сина, поэты Фирдоуси, Рудаки и многие другие.

Было бы неверно, разумеется, объяснять высокий уровень культуры Средней Азии в данный период лишь включением ее в состав Арабского халифата, улучшением связей с высокоразвитыми в культурном отношении странами. Высокая культура могла быть воспринята, усвоена и, самое главное, получила творческое развитие потому, что народы Средней Азии находились сами на том же уровне культуры. Именно богатые культурные традиции и привели в данных условиях и расцвету экономики и культуры Средней Азии арабского и послеарабского периодов. Если отдельные представители народов Средней Азии высоко поднялись над интеллектуальным уровнем своего времени и сумели заглянуть далеко вперед, то это произошло именно благодаря тому, что им в полной мере удалось синтезировать все накопленные до них достижения культуры и дать новый толчок ее развитию. «Великие идеи... как и люди, имеют свои биографии, своих родичей и прародителей, свои генеалогические древа, уходящие корнями в далекое прошлое. В конечном счете они — плод всей предшествующей культуры, они вынашиваются многовековым ходом духовной работы, борьбой миллионов мнений, точек зрения, столкновением страстей и интересов, «перекрестным опылением» самых различных сфер деятельности. Многими невидимыми токами их внутреннее, кумулятивное развитие направляется и ориентируется движением социально-экономических процессов, требованиями той или иной общественной формации, «духом» определенной исторической эпохи» [15].

Обратим внимание и на следующее обстоятельство. Расцвет культуры народов Средней Азии в IX—XI веках стал возможен, на наш взгляд, и потому, что в тот период ислам еще не подчинил своему контролю все духовное творчество. Культура того периода, вступая в противоречие с исламом, воспевала торжество разума, провозглашала возможность постигать новые стороны жизни общества и природы, высоко ставила земное призвание человека.

Можно также смело утверждать, что именно там, где засилье ислама было меньше и где присущие конкретной местности элементы культуры были не слишком зависимы от его контроля, наука развивалась успешнее.

Исследователи еще не дали полного ответа на вопрос: почему страны Ближнего Востока и Средней Азии, достигшие в IX—XI веках наивысшего для своего времени уровня культуры и давшие огромный толчок развитию ее в Европе, в последующие века остановились в своем культурном и экономическом развитии? Ответ на этот вопрос неоднозначен, но можно с уверенностью сказать, что одна из причин кроется именно в том, что в жизни этого региона безраздельно господствовал ислам. Он способствовал консервации застойных общественно-экономических отношений, культурной отсталости районов его распространения, сыграл объективно реакционную роль в истории исповедовавших его народов.

---

[14] См.: Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, стр. 323—324.

[15] Г. Волков. Сова Минервы. М., 1973, стр. 7.

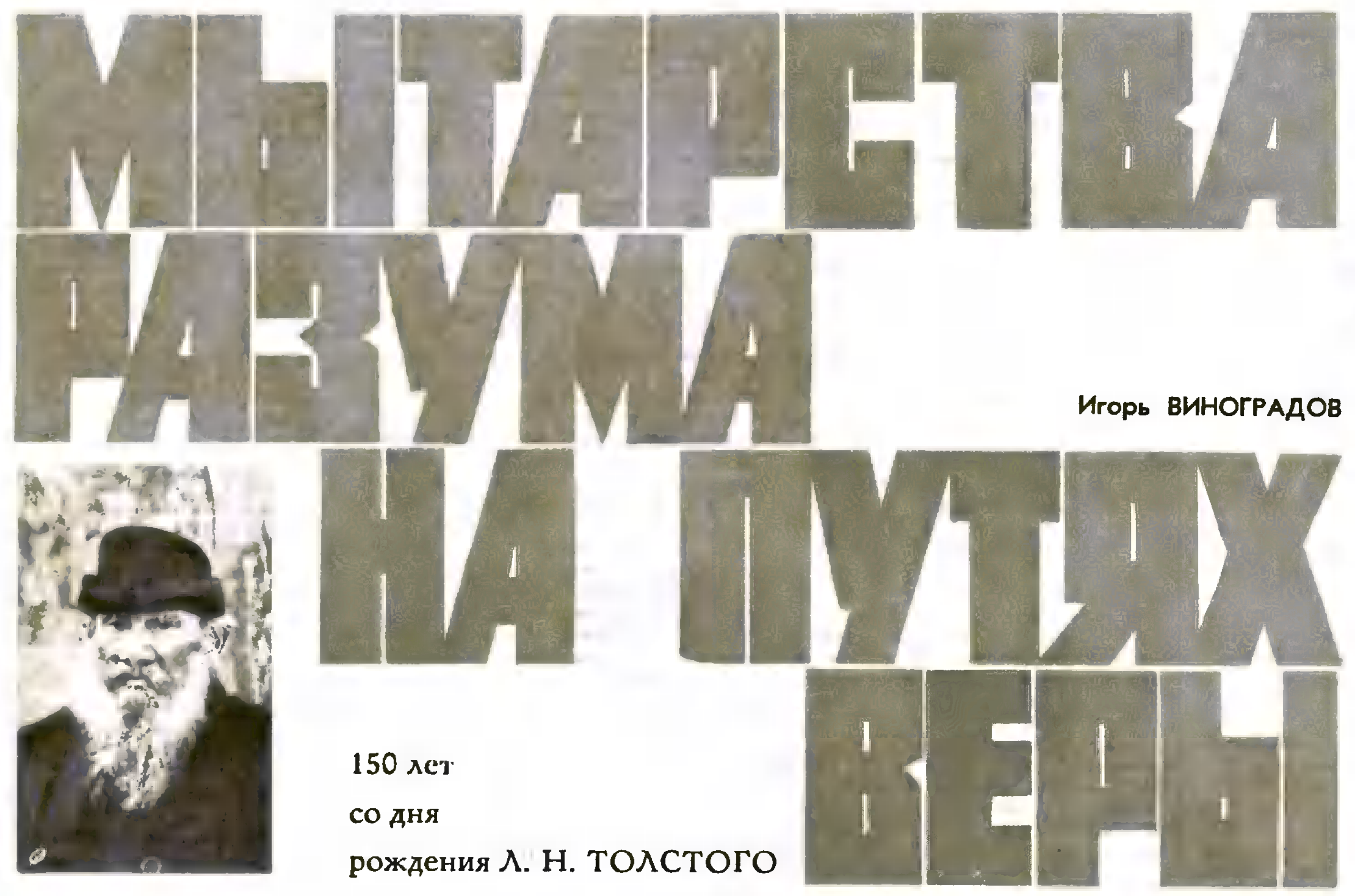
Нам пишут из Ново-Константинова: на днях в одной из церквей, когда ее отперли утром, был найден у окна труп старухи в корзине. Окно над этим местом выбито... Говорят, что покойная страдала религиозной манией, будто она будет взята живою на небо. Накануне катастрофы она, как предполагают, пришла в церковь ко всенощной, заснула в храме и никем не замеченная, осталась в нем на ночь. Ночью воры выломали окно и спустили вниз корзину, желая измерить высоту пространства, которое им надо будет совершить, спускаясь вниз в корзине. Шум разбудил спящую. Старуха, ощупав нисходящую сверху корзину, под влиянием постоянно угнетавшей ее мысли подумала, что это именно та колесница, на которой она живою должна вознестись на небо. Не задумавшись, она села в нее и предстала удивленным ворам, которые с испуга выпустили веревки, за которые тянули неизвестную тяжесть, и бедная женщина полетела с корзиною на каменный пол.

Воры, разумеется, скрылись, оставив этот кровавый след ночной трагедии.

«Голос»

О чем писали
русские газеты и журналы
в октябре 1878 года

МЫТАРСТВА РАЗУМА НА ПУТЯХ ВЕРЫ

Игорь ВИНОГРАДОВ

150 лет
со дня
рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

6 «НЕ ЗНАЮ И НЕ МОГУ ЗНАТЬ...»

Выстраивая свою конструкцию «разумного смысла жизни», Толстой, как помним, положил в ее основание «простой расчет»: жизнь есть стремление к «благу», тратить ее на достижение «личного блага», уничтожающегося со смертью, бессмысленно, лишь служение «благу общему» способно придать ей разумный смысл. И этот «простой расчет» так далек как будто бы от какой-либо «потусторонности», основан на таком непосредственно очевидном усмотрении «разумным» человеком своей «выгоды», своего «блага», что при не слишком внимательном прочтении Толстого легко может показаться, будто бы его этика и вообще не имеет никакого существенного, внутренне обязательного отношения к религии. Может показаться, что она вполне самостоятельна, обладает своей собственной имманентной логикой и что поэтому ее следует рассматривать как одну из разновидностей достаточно обычной для конца XIX — начала XX века гуманистической этики позитивистского толка. Кстати, такие попытки интерпретации религиозно-этического учения Толстого тоже были.

Но не забудем, что вполне как будто бы автономный вывод Толстого о «разумности» служения «благу» не личному, а общему был все-таки неразрывно связан в его сознании с наличием в системе его представлений о мире такой исходной онтологической инстанции, как бог, высший разум. И эта связь отнюдь не была здесь внешней. Выработанная им формула того «дела любви», которое он предписывал делать человеку, т о л ь к о п о т о м у и обретала для него статус искомой формулы «разумного смысла жизни», что он рассматривал исполнение этого «дела» человеком как исполнение «воли бога», как включение человеческой жизни в высший разумный божественный порядок. Только при этом условии любовное служение человека людям становилось, с его точки зрения, жизнью человека «в духе», жизнью его не как «отдельного, телесного и смертного», а как «нераздельного, духовного и бессмертного существа», соединенного с богом,— то есть обретало тот статус, который один только и обеспечивал этому служению «разумность», «неуничтожимость».

И наоборот — без этой гарантии формула служения «общему благу» сразу же превращалась для Толстого в формулу «дела» вполне бессмысленного, неразумного,— дела, совершающегося не в бесконечности божественных измерений, а в конечных пределах земного смертного мира и потому равного, в конечном итоге, тому же «нулю», что и служение «личному благу». Толстой, кстати, и сам на это не раз указывал, объясняя различие между своим («христианским») пониманием «дела любви» и пониманием этого «дела» в безрелигиозном альтруизме, суть которого он видел всего лишь в механическом распространении понятия «личного блага» (блага «животной личности») на жизнь всего человечества — совокупной «животной личности». Вот почему когда в 1910 году Базаров, уже завершивший к тому времени эволюцию от марксизма к махизму и «богостроительству», заявил, что Толстому удалось создать «чисто человеческую религию», лишенную всякого сверхъестественного начала, Плеханов был прав, ответив ему в статье «Смешение представлений», что это не так и что при всей своей кажущейся имманентной логической самостоятельности этическая система Толстого представляет собой все-таки именно р е л и г и о з н у ю этическую систему. Он был прав потому, что без «метафизического» своего укоренения в разумном порядке «божественного» (т. е. сверхъестественного) бытия она просто теряла бы для Толстого тот смысл, который он ей задавал.

Но если это так, то отсюда следует, очевидно, что от степени надежности такого «метафизического» ее «укоренения» и зависит прежде всего степень надежности (убедительности) всей этой системы в целом — именно как р е л и г и о з н о й этической системы. Здесь ее центр, ее главный проблемный узел, ибо если утверждается, что служение «общему благу» только потому и разумно, что соответствует «божьей воле», то убедительность этого утверждения, как нетрудно понять, прямо пропорциональна убедительности тех оснований, по которым служение именно «делу любви», а не какому-нибудь еще другому делу жизни признается соответствующим «божьей воле». А отсюда ясно, что вопрос о таких о с н о в а н и-

Окончание, начало см. в № 9.

ях — это и есть, следовательно, тот центральный для религиозной этики Толстого вопрос, которым проверяется ее претензия быть «разумно-религиозной» этикой, «разумной» этической «верой».

Как же отвечает этика Толстого на этот вопрос?

Даже при самом беглом знакомстве с религиозно-этической публицистикой Толстого нельзя не обратить внимание на то, сколь тяжелой оказалась для него эта проблема. Ему пришлось испытать при попытках ее решения такие трудности, встретить такие препятствия, о которых он, вероятно, и подозревать не мог в тот утренний час своего «обращения», когда он в отчаянье припал к вере как к заповедному источнику живой воды жизни.

В самом деле,— ведь что, собственно, «допускал» Толстой, принимая религию, во что он соглашался (или «покорялся») верить?

Он считал разумным верить, хотел верить и приучал себя верить в бога как в причину причин мира, как в первооснову бытия, как в духовное начало, неуничтожимое и бесконечное, проникающее и определяющее собою жизнь человека и человечества. Он считал необходимым требованием разума и потому действительно хотел верить в то, что жизнь человека и человечества включена в неуничтожимый высший разумный божественный порядок, что она целесообразна и оправдана в этом порядке, в этом «замысле» бога.

Но мы никогда или почти никогда не встретим у Толстого сколько-нибудь определенных высказываний о том, каков именно этот порядок, в чем его высший смысл, какое место в этом порядке предназначено человеку и человечеству высшим божественным замыслом. На все эти и подобные им вопросы Толстой не только не брался никогда отвечать, но и прямо указывал на их неразрешимость. Обращаясь к религии, чтобы найти в ней разумное объяснение жизни, он с самого начала ясно понимал, что не должен искать в ней «объяснения всего». Он знал, как пишет об этом в «Исповеди», что «объяснение всего должно скрываться, как начало всего, в бесконечности». Он только настаивал, что «необъяснимое» в религии должно приниматься разумом как необходимость самого же разума — потому, что, сознавая свои пределы, он неизбежно подводится к этому «необъяснимому». Но он вовсе не отрицал это «необъяснимое».

И эта позиция — в пределах той установки на «разумность», которую с самого начала принял Толстой,— была, надо признать, единственно для него возможной и «разумной». Он не мог не понимать, что отойти от нее — значило бы с самого начала вступить в противоречие с тем принципом, из которого он исходил, объясняя свое обращение к вере: вера начинается там, где разум говорит «не знаю»; вера утверждает то, что недоступно пониманию разума.

Вот почему всякий раз, как только он предвидел со стороны своих читателей разного рода «почему?» и «зачем?», относящиеся к пониманию и объяснению бога, его сущности, его целей и т. п., он всегда отводил эти вопросы как неправомерные, как вынуждающие разум утверждать, описывать и объяснять нечто такое, что выходит за пределы его возможностей. Так, показывая невозможность ответа на вопрос о том, что с нами будет после смерти, Толстой писал: «Божественная сущность души нашей, духовная, вневременная и внепространственная, в этой жизни заключенная в тело, выходя из него, перестает находиться в условиях пространства и времени». И хотя, замечает Толстой, «существует много различных гаданий о том, что и где будет после смерти», однако «все эти гадания от самых грубых до самых утонченных» не могут удовлетворить «разумного человека». И это, поясняет он, не может быть иначе, ибо сам «вопрос поставлен ложно»: «Разум человеческий, могущий мыслить только в условиях пространства и времени, хочет дать ответ о том, что будет вне этих условий... Будет ли эта сущность опять продолжать действовать в раздельности? будет ли это увеличение любви причиною нового деления? Все это г а д а н и я, и таких гаданий м о ж е т б ы т ь е щ е м н о г о, но ни одно из них не может дать д о с т о в е р н о с т и» («Христианское учение»).

Точно так же отвечает Толстой и на все другие вопросы этого рода.

«Зачем нужно (началу жизни, богу...) то, чтобы мы совершенствовались, я не знаю и не могу знать» (Дневник, 22 октября 1904 г.)...

«...Для чего бог, существо духовное, единое и нераздельное, заключил себя в отдельные тела существ?»... «Для чего бессмертное заключено в смертное, связано с ним?» Ответ «может быть только один: есть высшая воля, цели которой недоступны человеку» («Христианское учение»).

И снова и снова:

«Зачем существует мир таким, каким он есть,— мы не можем знать, как не может знать работник на заводе, зачем хозяин устроил такой завод, а не другой...» («Зачем я живу?»).

«Человек есть орудие... для совершения... неизвестного вполне человеку дела, и цель... не может быть известна...» («О смысле жизни»).

Это была неизменная позиция Толстого при встрече со всеми подобного рода вопросами — ему, можно сказать, доставало «разумности», чтобы, провозглашая «разумную необходимость» «неразумного знания» (веры), не пытаться и тому же еще и переводить это «неразумное» знание на язык знания «разумного». Он понимал, что в любом случае это будет лишь г а д а н и е, лишенное всякой д о с т о в е р н о с т и.

Но будучи вполне разумной и последовательной, эта закономерная для Толстого позиция как раз и должна была, как легко догадаться, поставить его в чрезвычайно затруднительное положение. С одной стороны, он не мог от нее отказаться, потому что это сразу же выбило бы у него всякую возможность претендовать на «разумность» своих построений, заставило бы подменять логику — гаданием. Но, с другой стороны, весь этот труднейший для Толстого «роман» его с верой был ведь затеян им, как помним, именно и прежде всего для того, чтобы обрести в вере надежную основу для «разумного» объяснения жизни, для отыскания ее неуничтожимого смертью смысла! А это в свою очередь означало, что в чем бы ни состояло то «дело», которое выставлялось на роль придающего жизни разумный смысл, оно, это «дело», чтобы получить искомую божественную гарантию своей неуничтожимости, как раз и должно было быть каким-то образом объяснено и обосновано «волей бога», соединено с «божьим замыслом», выведено из него.

Но как вывести нечто определенное и однозначное (ведь ясное понимание характера предназначенного человеку «дела» — основное условие «твердого руководства» в жизни) из того, что само по себе изначально и принципиально берется в качестве некоей неопределенности и неопределимости? Как «разумно», с необходимой убедительностью и доказательностью (то есть в пределах хотя бы логической достоверности умозрительного усмотрения) обосновать нечто при помощи того, что само по себе не поддается никакому разумному усмотрению, пониманию и объяснению? Как указать человеку истинный путь его жизни, ее цель и смысл, если заранее признается, что ни конечный смысл, ни цели существования человека и человечества в божественном порядке мира не могут быть доступны человеческому разумению?..

7 «ЗНАТЬ НЕ ДАНО, ПОТОМУ ЧТО И НЕ НУЖНО НАМ»

Так Толстой исходно оказался перед неким неустранимым и, в сущности, роковым для него противоречием, которое с самого начала делало вполне безнадежной его попытку выстроить здание р е л и г и о з н о й этики исключительно посредством установленных им для себя законов р а з у м а — логически ясного, простого и достоверного «разумного усмотрения».

Но Толстой, которому страстно хотелось и божественную гарантию для своей этики заполучить, и верность разуму при этом не нарушить, никак не мог, понятно, с такой безнадежностью примириться. Не желая видеть несогласимость этих стремлений, но, несомненно, чувствуя ее, он предпринимает поистине героические интеллектуальные усилия, чтобы как-то выбраться из этого противоречия. Он предлагает следующее рассуждение.

Да, говорит Толстой, мы не знаем и не можем знать, для каких высших божественных целей существуют мир, человек и человечество, как не может работник на заводе знать, для чего хозяин устроил такой завод, а не другой. Но разве мы, зная мир «таким, какой он есть», не можем знать тем самым хотя бы то, «что делается богом в мире»,— как «работник на заводе знает, что делается на заводе, хотя он работает только малую часть того, что вырабатывается?» («Зачем я живу?»). Да, признает Толстой, конечная цель человеческой жизни в бесконечном по времени и пространству мире не может быть доступна человеку. Но разве мы не можем сознавать и постигать при этом то «б л и ж а й ш е е д е л о», которое назначено нам делать на земле, видеть тот «п у т ь», то «н а п р а в л е н и е», по которому мы должны идти, чтобы исполнить это ближайшее дело своей жизни, хотя конечные цели ее нам и

недоступны? Разве «божья воля», никогда не открывающаяся человеку вполне, не может открываться ему хотя бы частично — через это указание на предназначенное ему дело? И разве, постигая смысл и содержание этого дела, мы не будем постигать тем самым отчасти и божью волю, соединяться с нею и служить ей, хотя вполне постигнуть ее нам и не дано? («О смысле жизни», «Христианское учение» и др.).

Так, пытаясь наладить нужную ему связь между выведенной им формулой «разумного смысла жизни» и инстанцией божественной воли, призванной санкционировать эту формулу как истинную, Толстой предлагает, как видим, компромиссный ход: он предлагает согласиться с возможностью хотя бы частичного «постигновения» божьей воли. И он стремится показать, что отречение от личного «блага», от «животной личности», «взращивание» в себе «существа духовного», служение «благу» общему, увеличение в мире добра и т. д. и т. п.— все это и есть то самое «ближайшее дело», которого требует от человека «божья воля» и знание которого доступно человеку. При этом он даже настаивает, что если человек обладает таким знанием, то этого ему вполне достаточно, а больше «нам знать не дано, потому что и не нужно нам» («О разуме, вере и молитве»).

Как видим, он и здесь не боится категорических формул. И со свойственным ему бесстрашием в доведении любой принятой им мысли до ее логической завершенности, до полной и честной прямоты, он готов предложить даже и такой образ: «...Воля Отца только в том, чтоб мы в том ярме, в которое мы запряжены, были кротки, смиренны и, не спрашивая куда, зачем, что́ везем, везли бы, пока есть сила, останавливались бы, когда велят, и опять везли бы, когда велят... и не спрашивали бы зачем и куда...» («О смысле жизни»).

Так пытается Толстой найти выход из тупика, в который загнала его необходимость вывести разумную и ясную формулу «божьего» жизненного «дела» из таинственной и непостижимой «воли божьей».

Но выход ли это? И почему же столь разительно отличается образ той скромно-почтительной, так сказать, «разумности», которою предлагается теперь довольствоваться человеку, от тех торжественных образов, к которым прибегает обычно Толстой всякий раз, как только он начинает говорить о разуме как о главной, природной силе человека? «Единственный свет», который «возвышает нас над остальным миром», самое «святое в жизни», «закон», по которому «неизбежно должны жить разумные существа — люди», их «первенствующая способность», противоположная «слепому доверию» и т. д.,—не эти ли и подобные им столь же звучные эпитеты и сравнения мы только что слышали от Толстого? И не он ли гордо провозглашал, что человек не должен «бояться сомнений и вопросов, вызываемых разумом», но должен искать «ясного» и «твердого понимания жизни», которое «неотделимо от сознания цели ее»? Не он ли обличал церковников за то, что они внушают людям, будто «следование в познании истины данному нам от бога разуму есть грех гордости» и будто существует какое-то «другое более надежное орудие познания»?

Но вот теперь по самому же Толстому выходит, что тот самый бог, который дал человеку разум с его законными «вопросами» и «сомнениями», с его требованиями «ясного» и «твердого» понимания жизни, тот бог, который благословил человека во всем слушаться и следовать только «закону разума»,— этот самый бог позволяет, оказывается, человеку следовать этому закону и пользоваться этим «единственным орудием» только «от сих до сих» — лишь для усвоения того, что он, бог, требует от него, человека, но — не спрашивая, зачем и почему. И это — в главном для человека деле,— в уяснении им смысла и значения своей жизни! Чем же отличается этот бог от того бога церковников, над которым Толстой так издевался за то, что тот, объясняя себя людям, сообщил, что он — «один и три»? «Да не может же быть, чтобы бог так отвечал людям, тем людям... которым он дал только разум, чтобы понимать его»! — это не «объяснение», а «только соединение слов, не дающих никакого понятия»!..

И хорош же «разумный» человек (существо, следующее только «закону разума»), который изо всех сил, смиренно и кротко тащит взваленную на него поклажу, не только не спрашивая, куда и зачем, но еще убеждая себя, что этого и знать ему не нужно!.. Этот укрощенный, стреноженный, выхолощенный «разум» настолько уже не похож на свой гордый и вольный первообраз, что поневоле возникает вопрос: полно, да уж и вправду ли именно он, разум, а не простая способность к смиренно-невопрошающему послушанию есть «первенствующее» орудие человека для отыскания «пути жизни»?

Но это — только во-первых. А во-вторых, ведь и на старый (и главный) наш вопрос мы тоже так и не получили еще ответа, хотя Толстой и попытался упростить условия задачи. Мы так еще и не знаем, на каких же основаниях служение «общему благу» следует считать отвечающим «божьей воле», а тем самым — и действительно «разумным», неуничтожимым». Может быть, Толстой сообщит нам наконец на этот счет что-нибудь более определенное — применительно, повторяю, хотя бы к новым, упрощенным условиям задачи? Пусть даже мы примем эти условия и не будем требовать от него, чтобы он полностью «расшифровал» нам «всю» божью волю, признав вслед за ним, что это невозможно, и допустив, что она может открываться человеку только «частично». Пусть даже мы согласимся с ним и в том, что знать «всю» волю нам и не нужно, а вполне достаточно знать ее только в том «частичном» ее проявлении, которым она указывает человеку на его «ближайшее дело». Но все же — хотя бы в этом-то проявлении мы должны ее знать, чувствовать, воспринимать именно как божью волю, чтобы быть уверенными, что указываемое ею «дело» есть действительно «божье», «разумное» дело? Каким же именно образом она указывает человеку, что его «ближайшее дело» — это «дело любви»? Почему именно это дело мы можем и должны признать отвечающим божьей воле?

8 «ВЫСШЕЕ БЛАГО»

Толстой чувствовал, конечно, неизбежность этого вопроса, и, судя по некоторым постоянным мотивам его религиозно-этической публицистики, ему очень хотелось найти ответ на него в том живом, непосредственном чувстве любви, к которому он, как мы помним, апеллировал, рассуждая о «наибольшем благе» и доказывая, что это «наибольшее благо» человек приобретает лишь в служении любви. Во всяком случае, по ряду толстовских работ видно, что он действительно искал нужный ему ответ именно в этом направлении, а какое-то время, может быть, даже и считал, что нашел. И это видно по тому, с какой настойчивостью он, говоря о чувстве и потребности любви к другим как о высшем стремлении человека, удовлетворение которого дает ему и «наибольшее благо»,— с какой настойчивостью он постоянно подчеркивает при этом, что «благо» это «не есть нечто, только выведенное из рассуждения», а есть такое «благо», которое непосредственно знают «все люди с самых первых детских лет», «к которому непосредственно влечется каждая неразвращенная душа человеческая» («О жизни»).

Почему Толстой так настойчиво акцентирует на этом внимание?

Дело в том, что в контексте принятого им религиозного «допуска» указание на непосредственную достоверность ощущения человеком «блага» любовного служения людям как высшего своего «блага», высшей своей радости должно было казаться Толстому, как легко понять, особо ценным, едва ли даже не решающим аргументом в пользу того, что именно служение «делу любви» — это и есть то дело, которое указывается человеку «божьей волей». Соответствующая логика напрашивалась здесь, можно сказать, сама собой: если лишь при условии исполнения «закона любви» человек обретает такое благо, такую радость и счастье жизни, «наибольшесть» которых удостоверяется непосредственным ощущением, то это дает серьезные основания заключить, что, стало быть, он исполняет истинный закон своей природы, то есть, иными словами, следует той воле, которая послала его в мир и которая и создала его таким, чтобы жизнь его состояла в стремлении к благу и чтобы высшее благо он получал от служения людям.

И действительно — именно к этому ходу мысли и прибегает Толстой, обращаясь к «божескому закону любви, вложенному в душу каждого человека». Он потому и называет его «божеским», потому и говорит, что «живущее» в человеке «божественное начало» любви дано ему для непосредственного «руководства» в жизни, а следование ему является «исполнением воли бога», что это удостоверяется соответствующим результатом: «Познай эту волю и исполняй ее, и ты сделаешь для себя лучшее, что можешь сделать» («Царство божие внутри вас», «Религия и нравственность»). А в качестве «обратного» выражения этой же закономерности Толстой указывает и на действие нравственного закона, «закона совести», который тоже непосредственно присущ человеку, «вложен» в него. Именно потому, что ос-

новная формула этого закона — «не делать другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали» — является «убедительной сама по себе», «соответствуя и разуму и природе человека»,— именно поэтому, заключает Толстой, голос этого закона тоже есть не что иное, как голос самого бога. Он есть указание человеку на то, чего «требует от него бог» через «вложенную в него совесть», а именно — исполнения того же закона любви, любовного служения людям.

Такова логика одного из излюбленных рассуждений Толстого, к которому он прибегает едва ли не во всех своих главных работах, как только возникает необходимость религиозно обосновать «разумность» альтруистического служения людям. И судя по всему, логика эта представляется ему порою настолько неотразимой, что он готов уже, кажется, и вправду поверить, будто решение задачи найдено и ясный, неопровержимый аргумент в пользу божественной природы любви отыскан.

Но это — иллюзия. Внутренние изъяны подобного рода аргументации все-таки дают себя знать, и Толстому в конце концов приходится признать ее шаткость.

Дело в том, что факт непосредственного ощущения «блага любви» действительно мог бы стать, как уже сказано, решающим для обоснования религиозной этики Толстого. Но — при одном важном условии. При условии, что непосредственное, живое ощущение человеком радости служения людям как своего высшего «блага» было бы фактом действительно неоспоримо достоверным для каждого, обладало бы статусом всеобщности, безусловности. В этом случае, то есть если бы любовь к людям, радость служения им и отречения от личного блага были бы и в самом деле для всех и каждого неоспоримым, непосредственно ощущаемым «наибольшим» благом жизни, Толстой действительно решил бы свою задачу. Ибо в этом случае испытывание человеком высшего блага альтруистической любви и в самом деле могло бы служить достаточно убедительным удостоверением того, что человек исполняет закон своей природы, то есть исполняет именно то «дело», которое предназначено ему божьей волей (поскольку природа человека изначально предполагается определенной этой волей). Причем аргумент этот был бы, повторяю, особенно весомым, ибо обращение к тому, что дано в непосредственном, неоспоримом и всеобщем опыте, всегда много убедительнее, чем любое умозрительное построение.

Но в том-то и дело, что возможности такого обращения у Толстого здесь не было, да и не могло быть по той простой причине, что «благо» альтруистического «любовного служения», взятое в качестве именно непосредственно ощущаемого высшего блага, вовсе не обладает таким статусом безусловности, и Толстой был слишком хорошим психологом, чтобы не понимать это. Он слишком хорошо знал (и об этом, в сущности, все время и писал), что хотя «благо любви» так или иначе знают все люди с детских еще лет, однако для подавляющего большинства вовсе не это «благо», но, увы, именно «личное благо» есть высшее и главное «благо» жизни.

Да и с нравственным «законом совести», «вложенным» в человека, дело тоже обстоит не так уж благополучно и однозначно. Толстому не нужно было открывать глаза на сотни и тысячи тех больших и маленьких «наполеонов», которым никакая совесть не мешала совершать самые кровавые злодеяния. Толстой слишком хорошо знал и это тоже, и вот почему, убеждая читателей, что «благо любви» есть то «благо», к которому непосредственно влечется человеческая душа, он все-таки не решается не уточнить: «каждая неразвращенная душа человеческая».

Однако это ведь и значит, что такое «благо» — отнюдь не безусловно «высшее» для всех «благо»! Это и значит, что для того, чтобы оно ощущалось как «высшее благо», необходимо предварительное условие: «неразвращенная душа». Иными словами, это значит, что способность испытывать это «благо» всецело зависит от развития человека, от его духовной структуры, его нравственно-мировоззренческой ориентации,— от всего того, что относится уже к области воспитания человеческой души, в чем она не константна, а изменчива.

И Толстому, которому интеллектуальная его честность не позволяла умалчивать об этом, ничего не оставалось, как зафиксировать это условие в своих рассуждениях. Вот почему, рассуждая о высшем благе любви, непосредственно ощущаемом человеком, он по большей части вынужден все-таки оговаривать, что хотя любовь «не есть вывод разума» и «всякое рассуждение о любви уничтожает любовь», однако же «истинная любовь» есть все-таки «последствие отречения от блага животной личности» и «возможность» ее «начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его животной личности». Иными словами, как говорит сам же Толстой, «проявление чувства любви невозможно для людей, не понимающих смысла своей жизни» («О жизни»).

Но, таким образом, все опять упирается в необходимость соответствующего «понимания»!.. Непосредственная достоверность нравственного чувства, привлеченная было в качестве чуть ли не главного свидетеля божественной природы любви, оказалась свидетелем слишком субъективным, ненадежным, и вот теперь показания этого свидетеля должны быть заново перепроверены и удостоверены при помощи уже иного свидетеля — все того же толстовского разума. Для того чтобы «благо любви» (а с ним и «дело любви») можно было признать действительно высшим благом и делом человека (а следовательно, и соответствующим воле бога), нужно, оказывается, в этом сначала убедиться,— то есть вывести это опять-таки из соответствующего «разумного усмотрения»...

9 «МОГУ ТОЛЬКО ДОГАДЫВАТЬСЯ...»

Но ведь с этим «разумным усмотрением», доказывающим, что «благо» любви — «высшее благо» человека, мы уже знакомы! Это ведь все тот же «простой расчет», который, как говорит Толстой, показывает «проснувшемуся к разумной жизни» человеку, что жить для себя, для своего блага — бессмысленно, ибо это благо уничтожается со смертью, и что жизнь человека приобретает разумный смысл только тогда, когда она посвящается «благу общему»...

Таким образом, нам снова приходится вернуться к тому пункту, от которого мы начинали знакомство с этикой Толстого. И, стало быть, именно в логике этого «простого расчета» и должна, по-видимому, находиться та точка соединения альтруистической программы служения «общему благу» с «божьим порядком», без которой Толстой не мог обосновать «разумность» этого служения.

В каком же звене этой уже знакомой нам логической цепи мы можем надеяться отыскать такую «точку» «метафизического укоренения» этики Толстого?

На этот вопрос как раз нетрудно ответить: по самим условиям задачи, решаемой Толстым, ее нужно искать, очевидно, там, где Толстой выдвигает положение, что «дело» любви потому и разумно, что не уничтожается со смертью человека.

И действительно: вглядываясь в формулы, к которым обычно прибегает Толстой, демонстрируя логику своего «простого расчета», можно заметить, что в этом пункте у Толстого и в самом деле происходит вытягивание некоей «метафизической» ниточки из глубин непостижимой божественной тайны,— ниточки, как раз и объясняющей, почему, собственно, Толстой считает «дело любви» неуничтожимым. Эта ниточка — время от времени выдвигаемое и повторяемое Толстым положение о неуничтожимости той общей жизни человеческого рода, служение которой именно потому, что она неуничтожима, и приобретает такое же неуничтожимое, то есть «разумное» значение. Это и есть та фундаментальная предпосылка, на которой он основывает правильность своего «простого расчета».

Вот формулы самого Толстого, показывающие, как это происходит:

«Всякое осмысливание личной жизни, если оно не основывается на отречении от себя для служения людям, человечеству... есть призрак, разлетающийся при первом прикосновении разума», ибо «в том, что моя личная жизнь погибает, а жизнь всего мира по воле отца не погибает и что одно только слияние с ней дает мне возможность спасения, в этом я уж не могу усомниться» («В чем моя вера?»).

Или так:

Разумный человек видит, говорит Толстой, что «он сам», «его личность» не может иметь «ни блага, ни жизни», а что это «благо и эту жизнь» может иметь только окружающий его мир таких же, как он, существ, потому что он «останется и будет жить вечно» («О жизни»).

Таким образом, вот он наконец перед нами — тот замковый камень, который держит весь свод религиозной этики Толстого, всю систему его рассуждений о разумном смысле жизни!.. Ибо если человечество неуничтожимо, если «по воле отца» оно «остается и будет жить вечно», то на этом

фундаменте действительно можно выстроить уже достаточно стройную логическую систему рассуждений, согласно которой получится, что соответствующим воле Отца «ближайшим делом» каждого отдельного человека и будет все то, что способствует развертыванию и укреплению этой «общей жизни», увеличению ее «блага» — деятельность любви, усилия по постепенному созиданию на земле царства божия — царства единения, мира, согласия, братства, равенства людей. Здесь Толстой действительно подходит уже как будто бы к решению своей задачи вплотную.

Но ведь и наш вопрос — все тот же старый наш вопрос — тоже остается в силе. Почему, на каком основании мы должны, собственно, принять за исходную основу для наших этических построений это «если» — положение о неуничтожимости «общей жизни»? Почему, как говорит Толстой, уж в этом-то мы не можем «усомниться»? Что это — достоверный факт, логически усматриваемая и выводимая по закону «необходимости разума» метафизическая реальность?

Но нет, никаких указаний на этот счет, никакого специального «разумного» обоснования этого «если» мы у Толстого не находим. Там, где это положение о «вечной жизни» человеческого рода у Толстого появляется, оно всюду появляется как простая посылка, как чистейшей воды постулат.

Но это значит, таким образом, что здесь перед нами просто еще одно новое д о п у щ е н и е в е р ы, которое нам предлагается принять ради того, чтобы получился конструируемый Толстым «разумный порядок» на земле — точно так же, как раньше нам предлагалось принять допущение бога, чтобы появилась возможность мыслить существование такого порядка вообще.

Это новое допущение внутренне связано с первым — оно строится, как видим, на основе первого, как бы в продолжение его, и возможно только потому, что есть первое, исходное.

Но оно, это новое допущение, уже качественно иного типа, чем первое. Если первое, исходное, вводило, как мы видели, понятие бога в его предельно общем значении — как некоего сверхприродного первоначала, гаранта разумного порядка в мире, то это новое, второе допущение предлагает нам признать уже не просто то, что в мире есть разумный порядок, соответствующий воле бога, но что этот порядок и эта воля такие-то и такие-то конкретно, а именно — неуничтожимое существование человечества и закон деятельности единения и любви как условие этого существования. Другими словами, это допущение, сделанное, в сущности, по тому же самому принципу, что и те допущения церковной веры, над которыми, как помним, едко иронизировал сам же Толстой — иронизировал именно за то, что на место понятий «истинной веры», отражающих «разумную необходимость» признания таких «необъяснимых», но нужных для «разумной» картины мира вещей, как бог, бессмертие и т. д., церковь вводит понятие «слепого доверия» к тому, что существует бог такой-то и такой-то, «один и три», который тогда-то и так-то сотворил мир и т. д. и т. п. В защиту первого, исходного допущения — существования бога, высшего разума и т. д.— Толстой еще мог, как мы видели, выдвинуть то соображение, что без этого допуска просто нельзя мыслить мир обладающим разумным (моральным) порядком и, следовательно, удовлетворяющим требованиям разумного сознания,— оно, это допущение, логически н е о б х о д и м о для этого. Ну а второе, новое допущение, переводящее первое уже в более конкретный план,—является ли оно столь же необходимым, таким же единственно возможным способом его конкретизации, как исходное допущение бога являлось необходимым, единственно возможным для признания разумности мира? Что,— разве «разумную волю» бога в отношении человечества можно представить себе только так, что она предусматривает непременно неуничтожимость его существования и без этого допущения мыслиться не может?

Однако сам же Толстой признавал, как мы помним, что конечные цели, заданные богом человеческой истории, конечный смысл и порядок мира не могут быть доступны человеческому «разумению». Кроме того, он сам же утверждал, что «этот мир», «земная жизнь» человека — лишь одна из форм существования, что после смерти жизнь человека продолжается в каких-то иных, может быть, даже не личностно-индивидуальных формах. И если это так, то почему, собственно, невозможно и такое, например, «допущение», что земная жизнь человечества — тоже лишь один из этапов, одна

Продолжение на 56 стр.

«Казаки». Художник Е. Е. Лансере.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Л. Н. ТОЛСТОГО

Рисунок А. С. Янова к «Власти тьмы», запрещенный цензурой.

«Свечка». Рисунок Б. М. Кустодиева.

«Чтение «Крейцеровой сонаты». Этюд к картине художника Г. Г. Мясоедова.

«Воскресение». В камере у каторжных. Раздача евангелий англичанами. Худ. Л. О. Пастернак.

«Война и мир». Андрей Болконский на Бородинском поле. Худ. Д. А. Шмаринов.

из форм существования бессмертного духовного начала; что по недоступному нам «замыслу» бога историческое развитие человечества тоже ограничено во времени и ему предназначено для каких-то неизвестных нам целей пройти лишь определенный исторический путь на земле, чтобы затем перейти в иную форму существования? Толстой не мог не знать, что такие модели человеческой истории тоже имеют достаточно солидную и весьма разработанную традицию в эволюции религиозных учений, связанных с представлением о неизбежном конце света, страшном суде и т. п. Да, кстати сказать, такая конструкция куда больше согласовывалась бы и с характерными для XIX века «достоверными знаниями» естественных наук, предрекавших неизбежную естественную гибель планетной системы, Земли, а с нею — и гибель человечества.

Словом, так или иначе, а в пределах того общего исходного допущения, которое утверждает существование бога и его разумного порядка в мире, но признает конечный смысл и существо этого порядка недоступными человеческому разуму,— в пределах этого общего «допуска» предположение, что человеческая история конечна, столь же, по крайней мере, допустимо, как и толстовская конструкция «вечной жизни» человеческого рода,— это очевидно. И это не может быть иначе, ибо толстовская расшифровка «божьей воли», толстовское «в этом уж я не могу усомниться», основанное, как видим, отнюдь не на достоверности фактического или логического усмотрения. но на чистом постулировании, принадлежит уже всецело к той области, которую сам же Толстой назвал, говоря о попытках людей ответить на те вопросы веры, на которые ответить нельзя, областью г а д а н и я.

И то, что это именно так, то, что принцип «разумного усмотрения», требующий необходимых логических обоснований, подменяется здесь чисто гадательной, в сущности, схемой,— это и сам Толстой если не сознавал, то, судя по всему, чувствовал. Не случайно в дневниковой записи от 22 октября 1904 года после цитированных уже слов: «Зачем нужно (началу жизни, богу...) то, чтобы мы совершенствовались, я не знаю и не могу знать»,— он продолжает: «Могу т о л ь к о д о г а д ы в а т ь с я, что это нужно для того, чтобы было осуществлено наибольшее благо как отдельных личностей, так и совокупностей их...»

Вот именно — т о л ь к о д о г а д ы в а т ь с я!..

10 «ВЕРЮ ЛИ Я, ТОЧНО ЛИ ВЕРЮ!..»

Но там, где начинается область гадания,— там «таких г а д а н и й м о ж е т б ы т ь е щ е м н о г о». Как помним, это говорил сам же Толстой.

И действительно,— если «конечные цели» бога, предустановленные им план и порядок мира признаются изначально недоступными человеческому пониманию, и о них можно только д о г а д ы в а т ь с я, то в таком случае, как мы видели, с совершенно равным успехом можно догадываться и о том, что, возможно, человечеству обеспечена ради этих неясных ему целей вечная жизнь, и о том, что земная жизнь человечества так же конечна, как и жизнь отдельного человека. А на этих равноправомерных «основаниях» могут быть в свою очередь выстроены с одинаковой степенью убедительности тоже совершенно разные и в то же время равно «разумные», логически стройные конструкции «смысла жизни», ибо каждая из этих конструкций будет опять-таки очередным конкретизирующим «допущением» на основе предыдущего, более общего, то есть новым «гаданием» в пределах достаточно неопределенной многозначности предыдущего «основания».

Так, даже при предположении «вечной жизни» человечества «по воле Отца» смысл того «ближайшего дела», которое указывает эта воля каждому человеку, совсем не обязательно должен быть усмотрен в деятельности по «увеличению» любви в человечестве, в служении «общему делу» устроения «царствия божия» на земле. Ничуть не менее допустимой может быть и такая «расшифровка» божьей воли, согласно которой никаких исторических задач по какому-либо устроению будущей жизни человечества бог перед отдельным человеком не ставит: история — это только пространственно-временное «место» пребывания на земле каждого очередного человеческого поколения, и потому забота всякого человека — вовсе не забота о «благе» человечества, будущее и смысл существования которого скрыты во мраке вечности и в непознаваемости божьего замысла, но лишь богопослушное прохождение отведенного ему отрезка земной жизни в условиях предназначенной ему личной судьбы — для сугубо индивидуального «спасения», для перехода в иную форму существования после смерти. Толстой хотя и приводил в поддержку своей проповеди царства божия на земле то соображение, что в мире происходит постепенное «увеличение» добра (потому этот процесс и выражает «волю божью»), однако уверенность в этом не была в нем так уж сильна. Нередко он склонялся к куда более трезвым и даже скептическим оценкам человеческой цивилизации, развитие которой отнюдь не радовало его уменьшением в человечестве зла, крови, насилия, ненависти и т. п., но, напротив, все больше напоминало нашествие какого-то нового «Чингиз-хана» с «машинами», «телеграфами», «пароходами», «электричеством» и т. п. И при таком взгляде на историю персоналистская трактовка смысла пребывания в ней человека выглядит, в сравнении с социальной жизнеустроительной толстовской схемой, по крайней мере не менее возможной. А при исходном допущении конечности человеческой истории — и куда более убедительной.

Но точно так же и толстовская модель «личного спасения» в системе этих многообразных допусков вовсе не является единственно вероятной. Если потребность и чувство альтруистической любви можно рассматривать как начало, вложенное богом в душу человека для указания ему жизненного пути, то почему, собственно, нельзя рассматривать и присущее человеку стремление к «личному благу» как такое же «божеское» начало, указывающее человеку путь исполнения божьей воли? И если можно построить «разумную» схему «смысла жизни», по которой высшей добродетелью будет аскетическое отречение от требований «животной личности», то ведь можно построить столь же «разумную» схему и такого назначения человека, при котором его задачей будет не отречение от требований «тела», а их одухотворение, не противопоставление «блага личности» и «блага общего», «духовного», а их соединение.

Более того, если конечные цели бога неизвестны, а все, что существует в мире и в человеке, создано им, его волей, то вполне можно предположить даже и то, что понятия «добра» и «зла» — это и вообще чисто человеческие, условные понятия; что божественная воля, сотворившая мир в том реальном и нераздельном сплетении добра и зла, которое ему присуще, не знает этого разделения, стоит «по ту сторону добра и зла». А потому и истинные внушения ее человек воспринимает только тогда, когда не раздумывая отдается зову своей природы,— такой, как ее создал бог; отдается «воле к жизни», веря в то, что как бы «бессмысленны» и даже «низки» ни казались с точки зрения тех или иных человеческих представлений те или иные его стремления, они тоже угодны богу, нужны ему для каких-то его целей, раз стремления эти в человека «вложены». Один из излюбленных доводов религиозной этики состоит, как известно, в том, что «если нет бога, то все позволено»,— так думал Достоевский, так думал и Толстой, заметивший однажды в письме к Стасову, что о боге он говорит именно потому, «что это... самое простое, точное и необходимое, без которого говорить о законах нравственности и добра... невозможно» (12 июня 1894 г.). Но на самом деле это совсем не так: введение инстанции бога само по себе вовсе не исключает формулы «все позволено»,— она, эта формула, как программа и оправдание поведения человека, тоже может быть вполне вписана в соответствующую гипотетическую конструкцию «божьей воли», логически допустимую в пределах исходного признания ее таинственности и непостижимости. И вообще — если в основе всего лежит эта таинственная и непостижимая воля, то почему не допустить и возможность чудес, откровения, таинств и т. п. как вполне возможных проявлений этой изначально непостижимой, таинственной, сверхприродной силы, для которой никакие законы ч е л о в е ч е с к о г о разума вовсе не обязательны? И т а к о й «допуск» тоже вполне возможен в той системе «разумной веры», которая начинает с необходимости признания бога как некоего безусловного, но неопределенного гаранта мирового порядка, а затем пытается строить на этой основе здание этики опять-таки при помощи точно таких же «разумно-убедительных» рассуждений и усмотрений. В пределы такой веры может быть вмещена широчайшая амплитуда самых противоположных этических конструкций — от этики аскетического отвержения всего «земного» до этики «все позволено», от ориентации только на «простые расчеты» здравого рассудка до признания возможности веры в чудеса и откровения. Все это — не только вполне допустимые, но и р а в н о возможные, р а в н о «разумные» способы «прочтения» божьей воли, коль скоро она кладется в своей таинственной непостижимости в о с н о в а н и е этики.

И это — отнюдь не просто умозрительное, абстрактно-«теоретическое» предположение и утверждение. В качестве возможных вариантов такого «прочтения» божьей воли выше были воспроизведены контуры некоторых вполне реальных религиозно-этических концепций, и легко можно было бы показать, что только современный Толстому русский религиозно-философский идеализм конца XIX — начала XX века дает нам здесь в лице его крупнейших представителей чуть ли не весь спектр тех «гадательных» конструкций, какие только можно соорудить на основе той или иной «расшифровки» божьей воли, — от этических построений Вл. Соловьева, С. Булгакова или С. Франка, связанных с упованиями на возможность установления царства божия на земле, до этики исключительно личного «спасения» К. Леонтьева, мистико-романтической апологии «быта» и «пола» у В. Розанова или даже принципиального этического «своеволия» Л. Шестова. Но это особая большая тема, к которой мы еще надеемся вернуться на страницах журнала. А сейчас нам важнее подчеркнуть, что именно потому, что толстовская религиозная этика была лишь одной из таких равно возможных «моделей» «прочтения» воли бога, основанных на «гадании», — именно поэтому она и оставляла место для вопроса, который с точки зрения р а з у м а не только правомерен, но даже неизбежен по отношению к любой модели подобного типа и который и задал однажды Г. Адамович Н. Бердяеву, слушая, как тот «авторитетно и с полным знанием дела» растолковывал какому-то своему почитателю, «чего бог требует от человека». Адамович слушал эти объяснения, и вдруг у него непроизвольно, вполголоса вырвалось: «Откуда вы все это знаете?..«Бердяев, вспоминает Адамович, «обернулся, усмехнулся и ответил какой-то шуткой: вопрос, мол, глупый, ребяческий...» Но Адамович пишет: «Допускаю, каюсь, может быть вопрос в самом деле глупый... Но каюсь и в том, что невозможность ответа на него представляется мне все же бесконечно значительной, не менее полной смысла и духовного веса, чем любая метафизическая система...» И потому «не все ли равно», спрашивает Адамович, как верить? «По Толстому ли», который все «рассказывает, «в чем его вера», учит чему-то», или «так, как верит какой-нибудь сельский попик, только и знающий, что бормотать «Сусе, Сусе, Христе»? Лучше уж, наверное, заключает Адамович, «остаться с попиком» — «проще, скромнее...».

И он прав. «Глупый», «ребяческий» вопрос этот: «А откуда вы знаете?» — вопрос, в сущности, р о к о в о й для любой метафизической модели, претендующей на «прочтение» воли бога. А потому в о п р е д е л е н н о м смысле действительно в с е р а в н о, как верить—по толстовской ли, по иной ли какой, но такой же гадательной схеме, или по сельскому попику,—по попику, наверное, даже лучше, ибо проще, скромнее. Во всяком случае, перед судом этого простого, «ребяческого», но неотразимого вопроса любая из таких «вер» столь же «правомерна», сколь и гадательна. Ибо там, где начинается область гадания, — там, как это признал и сам же Толстой, уже не может быть ни достоверности, ни обязательности.

И этим-то прежде всего и поучительна та противоречивая «разумно-религиозная» логика, на которой оказалось основанным, как мы видели, этическое учение Толстого.

Мы проследили это учение, чрезвычайно разноплановое и многотемное в своем конкретном наполнении, только в тех его логических линиях, которые были связаны прежде всего с р е л и г и о з н ы м о б о с н о в а н и е м этической программы Толстого, опуская все остальные, иногда очень важные и характерные для него, но имеющие уже иной, самостоятельный интерес его мотивы.

Однако в этом и состояла наша локальная задача.

Мы видели, что началось это все с «разумно необходимого» «допущения» бога как некоего гаранта разумного мирового порядка. Но очень скоро оказалось, что само по себе это допущение еще ничего не дает для выведения из него сколько-нибудь ясного этического «руководства». Что само по себе, в своей исходной неопределенности, оно столь же, в сущности, бессодержательно, как и честный ответ «разумного знания» на вопрос о бесконечном, непознанном: «не знаю». Оказалось, что, для того чтобы опереть на это исходное религиозное допущение какую-либо конкретную программу этического руководства в жизни, нужно сначала это «допущение» кек-то конкретизировать — нужно дать какую-то конкретную расшифровку «воли бога», указывающей человеку его путь. А при первых же попытках такой «расшифровки» сразу же обнаружилось, что она может быть основана опять-таки лишь на новом «допущении», на новом «гадании», но никак не на фактически или хотя бы логически достоверном «разумном усмотрении».

Так окончилась полным крахом попытка Толстого выстроить здание «разумной» религиозной этики. И она окончилась тем, чем и не могла не окончиться, ибо показательность результата, к которому пришел Толстой, как раз и состоит в том, что судьба его религиозно-этической мысли — это необходимая и неизбежная судьба вообще любой мысли, пытающейся строить «разумную» этическую программу жизни на основе тех мировоззренческих постулатов, которые принял в качестве исходных Толстой,—на основе религиозного «допущения». В этой своей неудаче Толстой — один из наиболее ярких в истории русской религиозно-этической мысли конца XIX — начала XX века выразителей того всемирного кризиса религиозного мировоззрения, который начался еще в эпоху Просвещения и который был связан со все более ясно обозначавшимся к р а х о м р а ц и о н а л и с т и ч е с к и х и л л ю з и й в религиозном «объяснении» мира. Он вполне обнаружил в мучительных своих попытках «разумного» религиозного обоснования этики, что «разумная» религиозная этика — это, в сущности, бессмыслица и что религиозная этика принципиально возможна только как «неразумная» этика.

Не случайно к концу жизни Толстой все больше отходит от попыток «разумного» обоснования своей веры и все чаще прибегает к ссылкам на чисто мистический опыт сугубо интимных религиозных ощущений и переживаний, обретаемых в процессе своего рода мистического «аутотренинга», волевого религиозного самоубеждения и «самогипноза». Это лишний раз и опять-таки самым нагляднейшим образом подтвердило полную бесперспективность его попыток хоть как-то «соединить» разум и веру, и вот почему и выглядят такими поразительно слабыми, невнятными, многословно неопределенными и туманными как раз все те места в религиозных трактатах Толстого, где он пытается соединить эти взаимоисключающие начала. Он словно сам чувствует неубедительность, шаткость своих «разумных» рассуждений, он снова и снова возвращается к ним, дополняет, уточняет, переформулирует, и все равно выходит так глубокомысленно-невнятно, что хочется вспомнить его же собственные слова: «Обыкновенно говорят: это очень глубокомысленно и потому не вполне понятно. Это неправда. Напротив. Все, что глубоко, то ясно до прозрачности» (Дневник, 18 декабря 1899 г.).

Вот почему сам, по-видимому, чувствуя это, он однажды делает в том же «Дневнике» характернейшую запись:

«Читал Шри Шанкара. Основная метафизическая мысль о сущности жизни хороша, но в с е у ч е н и е п у т а н и ц а, х у ж е м о е й» (17 октября 1910 г.). А в дневниковой записи от 30 августа 1900 года мы находим даже и такое признание: **«Как-то спросил себя: верю ли я, точно ли ВЕРЮ в то, что смысл жизни в исполнении воли бога, воля же в увеличении любви (согласия) в себе и в мире и что этим увеличением, соединением в одно любимого я готовлю себе будущую жизнь! И н е в о л ь н о о т в е т и л, что н е в е р ю в э т о й о п р е д е л е н н о й ф о р м е. Во что же я верю! спросил я. И искренне ответил, что верю в то, что надо быть добрым... В это верю всем существом...»**

Сила религиозно-этической публицистики Толстого не там, где он пытается уверить и себя самого и читателя, что он — «верит», «точно верит» и «верит в этой определенной форме». Сила ее там, где начинает говорить н е п о с р е д с т в е н н о е н р а в с т в е н н о е ч у в с т в о Толстого, с гневом обращающееся против зла и неправд жизни, против мучений и смерти, насилия и жестокости,— чувство, полное гуманности, любви и сострадания к людям, терпящим от этих зол и неправд. И Толстому (как и Достоевскому) оставалось сделать, в сущности, только последний шаг, чтобы, поверив в самоценность и самодостоверность этого непосредственного нравственного чувства, отбросить всякие попытки санкционирования его еще и какой-то «высшей» волей и перевести в категорию сознательной человеческой ц е л и то, что ему так хотелось заполучить в виде гарантированной богом н а л и ч н о с т и.

Ни Достоевский, ни Толстой не сделали и не могли сделать этого шага. Но зато опытом своих религиозно-этических исканий они ясно обозначили его необходимость для человеческого разума, желающего в главном деле человеческой жизни — осознании «разумного» ее «смысла» — опереться все-таки на что-то более ясное и несомненное, чем гадание или тем более мистический «аутотренинг».

После тех мытарств разума, которые претерпел он на путях религиозной веры у Толстого и Достоевского в поисках надежного этического ориентира, уже невозможно не видеть полную бесперспективность этого пути. В сущности, они вполне показали, что на основе религии никакой разумно-достоверной этики просто не может быть.

БЫТЬ ИЩУЩИМ...

Лев Толстой отразил, по словам В. И. Ленина, великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, с его слабостями и всеми сильными его сторонами.

Представители различных видов искусств на всех континентах многие десятилетия переносят на сцену, в кино, в живопись бессмертные творения гениального русского писателя. О своем творческом осмыслении и воплощении толстовских образов средствами кинематографа рассказал нашему корреспонденту А. Романову выдающийся советский режиссер и актер, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий Сергей Федорович БОНДАРЧУК.

Кадры из фильма «Отец Сергий». В главной роли — народный артист СССР Сергей Федорович Бондарчук.

Лев Толстой, может быть, как никто из писателей, явился совестью нации. Каких бы сторон жизни ни касался этот поразительный художник, живописал он небывало глубоко, по-океански величаво, по-человечески мудро и просто. Грандиозные общественные катаклизмы, сражения, менявшие лицо мира, и факты малозначительные, эпизоды быстротекущего бытия; лица реальные и вымышленные, сияющая вечною красою «равнодушная природа» и исторические документы, даты, хроника минувшего — буквально все, что попадало в поле безмерного писательского видения, обретало новое, совершенно особое, самостоятельное существование.

Обрести плоть и кровь произведениям искусства, по глубокому убеждению Толстого, дают возможность не разумные компромиссы и олимпийское спокойствие, а вечные тревоги и волнения, собственное кипение в горниле сомнений, борьбы, находок и потерь, открытий и утрат. Гладких, жуирующих и самодовольных, подчеркивал он, мыслителей и художников не бывает.

Дерзкий новатор, служивший в литературе только истине, Толстой наделял нетленным дыханием десятки, сотни художественных образов, ничуть не сообразуясь с мнением власть имущих, с чудовищным прессом самодержавия, с окриками церковников. Он категорически отрицал суждения о том, что искусство — выражение высшего, духовного, божественного. Искусство, по его мнению, — одно из средств общения людей между собой. Но, разумеется, общение это не простое.

«Да, я часто пишу с натуры,—признавался писатель. — Прежде даже и фамилии героев писал в черновых работах настоящие, чтобы яснее представлять себе то лицо, с которого я писал. И переменял фамилии, уже заканчивая отделку рассказа». Тем не менее автор величайшего в мировой классике романа разъяснял, что стыдился бы печататься, если бы весь труд его состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить.

«В Аустерлицком сражении, которое будет описано, но с которого я начал роман, мне нужно было, чтобы был убит блестящий молодой человек; в дальнейшем ходе самого романа мне нужно было только старика Болконского с дочерью, но так как неловко описывать ничем не связанное с романом лицо, я решил сделать блестящего молодого че-

ловека сыном старого Болконского. Потом он меня заинтересовал, для него представлялась роль в дальнейшем ходе романа, и я его помиловал, только сильно ранив вместо смерти. Так вот вам... совершенно правдивое, хотя от этого самого и неясное объяснение того, кто такой Болконский».

Пространный писательский комментарий проливает свет на динамику творческого вымысла, его реального воплощения, на понимание типического в искусстве, когда «нужно наблюдать много однородных людей, чтобы создать один определенный тип».

К мысли о создании «Войны и мира» писатель пришел, работая над романом «Декабристы». «Я того мнения, — восклицал один из декабристов, — что сила России не в нас, а в народе...» «Война и мир» — небывалое по художественной глубине, широте охвата воплощение движения человечества во времени.

Для меня как режиссера многосерийного фильма «Война и мир» и исполнителя роли Пьера Безухова важнее всего было показать, что в Отечественной войне, по словам автора романа, решался вопрос о жизни и смерти отечества. Фильм этот видели не только в Советской стране, но и миллионы зрителей в Индии и Франции, Италии и Канаде, США и Австралии. Особое впечатление на меня произвели встречи в Японии, где к кинопремьере был издан роман «Война и мир», иллюстрированный кадрами из фильма.

Проявление глубокого знания творчества Толстого, любви к его произведениям я наблюдал множество раз везде, где приходилось бывать. Все, от бесед со зрителями до премии Оскара, присужденной первому из советских фильмов — «Войне и миру», убеждало в величайшей жизненности написанного Толстым, в преемственности искусства, когда созданные гением художественные образы принадлежат и прошлому, и настоящему, и будущему.

К постановке «Войны и мира» я пришел, имея за плечами опыт экранизации шолоховского рассказа «Судьба человека». Тут ведь тоже отдельная, конкретная судьба раскрыта как судьба народная. Андрей Соколов побеждает, выживает «всем смертям назло», берет верх.

Попав в плен, он всем существом своим восстает против принципа «каждому свое», начертанного на воротах лагеря смерти, находит силы противостоять, бороться, верить в успех. И, выйдя победителем из страшной, кровопролитной битвы, человек этот опять борется за жизнь. «Да вот сердце у меня раскачалось, — как бы мимоходом замечает он собеседнику, — поршня надо менять... Иной раз так схватит и прижмет, что белый свет в глазах меркнет».

Снова надо выстоять, одолеть недуг, потому что собственная судьба — в прямой связи с маленьким беспризорным Ванюшкой, мгновенно поверившим, что произошло чудо — нашелся отец. Как же опять не вспомнить Толстого, говорящего, что жизнь состоит только в движении к большему и большему совершенству.

Последняя моя встреча с творчеством Толстого — главная роль в фильме «Отец Сергий», поставленном Игорем Таланкиным. Первую киноверсию знаменитой повести о блестящем князе Степане Касатском, неожиданно порвавшем с императорским двором и уехавшем в отдаленный монастырь, осуществил еще в эпоху немого кино Яков Протазанов. Отца Сергия играл замечательный русский актер Иван Мозжухин.

Толстой, как известно, много наблюдал жизнь монастырей, не раз бывал в Оптиной пустыни. «Горе их, — отзывался он об обитателях келий, — что они живут чужим трудом. Это святые, воспитанные рабством». Над своей сравнительно небольшой повестью писатель работал долго, откладывал и возвращался к ней вновь.

«Как-то вечером, — вспоминал Горький, — жмурясь, двигая бровями, он читал вариант той сцены из «Отца Сергия», где рассказано, как женщина идет соблазнять отшельника, прочитал до конца, приподнял голову и, закрыв глаза, четко выговорил: — Хорошо написал старик, хорошо!»

История сохранила примечательный факт: в самодержавной России арестовали учителя гимназии за найденную у него брошюру Толстого «Николай Палкин». Писатель пробовал протестовать, доказывал, что если и есть в данном деле виновный, то только он, автор. На это был получен ответ жандармского генерала: «Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить».

С первых же строк повести «Отец Сергий» очерчен конфликт между молодым князем, командиром лейб-эскадрона кирасирского полка, и нравственно развенчанным в его глазах Николаем I.

Ни монастырское отшельничество, длившееся девять лет, ни 13 лет, проведенных в уединении, не разрешили «проклятых» вопросов, мучивших отца Сергия. Роль эта сложна чрезвычайно тем, что при скудной внешними событиями жизни монаха в душе его непрерывно идет разрушительная работа, растет все хуже и хуже скрываемая ненависть к отшельникам, архимандриту, игумену.

«Насколько то, что я делаю, для бога и насколько для людей?!» — вот вопрос, который постоянно мучил его и на который он никогда не то что не мог, но не решался ответить себе. Он чувствовал в глубине души, что дьявол подменил всю его деятельность для бога деятельностью для людей».

Для меня важно было раскрыть необратимость поступков отца Сергия, обязательность, закономерность его разрыва с тем нереальным, ложным, во что он долгие годы тщетно пытался верить. И вот он, финал: совсем седой уже старец обстригает себе ножницами волосы и выходит по тропинке к реке, у которой не был несколько лет. Он, простой теперь на вид мужичок

с котомкой и палкой, не спеша шагает берегом, чуть пригибаясь от холодного, предрассветного ветра. «Да, надо кончить. Нет бога...» Мысли обгоняют одна другую. «Хотел, как обыкновенно в минуты отчаяния, помолиться. Но молиться некому было. Бога не было».

Неужели, восклицал когда-то создатель «Отца Сергия», от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться!

В моем рабочем кабинете на «Мосфильме» висят окаймленные рамкой слова Льва Николаевича Толстого. Они звучали, звучат и будут звучать для всех, кто решил связать свою жизнь с творчеством: «Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтобы его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит, или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках».

Москва, ул. Кропоткина...

Адрес этой обширнейшей экспозиции, размещенной в девяти залах старинного особняка, — Москва, улица Кропоткина, Государственный музей Л. Н. Толстого.

...Пожелтевшие страницы рукописей бессмертных произведений писателя, на многих — бесчисленные исправления предельно беспощадного к себе автора. Вот 15-й (!) вариант начала «Войны и мира», корректура главы романа «Воскресение», где говорится о лицемерии официальной царской цензуры — синий карандаш чиновника гневно перечеркнул ее... Дореволюционное издание романа так и вышло без этой главы...

Рукописи Льва Толстого — главная ценность и гордость музея. В хранилище — стальной комнате-сейфе —170 тысяч листов, написанных рукой писателя, оригиналы почти всех его произведений. Эпистолярное наследие — 10 тысяч писем — от послания десятилетнего «Левочки» до обращения 82-летнего Толстого к детям, написанного за три дня до смерти. Здесь же дневники писателя, документы и архивы близких ему людей.

Вот портреты Толстого, созданные художниками в разное время. На знаменитом полотне Крамского писатель изображен в расцвете творческих сил. Облик подчеркнуто прост, выражение глаз поражает одухотворенностью и значительностью. Портретная галерея Толстого— это в первую очередь знаменитые работы Репина, Ге, Нестерова — современников писателя. Любопытны и их зарисовки, сделанные во время пребывания в Ясной Поляне: Толстой косит луг, беседует, играет в шахматы, рассказывает внукам сказки...

Картины и рисунки, воссоздающие Толстого-человека во всей его неповторимости, дополняют фотографии, сделанные женой писателя. Они представляют собой своеобразную фотолетопись жизни яснополянского дома.

Внимание посетителей обычно привлекает портрет Марии Гартунг, дочери Пушкина. Под впечатлением от внешности этой очаровательной женщины Толстой создал облик Анны Карениной. Интересны серии иллюстраций Леонида Пастернака к роману «Воскресение», Михаила Башилова к «Войне и миру».

Последний зал музея — «Толстой и советская культура». Здесь представлены произведения писателя на языках народов СССР и всего мира, иллюстрации, выполненные известными графиками, работы о Толстом Федина, Леонова, Межелайтиса...

Собрание музея непрерывно пополняется. Не так давно внучка Льва Толстого Татьяна Альбертини привезла из Италии и подарила музею ценнейшую коллекцию — письма, фотографии, вещи, перешедшие к ней от ее матери, дочери Толстого Сухотиной-Толстой.

Выездные экспозиции музея проходили в Японии, Англии, Чехословакии, Болгарии, намечены поездки в Италию, Португалию, Бельгию.

Со всего мира приезжают в музей исследователи творчества Толстого, чтобы поработать в уникальном архиве и библиотеке, где собраны все издания произведений писателя, когда-либо выходившие в России и за рубежом, а также литература о нем. Особенно поражают иностранцев тиражи книг Толстого. Произведения великого писателя издавались в СССР 2455 раз тиражом 200 млн. экземпляров на 98 языках народов СССР и зарубежных стран. Только в нынешнем, юбилейном году издательства страны выпустят свыше 40 млн. экземпляров произведений Толстого. Начнет выходить 22-томное Собрание сочинений писателя. Готовятся к выпуску новые книги — «Дневник Софьи Андреевны Толстой», «Яснополянские записи» секретаря Толстого Маковицкого, «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями».

Музей — крупный научный центр. На традиционных «Толстовских чтениях» ученые, писатели, литературные критики рассказывают о новом в изучении литературного наследия.

Подготовленная к юбилею выставка «Толстой в изобразительном искусстве» — это более 400 портретов и картин лучших художников России.

Э. АРДАЕВА,
заведующая отделом экспозиции Государственного музея Л. Н. Толстого

О чем писали русские газеты и журналы в октябре 1878 года

— Ах, боже мой!..—ужасаются москвичи. — Как можно допускать такого рода эксплуатацию публики! Как можно официально разрешать пророчества, прорицания, кабинеты гадания и прочее в этом роде! Помилуйте, позволили открыть «сеансы ясновидящей». И так далее.

Я решительно протестую против таких нападок. Да что такое ясновидящая? Невиннейшее в мире существо, которому точно так же хочется кушать, как и всякому из нас, грешных, и которое для своего прокормления избирает самое безобидное занятие: лежит смирнехонько и спит.

Я посетил г-жу Семечкину, едва прочел ее приглашение в «Московских ведомостях».

Вхожу... Два окна, шторы спущены... полумрак, полусвет... На мягком диване в позе уснувшей балетной танцовщицы лежит молодая женщина...

Я долго смотрел на пророчицу, и какое-то чувство жалости шевельнулось у меня в душе. Вот она, нужда-то горькая!.. И самой-то, я думаю, стыдно бедной, да что прикажете делать? Нужда не свой брат, и все же лучше добывать кусок хлеба, лежа на диване, в тепле, чем идти в судомойки или прачки, а то, пожалуй, в ремесло еще похуже.

Но вот зашевелились губы, вот вздох, другой... и началось прорицание...

«Вы мужчина... средних лет... человек образованный... имеете в себе хорошие понятия... Жизнь ваша полна трудностев; однако... хотя... вы и думаете о перемене вашей жизни, но... вам много впереди еще трудностев и ежели вы можете обождать вашего счастья... лучше не торопиться; можете через это самое потерять все...»

И так далее и в этом роде...

Мне стало еще более жаль бедную г-жу Семечкину... И как трудно было бы ей, сохраняя весь декорум «ясновидящей», не сказать, однако же, ничего определенного, а все ходить кругом да около!..

«Голос»

НАПОМИНАНИЕ

Главы из повести

Э. АЛЕННИК

Во вступительной заметке к своей новой повести ленинградская писательница Э. Алленик пишет: «Идешь по следу жизни человека и возникает книга. Ее нельзя назвать документальной. Вероятно, герой в ней оживает и таким, и не совсем таким, как был, потому что будет оттенен разной памятью разных людей».

Повесть посвящена крупному советскому хирургу Евгению Витольдовичу Корчицу, который стал прототипом главного героя повести Алексея Платоновича Коржина. Портрет Коржина складывается из рассказов разных людей, есть в книге и главный повествователь—автор, его размышления, оценки, нравственные критерии. Облик героя, его гуманность, самоотверженность, его сила и стойкость на выбранном жизненном пути — удача книги.

Повесть большая, автор показывает своего героя в годы революции, установления Советской власти в Средней Азии, в годы предвоенных пятилеток и Великой Отечественной войны. Завершается повесть уже событиями послевоенных лет. Мы публикуем небольшой отрывок из этой книги — воспоминания о первых годах Советской власти в Узбекистане.

Рисунки Г. Алимова

И долго человека знаешь — и многое тебе о нем неведомо.
Ты ищешь следы, следы начала. Оказывается, их много. Стоит назвать имя — и толща лет прорывается, и давнее входит в сегодняшнее...

О ДЕДУШКЕ УЗБЕКЕ И ШАЙТАНЕ ХИРУРИКЕ

Следы, следы... Иногда их находишь не там, где ищешь.

Какая надежда была на обещанное по телефону прославленным академиком:

— С удовольствием поделюсь воспоминаниями об этом ярком человеке!

А встретил академик дежурной учтивой улыбкой, раздвинув для этого губы на два миллиметра, не больше, чтобы не потревожить свое крупное холодноглазое лицо, как бы заживо бронзовеющее в лучах славы.

— Я не только знавал Алексея Платоновича Коржина. Я его высоко ценил. Я его любил. Мы познакомились с ним, когда я был молод. Я начинал тогда изыскание совершенно новых методов подхода к разработке исторических...

И пошел рассказ на полтора часа — не о Коржине. Пошел показ томов своих трудов и показ пространных статей о себе, из коих видно, как высоко оцениваются эти труды.

Не прервать, не прорваться сквозь этот поток. А там — пришла машина, пора на совещание. И опять раздвигаются губы на два миллиметра:

— До свидания! Всемерно приветствую интерес к этому замечательному человеку, буду рад держать в руках книгу о нем.

Вот что иногда находишь там, где ищешь след, казалось бы, такой надежной, солидной, академически добротной сохранности.

Но бывает и так. Когда с грустным внутренним смешком от неудачи, надеясь только на пищу телесную, ты заходишь в один из продуктовых магазинов, бредешь вдоль прилавков и вдруг замечаешь, что все двери уже закрываются, и спешишь к ближайшей, которую запирает молоденькая узбечка в белой накрахмаленной шапочке, и просишь:

— Выпустите меня, пожалуйста.

Девушка вдруг игриво спрашивает:

— Зачем выпустить? — и смуглой рукой прикрывает замок.— А пообедать с нами разве не хотите?

— Спасибо.

— Зачем «спасибо» до обеда? — Она отпирает дверь и смеется, просто так, от избытка радости в организме.

Медлишь. Чем черт не шутит, спрошу:

— Скажите, у вас есть дедушка?

— Один есть. А что?

— Вы никогда не слышали, чтобы он вспоминал о хирурге Коржине?

— У него ничего не болит, зачем ему вспоминать о хирурге?

На лице девушки недоумение и любопытство, и тут же ее осеняет:

— Ай-яй! Если это тот — про него знает Майсара.

Девушка бежит за прилавок, кричит куда-то за перегородку в глубь магазина:

— Выйди, Майсара!

Слышится недовольное:

— Срочно вино надо? Зачем впустила?

— Не надо вино, надо сказать!

Выходит продавщица, такая же молодая, но уж так хороша, что улыбок не расточает.

— Вот им скажи, Майсара. Тот, про кого твой дедушка объяснял нашему Хамиду, как его фамилия?

— Когда объяснял?

— Ну на праздник, седьмой ноября...

— А-а!..

— Вот им надо знать, как зовут, как была фамилия?

— Дедушка говорит: имя было Хирурик и фамилия была Хирурик.

— Я вас прошу, Майсара... Познакомьте меня с вашим дедушкой. Он не слишком слаб, не откажется?

— Дедушка слаб? — удивляется Майсара.—Это у меня от невроза голова болит. У него голова не болит, нет невроза. Зачем он откажется? У нас от гостей не отказываются. У нас гостей уважают.

Плодоносный двор. Чистая, светлая, твердая земля. Нигде ни соринки, ни крошки. Посреди двора — виноградный навес. Висят кисти крупного, дымчато розовеющего винограда живописной и ощутимой сладости. Под навесом рез-

ной старинный столик. По одну его сторону — топчан, покрытый старым текинским ковром, по другую — два кресла последней моды.

В кресле — дедушка Майсары. Он поднимается, идет навстречу... Черно-белая узбекская тюбетейка кажется приросшей к голой голове без малейшего намека на прежнюю линию волос. Лоб?.. Как теперь определить, большой он или маленький? Глаза, вероятно, темно-карие, выцвели до желтизны. Над ними свисают длинные белые волоски бровей. Такие же белые усы и клинышек бороды. Стеганый полосатый халат прячет сухое стойкое тело дедушки. Он весь — как изюмина, по которой догадайся, пойми, какой была виноградина... Но смотрит он и, кажется, видит тебя насквозь.

Подходя, дедушка Майсары разводит руки, словно распахивает гостю ворота своего дома. Затем, скрещивая, прикладывает руки к сердцу:

— Салям, здравствуйте! — и как бы обнимая, но не прикасаясь, ведет к креслу, усаживает и сам садится в то, с которого поднялся.

У Майсары выходной день. Она подходит к навесу в шелковом пестром облегающем платье. Вместо вчерашней прически башней — две косы до колен. Она уже несет дастархан, сине-белый узорный чайник и пиалы.

Гибко-осторожные руки. Такими точными движениями, что позавидуешь, так бесшумно, что не слышно, как фарфоровый чайник или ваза коснулись стола, расставлено угощение: синий крупный кишмиш, персики, грецкие орехи, очищенные от кожуры и нетронуто целые.

На слова о том, что, когда у нас в Ленинграде чистят грецкие орехи, они почему-то целыми не остаются, дедушка согласно кивает головой.

Майсара украдкой советует:

— Вы ему громче. Не услышит — всегда соглашается.

Повторяю ту же фразу громко.

— А-а, обижаетесь. У вас орех целый не получается. Разве в Ленинград растет такой орех? А если не растет, как можно знать хорошо? — дедушка показывает в угол двора.— Вот это дерево. Мы знаем орех, когда он...— Не находя слова, дедушка ногтем большого пальца отмеряет крошечный кусочек ногтя на указательном.

— Почка?

— Так-так. Мы знаем его, когда почка. Когда — цветок. Когда — зеленый, мягкий. Потом уже — спелый, твердый. Мы можем понимать, где немножко ударить, где крепко. И получается...— он берет из вазочки орех, поворачивает его, дает разглядеть и протягивает, как розу...— получается такой. Положите орех в рот. Положите в рот кишмиш. И пейте кок-чай. Потом скажите: хорошо, вкусно получается или не хорошо, не вкусно.

Все проделано, как сказал дедушка. Удачно, что зеленый чай пьешь не в первый раз. С первого глотка он не нравится, но сейчас можно искренне ответить:

— Спасибо. Рахмат. Это хорошо, это вкусно. А теперь, если вам не трудно, расскажите, пожалуйста, где и когда вы встречали человека, имя которого Хирурик и фамилия Хирурик.

— Ай-йяй, Майсара! Наши женщины — язык туда-сюда. Уши — самые хорошие. Во-он мой дом. Стена толстая. А жена слышит там, что говорю здесь.

Майсара сидит на топчане. У нее наливаются жаром глаза и она опускает их. Дедушка берет из вазочки грецкий орех и протягивает его внучке.

— Рахмат,— благодарит она за этот знак внимания, но голос у нее обиженный, и орех она кладет не в рот, а на стол — на этот раз так, что удар по столешнице слышен.

Дедушка видит эту маленькую демонстрацию, взглядом приглашает заметить, как красива Майсара, когда обижается, и переходит к делу:

— Хирурик вам родственник? Одна кровь?

— Нет.

— Совсем не та кровь?

— Совсем. Но хочу записать о нем все, что люди помнят,— и хорошее, и плохое.

— И п л о х о е,— повторяет дедушка.— Так-так...

Он прищуривается. Белые волоски бровей касаются темной щеки. У него вид сластолюба, проглотившего слишком горький перец, но за веселой трапезой.

— Теперь в наш Самарканд прилетают много самолет. Прилетают люди. Советские. Заграничные. Германия — Самарканд. Америка — Самарканд. Смотрят мечеть, медресе. Стоят около Биби-Ханым — там, где подставка. Для чего подставка — узнавали?..

— ...Так-так. Когда-то на подставке клали бо-ольшой Коран. Один человек — не мог поднимать. Два — не мог. Четыре надо. Выносили Коран из мечеть. Раскрывали. Старший мулла читал. Муэдзин на минарет слышал. Другой муэдзин на другом минарет слышал. Повторяли совсем громко. И сразу повторял весь Самарканд.

— Длинно стал говорить,— извинилась за дедушку Майсара, но перебить и поторопить не посмела. И он, ценя каждое свое слово, не спеша расставаться с ним, продолжал:

— Кто не повторил,— горе ему. Значит, не правоверный. Когда я стал не совсем молодой. Самарканд был не такой. Большой Коран не выносили. Начиналась Советская власть. Стреляли. Турист не прилетал. Не приезжал. Хирурик — приехал. Й-яй, что это за человек! Не дай Аллах знать моим внук! У меня внук — тридцать три. Не дай знать моим правнук. Хочу правнук триста тридцать три. Младший пусть сидит у меня здесь.— дедушка показывает ладонь правой руки.— и пусть я могу поднять...

Картинно изобразив, как высоко он хотел бы поднять своего триста тридцать третьего правнука, он опускает руку до столика, берет свою пиалу, делает глоток и продолжает:

— Хирурик приехал — мне было пятьдесят. Верил: Аллах наш бог. Из-за Хирурик перестал верить на сорок лет.

— Он вас уговаривал?

— Не уговаривал. Это мулла уговаривал не верить Хирурик. Наш мулла был на минарет. Все-э слышали: не муэдзин. сам мулла с минарет кричит. Узбекский понимаете?

— К сожалению, нет.

— Ничего, буду говорить. Внук будет переводить. Майсара, пусть идет Атамурад. Хорошо знает русский. Хорошо английский. Кандидат науки.

— Он занимается,— предупреждает Майсара.

— Занимается-занимается! Отдыхать надо. Передай — я сказал. И покажи его детей.

Майсара приводит два солнышка — мальчика и девочку, тут же представляя:

— Ему четыре года, зовут Камил. Ей — скоро три, зовут Рано.

— Поздоровайтесь,— говорит дедушка, а им прадедушка.

Дети смотрят во все свои знойно-вишневые глаза и молчат. Мальчик в нарядной бархатной тюбетейке, расшитой древним узором, и современных клетчатых штанишках. У девочки над косичками розовый капроновый бант, а жилеточка на длинном шелковом платье — старинная, из оранжевого бархата.

Дедушка берет детей за руки:

— Й-яй, зачем не здороваетесь? Майсара, кого ты привела? Мой правнук умеет говорить. Этот — чужой.

Мальчик оскорблен. Он вырывает руку, удирает из-под навеса и яростными прыжками через двор — на улицу.

Неприятная минута. Дедушка огорчен. И тут — женским инстинктом, мало того, женским умением — выручает малышка:

— Лам! — сияя, говорит она,— датэ, датэ! — и много раз быстро наклоняет головку.

Ну разве не понятно? это «салям» и «здрасьте, здрасьте!» — мы уже знаем два языка. Кроме того, по собственной инициативе начинаем показывать, как мы умеем танцевать...

Но под навес входит Атамурад, минуты которого ценятся дорого.

— Идем, Рано,— говорит Майсара,— потом потанцуешь.— И уводит крохотную пленительную восточную женщину. Она уносит в кулачке маленькую шоколадку — за свою большую обиду, за прерванное вдохновение, за поднятое этим взрослым настроение.

У ее отца тонкое серьезное лицо. Пострижен ежиком. Белая шелковая рубашка, джинсы, кожаные тапки. Вероятно, ему хорошо известно, чего от него ждут, потому что после знакомства он, не теряя времени, спрашивает:

— Мулла уже поднялся на минарет?— и готов приступить к делу.

Но дело откладывается. Майсара вносит второй чайник и пиалу Атамураду, наливает свежий кок-чай. Мужчины пьют мелкими глотками, смакуя.

Дедушка говорит:

— Почему ваш рот далеко от ваш пиала? Кок-чай — большой польза. Будет совсем легко писать, что говорю.

— Значит, мулла поднялся,— снова напоминает Атамурад.— К чему же он сверху призывал?

— Призывает армия. Мулла — учит.

У внука где-то под кожей скул мелькает улыбка. Но он не спорит и, видно, не в первый раз начинает излагать по-русски то, что дедушка с легкостью полной свободы говорит на родном языке.

Идет рассказ в два голоса. Речь старика слышится как экзотическое сочетание непонятных звуков, она журчит и журчит, оттеняя понятную, четкую речь Атамурада. Он переводит:

— Мулла сверху учил:

«Ла-иллах-илла-лах! Все, что находится на небе и на земле,— все принадлежит ему, нашему богу, и ему повинует-

ся. О правоверные! Только он дает благополучие. Только он дает нам здоровье. Но если вы не соблюдаете предписаний, если вы не покорны, если во время луны рамадана, когда послан был свыше Коран, вы забываете, что есть и пить надо с той минуты, когда нельзя отличить белую нитку от черной, а едите и пьете, когда небо еще не потемнело и белую нитку от черной прекрасно можно отличить,— бог об этом осведомлен и посылает вам болезни. Он, Аллах, страшен в карах своих!»

Пока дедушка освежает рот глотком чая, приходит догадка. Вот почему именно в этом месте он зовет на помощь Атамурада: в поучениях муллы много фраз из Корана — дедушка боится передать их по-русски неправильно.

Атамурад тоже делает глоток. Рассказ в два голоса продолжается.

— Мулла учит:

«Молите бога — он пошлет вам здоровье. Но идете ли вы в мечеть молить бога, когда вы больны? Нам известно, куда вы идете. Вы идете к Хирурику. А вы знаете, зачем он приехал в Самарканд? О правоверные, он приехал выпустить из вас кровь. Этот Хирурик — шайтан!»

Дедушка останавливает:

— Шайтан — не на русский. Повтори на русский.

Атамурад повторяет:

— Этот Хирурик — дьявол.

Дедушка доволен. Его пожелтелые глаза оживляются хитростью, веселым предвкушением чего-то из ряда вон. Он наклоняется к сидящему на топчане Атамураду и начинает шептать ему в ухо.

Атамурад медленнее, чем прежде, переводит:

— Потом мулла каждому правоверному велел, как написано в Коране:

«Скажи: я ищу убежища у владыки людей, царя людей, бога людей; против того, кто вдувает зло в сердца людей».

Тут, по-видимому, дедушка и за ним внук пропускают одну строку из завершающей Коран шестистрочной главы, и переходят к последней:

«Я ищу убежища от дурных людей»,— но и ее не заканчивают. А жаль. Целиком, в полном ее смысле, последнюю строку Корана переводят на русский язык так:

«Я ищу у бога убежища от дурных людей и вредных гениев».

Вероятно, дедушка забыл, а внук мало интересуется священной книгой, и процедура рассказа продолжается. В ней просвечивает гордость старика за своего потомка и удивительно почитающее, чутко-терпеливое общение молодости со старостью.

Атамурад переводит:

— Мулла кончил последнюю суру Корана. И он прокричал приказ:

«Правоверные, не ходите к шайтану-Хирурику. Бог это запрещает. Помните: Аллах страшен в карах своих!»

Я слышал, как он кричал приказ. А я болел. И я, ай, как боялся страшной кары. Я пошел в мечеть молить Аллаха. День молю — не помогает. Пять дней молю — не помогает. Двадцать дней молю — совсем больно в моем животе. Тогда, в такой час, когда не только белую нитку от черной — ишака нельзя отличить от верблюда, я пошел к Хирурику.

Прихожу. Во дворе — большой дом. Над дверью горит большой фонарь. Останавливаюсь там, где темно. Меня нельзя увидеть. А я вижу под фонарем богатого бухарского еврея с мешком орехов. И вижу еще кого-то...

Не может быть, что я его вижу! Но пусть лопнут мои глаза, если это не наш мулла!

У него завязана шея. Хорошо завязана — до самого носа, чтоб его не узнали. Но у него такой нос, что я его узнаю.

Мулла стоит. Рядом стоит его рахмат Хирурику — самый дорогой курдючный баран. Работник муллы скорей привязывает барана к дереву и убегает со двора, а мулла скорей входит в дом. За муллой идет в дом бухарский еврей со своим мешком.

Я думаю: как же Аллах позволил мулле войти к Хирурику?.. Потом, с другой стороны, думаю: если Аллах мулле позволил,— мне Аллах посоветует войти.

Тихо-тихо подхожу к дому. Подошел. Постоял. И еще немножко думаю: разве может один Хирурик лечить три человека сразу?.. Нет, не может. Пусть о нем по секрету говорят узбеки то, что они говорят,— у него все равно есть не больше, чем одна голова. Пусть он сперва вылечит муллу. И пусть мулла выйдет обратно. Я — подожду.

Отступаю за угол. Там много окон. Все они открыты и они закрыты. На них густые железные сетки. Такие густые — малярийный комар не пролезет. За сетками — занавески из полотна. Я хочу что-нибудь заметить в окне... Слишком толстое полотно, ничего нельзя заметить.

Я жду за кустом, на углу. Меня опять никто не может увидеть. Зато я хорошо увижу муллу, когда он выйдет обратно. Хочу посмотреть, как он будет отдавать своего барана шайтану. А когда я это увижу,— я очень захочу сказать нашему мулле: «Салям аллейкум!»

Я сижу, держу веточку, чтоб не загораживала дверь.

Совсем скоро дверь открывается. Выходит бухарский еврей. Он несет обратно такой полный мешок орехов, какой был, идет к калитке и ругает Хирурика самым плохим словом.

Сейчас выйдет мулла, так я думаю. И что такое?! Я слышу выстрел. Много выстрелов!..

Нет, это не у Хирурика стреляют. Стреляют далеко. Наверно, это главный басмач, курбаши, опять со своим отрядом нападает на пост красноармейцев. Курбаши не хочет, чтобы была Советская власть. А я не хочу, чтоб был курбаши, и прошу Аллаха: пусть ему в сердце попадет пуля.

Стрелять стали еще дальше. Это хорошо. Значит, курбаши с его басмачами испугались, отступают. Так я думаю на углу. И начинаю слышать из окна голос. Его это голос, нашего муллы...

Он надрывается. Он просит: «Пилюльку!»

Другой голос отвечает: «Карбункул!»

Он опять просит: «Микстурку!»

А другой опять отвечает: «Карбункул».

Кого у нас в Самарканде зовут Карбункул?.. Похожее такое имя знаю. А кто такой Карбункул — не вспомнил, потому что за окном что-то такое делается, двигается. И ай, как мулла начинает кричать: вай-ва-ай!

Я скорей иду в дом узнать, почему он кричит, что с ним делают. В коридоре много дверей, много стульев и не у кого спросить. Я слышу, за какой дверью начали бороться, когда мулла совсем страшно закричал,— я забыл, что боюсь, подбегаю к двери...

Й-яй, что в щелочку видно! Я тяну дверь к себе, чтобы щелочка стала больше, чтобы я лучше увидел, как мулла без халата, с развязанной шеей лежит на белом топчане животом вниз, один человек навалился ему на ноги, Хирурик в очках, в белом халате, белой шапке сидит на мулле, как на ишаке, говорит:

— Какой красавец карбункул! — и начинает резать мулле шею.

— Объясняй, где шею! — войдя в раж, требует дедушка по-русски.— Режет здесь, подзатыльник! Ой, шайтан, кого звать на помощь?.. Переводи дальше.

Атамурад переводит:

— Не успел я подумать, кого звать, Хирурик уже бросает свой ножик. И мулла молчит, как мертвый. Совсем мертвый...

А Хирурик смотрит на него и говорит ему, как живому:

— Вы, конечно, услышали голос Мухаммеда, который услышал голос Аллаха и велел вам прийти ко мне сегодня?

— Да, да-а,— соглашается мулла. Его лица не видно. Голос слабый. Но он соглашается — значит, он живой.

— Вам легче стало? — спрашивает Хирурик.

— Ой, рахмат! Ой, спасибо! Совсем перестает голову давить,— отвечает мулла.

— Ваш Аллах и ваш Мухаммет поразительно догадливые. Если бы они велели вам прийти не сегодня, а завтра,— вы были бы к утру покойным муллой.

Наверно, я хотел засмеяться и больше сделал щелочку, потому что Хирурик повернулся и сказал:

— Закройте, пожалуйста, дверь, подождите в коридоре.

Пришлось совсем закрыть дверь. Я закрыл. Сел на стул и замечаю: в одной стороне коридора сидит мужчина, узбек. Согнулся, руки на лицо положил, чтобы его не узнали. В другой стороне, в уголке, сидит женщина, узбечка. Кутается в паранджу, на лице чачван.

Из какого дома этот мужчина, я уже догадываюсь. А из какого дома женщина посмела сюда прийти, не могу догадаться. У кого такая непокорная жена, такая смелая и бесстыдница?! Опять смотрю на женщину. Опять немножко думаю: не боится мужа, не боится муллы — на чью голову такой позор? Потому она и дрожит. Вся дрожит. На ней трясется паранджа от пяток до головы. Знает, очень даже знает: мало ее бить не будут.

Здесь дедушке почему-то стало смешно. Смех не дает ему продолжать рассказ. Смех раскачивает его в кресле от подлокотника к подлокотнику.

У Майсары вырывается:

— Женщину будут много бить — тебе смешно!

Дедушка, как он бы это выразил, еще немножко смеется, затем просит:

— Атамурад, переводи каждое слово, как скажу.

Атамурад переводит:

— Смешно не над женщиной. Мне смешно, что я тогда не понял, а сейчас, в девяносто лет, понял, зачем люди от

страха дрожат, зачем трясутся. В девяносто лет, если человек не совсем глупеет,— он совсем умнеет. И я вам скажу то, что я понял. Когда сидят спокойно, можно разглядеть. Вот почему я не разглядел, что в коридоре сидит не женщина замужняя. Сидит молодая девушка — родная сестра моей третьей жены. Вот почему не догадался, что жена ее переодела, прислала посмотреть, что со мной сделает Хирурик. Я узнал это, когда умерла третья жена и та девушка стала моей четвертой женой. Это было потом, через два года. Она и сейчас моя живая жена — бабушка Атамурада, бабушка Майсары. Но вам надо знать не то, что было потом, и не то, что сейчас. Вам надо знать, что было в ту минуту.

А в ту минуту я вижу: открывается дверь в коридоре. Спиной вперед выходит мулла в своем богатом халате. Шея у него завязана белым, как хлопок. Мулла кланяется Хирурику — как Мухаммеду. Кланяется и просит принять его барана.

— Какого? — спрашивает Хирурик и тоже выходит в коридор.— Живого барана или зажаренного?

— Живого,— отвечает мулла.— Посмотрите пожалуйста, он уже у вас во дворе.

— С большим удовольствием посмотрю,—говорит Хирурик, зовет с собой своего помощника, и они втроем выходят из дому.

Надо подождать в коридоре, скоро моя очередь лечиться,— так я думаю. Но не могу не посмотреть, выхожу.

Сейчас я своими глазами увижу, как мулла передает барана шайтану. И тот узбек, что сидел в коридоре, такой хитрый, как я, тоже уже за кустом и видит, что начинается.

Начинается так.

Мулла отвязывает барана от дерева и поворачивает к Хирурику задом, чтоб Хирурик увидел, какой большой у его барана курдюк. Хирурик причмокивает, как богатый купец на базаре, показывает, что баран очень подходящий. Тогда мулла передает веревку с бараном шайтану-Хирурику. Шайтан держит веревку и радуется:

— Ай, рахмат! Ай, благодарю! Как хорошо вы придумали. Такого барана хватит семье на целую неделю.

— А какой вкусный будет из него плов,— нахваливает мулла.

— Но для плова рис нужен. Рис вы тоже принесли?

— Извиняюсь, так болела шея, так болела голова — забыл. Но сейчас, совсем скоро вам принесут рис.

— Сколько? — спрашивает Хирурик.

— Большой мешок. Самый большой.

— Это хорошо. Я не знал, почтенный мулла, что вы такой добрый.

Мулла делается важный и отвечает:

— Наш пророк учит: тому, кто делает доброе дело, ты тоже делай доброе дело.

— Это очень правильно,— говорит Хирурик.— Через два дома отсюда как раз живет человек, который делает доброе дело каждый день, с утра до вечера.

Мулла удивляется:

— Кто такой? Как же я не слышал, не видел?..

— Сейчас увидите. Мой помощник вас проводит. Вы передадите барана доброму, честному человеку и, надеюсь, не забудете прислать мешок рису.

Мулла делается гордый, как царь.

— Барана дарю вам. Рис принесут вам. Дальше — меня не касается.

Хирурик ему отвечает:

— Могу ли я принять подарок от почтенного муллы, который с минарета запрещает правоверным обращаться ко мне за помощью, а сам, крадучись, приходит ночью, и помочь ему удается, только сидя на нем верхом?

Забыл, у того узбека или у меня, только у кого-то за кустом вырывается маленький смех. Мулла начинает оглядываться туда-сюда.

— Не опасайтесь. Это засмеялся ваш баран, — успокаивает Хирурик и гладит барана. И баран на самом деле немножко хмекает.

За кустами хочет вырваться большой смех. Но один узбек крепко держит свой рот и другой крепко держит свой рот.

Мулла уговаривает:

— Господин Хирурик, вы мне хорошо помогли, вы можете красиво принять барана.

Хирурик отвечает:

— Красиво будет, если вы подарите его доброму человеку за добрые дела. Иначе будет некрасиво. Иначе вам придется вести барана через весь Самарканд к себе домой и кто-нибудь это заметит.

Мулла прикладывает руки к своему сердцу:

— Уважаемый господин доктор! Пусть баран переночует здесь. Утром его заберут. К обеду вам его принесут зажаренного, и еще котел плова.

Хирурик говорит строго:

— Здесь больница. Держать барана, даже если это баран самого муллы, на больничном дворе не полагается.

Мулла стоит, молчит. И вдруг начинает радоваться:

— Как же я не догадался, что за добрый человек живет через два дома! Это — вы! А мне сказали, что живете при больнице.

— Правильно сказали. Я живу здесь. А там живет наша добрая, заботливая санитарка. Басмачи убили ее мужа. У нее пятеро детей и нечем их кормить.

Дальше начинается так. Помощник Хирурика идет рядом с муллой и ведет за веревку барана. Хирурик немножко провожает, говорит:

— Запомните, почтеннейший, вам завтра надо прийти на перевязку. Интересно, вы подниметесь на минарет — запрещать правоверным лечиться у шайтана — до того или после того, как я вам сделаю перевязку? — И Хирурик почему-то поворачивается к нашим кустам и приглашает:

— Пожалуйста, в кабинет. Но ночью — это в последний раз. Больше по ночам принимать не будем. Прошу дать моему помощнику и мне в отпущенные Аллахом часы сна спать. Об этом и вас прошу, почтенный мулла.

А мулла спешит к калитке, как из пожара спешит. Он выходит так быстро, что баран еле за ним поспевает!

На этом дедушка прерывает рассказ. Переводчик встает и спрашивает:

— Мулла ушел — и я могу уйти?

— Иди, занимайся,— разрешает дедушка.

Атамурад прощается, передает привет Ленинграду, где дважды бывал, говорит о нем те слова, какие приятно слышать каждому ленинградцу, и уходит. Майсара уходит вместе с братом и уносит чайники.

Мы остаемся вдвоем. Дедушка выбирает персик и, угощая, напоминает:

— Я сказал, наша женщина далеко-о слышит. Но пусть она лучше там слышит. Хочу говорить секрет.

Секрет был многословный. В точной передаче он занял бы неправомерно много страниц. Суть его в том, что Хирурик запомнился дедушке как человек опасный, потому что он все-таки немножко шайтан. Иначе — откуда мог знать, что правоверные больные стоят за кустами? Откуда мог знать, что надо делать человеку внутри живота, когда то, что внутри живота, никому не видно? И почему именно с той ночи дедушка, который и тогда уже был дедушкой, только с меньшим количеством детей и внуков, почему с той ночи он как-то сложнее начал относиться к почтенному служителю Аллаха, как-то менее доверчиво, а затем — с неполным

доверием начал относиться и к самому грозному Аллаху?

И только через сорок лет, когда приближалось девяностолетие дедушки и он впервые начал ощущать некие признаки приближения старости, он снова поверил в бога. Поверил на тот случай, если бог все-таки есть и страшен в гневе своем,— лучше его не гневить. Лучше не зарабатывать плохое место на том свете, а зарабатывать хорошее место.

Так дедушка и делает. Но иногда он опасается, что сорок лет неверия там, наверху, учтены и могут вызвать гнев Аллаха.

Нельзя сказать, чтобы эта нависшая возможность гнева божьего всерьез терзала дедушку. Нельзя сказать, чтобы она мешала ему наслаждаться тем многим, что еще дает ему жизнь. Но все же иногда ему тревожно из-за своего сорокалетнего неверия. Тогда он вспоминает ту самаркандскую ночь и думает: как бы это устроить, как бы перенести гнев Аллаха со своей головы на голову истинного виновника, имя которого Хирурик и фамилия Хирурик.

Не раньше, не позже, но именно в ту минуту, когда кончилась секретная часть рассказа, появилась Майсара после тактично долгой заварки чая.

Дедушка снова гостеприимно поинтересовался:

— Почему ваш рот далеко от ваш пиала?

И мы снова пьем свежий кок-чай. Во время этого последнего чаепития дедушка точно обрисовал, что же с ним как с пациентом делал Хирурик. Оказывается, навсегда вылечил ему живот. И, оказывается, вот каким способом:

— Хирурик немножко потрогал. Спросил: «Поднимал слишком тяжелое?»

Отвечаю: «Поднимал. Хозяин-бай велел: отнеси вьюк, положи на верблюд. Я поднял. Закачался. Положил вьюк на верблюд. Верблюд еле встал. Закачался».

Хирурик один раз пихнул живот. Достал белый пояс. Крепкий пояс. Обкрутил. Объяснил.

Говорю: «Деньги за пояс ек. Нет деньги».

Смеется. Не берет пояс. Не дает снять. Ай, шайтан! Откуда знал, какой кишка пихнуть?..

Спрашиваю: «Болеть будет?»

Отвечает... Майсара, подвигайся, хорошо переводи.

Майсара удивлена и польщена оказанной ей высокой честью. Но вот отбрасывает косы назад, подвигается ближе, с напряженным вниманием выслушивает дедушкины слова; и не сразу, боясь, что слова могут разбиться, могут умереть по дороге с языка на язык, осторожно переводит:

— Хирурик отвечает так: «Если перестанут командовать хозяева-баи и вам не придется поднимать тюк, от какой даже верблюд закачается,— болеть не будет».

Дедушка удовлетворен переводом, да и всей беседой, и самим собой. Он горд своим домом, плодами своих деревьев, своими внуком, внучкой, правнуками. Он откидывается на мягкую спинку кресла, ощущая свое полное право на отдых и на долгий личный оптимизм.

Несмотря на усохшее, как изюмина, лицо, шею, всю из натруженных когда-то жил, он кажется величественным в своем стеганом полосатом халате, как всегда на Востоке, широком сверху. О, этот хитрый покрой среднеазиатских мужских халатов! Он добавляет могучую ширину плечам. Он делает владыкой каждого мужчину.

Владыка-дедушка сидит в кресле и наблюдает, как блокнот с записью его воспоминаний перекочевывает со стола в дорожную сумку.

Плодоносный двор. Ласково теплый предвечерний час. Свисают виноградные кисти. В одном углу навеса — их еще насквозь просвечивает солнце. В другом, уже теневом,— их содержимое непроницаемо, они чернее, тяжелее, тверже.

Дедушка поднимается с кресла, провожает до калитки, снова как бы обнимая, не прикасаясь. У калитки он срезает с куста и на прощанье протягивает красную розу. Потом скрещивает руки и прикладывает их к своему сердцу.

ВОСПОМИНАНИЯ ОГОРЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Другой, менее плодоносный двор. Не в кресле, а на шатком табурете сидит вспоминающий о Коржине человек в серой бумажной гимнастерке, с серыми в разные стороны вихрами и серыми большими глазами, смотрящими с укором.

— Встретился я с Алексеем Платоновичем Коржиным в девятнадцатом году. Ну и времечко тут в Самарканде было — чехарда кровавая! Приехал он сюда не один. Семья — сам четыре. Жена — как сказать? — хороша, да одета так сяк, с небрежностью, с вызовом женскому полу. Вы, мол, стараетесь, а мне на тряпочные дела с высокой башни плевать, ниже они моего достоинства. Значит, как понимаете, гордости многовато. В остальном — ничего, преданная. Вполне знает, что у нее за муж. И еще: сама себе на пианино аккомпанирует и поет. Услышал я ненароком первый раз — остановился у окна, как вкопанный. Такое пение в зале концертном тысячи бы собирало людей и рублей. А ей если и дома выдастся время попеть хоть раз в месяц, то еще хорошо. Что ж, не она первая, не она последняя, чей талант уходит на семью. А бывает, ни на что, в тартарары уходит...

Коржиной требовался другой талант — мужу соответствовать, быстроте его жизни. Если по стрелкам часов, — молниеносно он жил!

Терпеть не могу быстрых: раз-раз с плеча рубят, без участия головы. Им же главное от дела или от просителя поскорей отмахнуться. Но тут я увидел другую быстроту. Не было, чтобы отмахнулся Коржин от того, кому нужен, чтобы на ходу в ответ буркнул, как некоторые персоны буркают. Поспешностью он не обижал. Минуту на вас потратит, а вглядится, как следует,— вниманием утолит. И человеку покажется — много времени ему уделено. Вместительная у Коржина минута...

Ни в какую мистику я не верил, но часто похоже было, что у него с временем особые отношения: не он времени, а время ему подчиняется, другим ходом для него идёт.

Жене его, Варваре Васильевне, должное надо отдать: в жизни мужа скоростной она с уважением притерпелась. Когда единственный раз вырвалось у меня про певческий ее талант загубленный,— ответила, что счастлива быть полезной мужу, чей талант куда более необходим людям. Гордо ответила. Но когда дело касалось детей,— гордость ее пропадала. Был через год по приезде в Самарканд случай, когда их Саню принесли в больницу окровавленного, передали отцу, что купался он в Зарафшане, нырнул, угораздил в корягу и череп раскроил, а отец не вышел взглянуть на сына. Оперировал кого-то, и после такой вести продолжал операцию, как ни в чем не бывало, только помощнику шепнул что-то и вместо себя послал.

Варвара Васильевна в это время продукты раздобывала — нелегкое в ту пору дело, подкараулить их надо было. Возвращается она в свою квартиру при больнице. Охотницы первыми страшную новость сообщить ждут у дверей. Говорят, лежал ее сын брошенный перед операционной, жив ли еще — неизвестно.

Бежит она опрометью по больничному коридору. Жара. Двери палат нараспашку. Видит она: в одной — Саня, живой, прооперированный, с забинтованной головой. И тут же, у дверного косяка, без чувств сползла на пол, потому что все чувства истратила, пока добежала.

Через несколько дней входим мы к ней втроем.

«Получай сына,— говорит супруг весело.— Будем надеяться, что наш взрослый, десятилетний гражданин в следующий раз нацелит свою голову не в тот клокочущий изгиб Зарафшана, где свалены камни и коряги. Будем уповать, что прежде, чем исследовать дно головой, он осторожно коснется его ногами».

И супруг уходит. Меня оставляет для успокоения нервов своей половины, ни с кем для него не сравнимой.

А его половина сразу ко мне с вопросом: «Скажите, это правда, что Саня лежал у операционной, а отец...»

Саня прервал: «Мама! Если б меня оперировал другой хирург, в это время принесли его сына, и посреди операции хирург ушел к нему, что бы ты сказала?»

«Что он чудовище!» — сказала Варвара Васильевна и засмеялась. Смех был ей к лицу.

Но хватит о семье. Надо о самом, о Коржине Алексее Платоновиче...

Не видал я другого человека, у кого бы так соединялось надо со своим личным хочу.

Не было Коржина в Самарканде ни в Февральскую, ни в дни, когда пришло известие об Октябрьской революции. Только-только успели большевики с местной красной гвардией почту, телеграф и главные учреждения захватить, только успели организовать Совет солдатских и мусульманских депутатов, развернулась гражданская. В самый ее разгар ехал сюда Коржин. Где много раненых без помощи — там останавливался.

Он был еще далеко. По дороге застрял в каком-то городе, а слух уже доходит такой: захватила город банда казаков-белогвардейцев. Сунулись в больницу. Сей момент выдавай им раненых красных.

«Сей момент не могу,— отвечает Коржин.— Беззащитных подлецы выдают».

«Ты что, в уме? За такие разговоры в два счета прикончим».

«В два счета нельзя, ваше казацкое высокородие. Без руки останетесь. Она у вас в слишком грязной повязке. По открытому пальчику видно: гангрена начинается. Сейчас попросим сюда сестру с перевязочным материалом, йодом и шприцем».

Казацко-белогвардейское высокородие от боли рукой дергает, но командует: «Перевязку отставить! Сперва выдашь красную сволочь, или расстреляем. Ну, живей! Где тут лежит узбек Ходжаев? Где красный гад Поздняков и прочие?»

«К прискорбию, не можем этого знать. Документы раненые уничтожают. Говорит окровавленный: Я Мирза — лечим Мирзу. Я Иванов Иван — лечим Ивана Иванова».

«Знаем это прискорбие. Не хочешь? Сам ихний! А ну, бери его, Митька, выводи на расстрел».

Выводят Коржина. Ведут по больничному двору. Посреди двора он, как от толчка, останавливается:

«Ой-ой-ой, лопни мои глаза! Из-за вас совсем забыл: мальчик у меня к операции подготовлен девятилетний. Ваши в живот ему угодили. Не выну пули — умрет. Подождите двадцать минут. Можете посмотреть операцию, получить пулю на добрую память».

Подручный высокородия маузером Коржина подгоняет: «Давай, иди».

А высокородие командует: «Назад! Посмотрим: врет или нет, и — расстреляем».

Посмотрели они. По струнке стояли в операционной там, где он велел им стоять.

Ну, а дальше... если б мне и не рассказали — сам точно бы сказал. Тот, кто операцию Коржина увидит, не может его расстрелять. Бандит из бандитов и тот постарается, чтобы он невредимый был, да поближе к его банде проживал.

Другой случай был хуже. Говорили, где-то за Катта-Курганом развернул он госпиталь. И опять вооруженная банда выбила на несколько часов из той местности другую вооруженную банду.

И опять главарь с помощниками к Коржину: «Выдавай врагов!»

Он, конечно, стоит на своем. Ни с места он.

Тут его двое за руки, третий сзади — вывели на расстрел.

Проходит Алексей Платонович мимо окон, где раненые, и голосом своим, когда надо на набат похожим, говорит:

«Кому не успел помочь,— простите!»

«Молчать! На месте шлепнем».

Молча идет он туда, куда ведут. А ведут его по улице и пустырю. На соседней улице его временная квартира. Там жена, сын, дочь. Когда поровнялись с проулком, с тем местом, откуда этот дом виден, повернул Алексей Платонович в ту сторону голову. Ему пинок свирепый: «Не вертеть шеей. Вперед смотреть!»

Он идет под дулом. Молчит. Смотрит вперед. Идет и идет — к смерти приближается...

А из улицы поперечной вываливается толпа. Такой, говорят, и на свете еще никто не видывал. Смех, а не толпа. Кто в кальсонах, кто в одной кальсонине, кто в пиджачке на исподнем или защитной тужурке. У кого забинтована голова, у кого грудь, рука, нога. Многие на костылях, с гипсовыми повязками, скачут на одной ноге.

Наваливается эта раненая армия на расстреливателей со всех сторон, костылями и палками обезоруживает этих троих и отбивает Алексея Платоновича от смерти.

Что же сразу, без промедления делает отбитый от смерти человек?

«Федотов! — говорит он,— как вы смели встать? Вам велено лежать неподвижно.— И тут же обращается к обезоруженным:

— Вы трое — единственно здесь здоровые. Придется вам этого безумца донести до койки».

Шествие пошло такое. Впереди трое громил несут на руках Федотова. Коржин кого-то поддерживает. Кто скачет на одной ноге, кто плетется и постанывает. Когда дело сделано, раны чувствуются сильней.

Дошли. Положили расстреливатели раненого на койку, просят вернуть оружие.

«Благодарю вас, хорошо несли. Вернем вам оружие. Надеюсь, оно больше никогда подло не выстрелит в беззащитного».

Нехотя возвращали оружие. Не могли в толк взять, почему Коржин так решил. А ведь не верни — вышли бы эти трое, да пригнали всю банду, и разгромили бы всё и всех.

Таким Алексей Платонович сюда приехал. К делу рвется, о деле думает, дело делает. А у меня отбилась ко всему охота. Только во сне живу. Мечту свою осуществляю — дирижирую... Чаще всего «Неоконченной симфонией» Шуберта. Просыпаюсь — другая симфония. Стоны. Крики. Курбаши в шелке и бархате по улицам скачут, кривыми саблями размахивают: Бей! Хватай!.. А я сижу. Решения ищу. Поверите или нет, не о себе, об общем.

Коржин говорил со мной на равных. Не было у него этого: ты никто, а я К Т О. Хотя он как приехал — сразу за создание здесь первой хирургической больницы взялся, и стал он в ней главным, как узбеки величали, Хируриком, а я у него всего-навсего счетоводом.

Вряд ли было у Коржина время думать об общем, как думал я. Мыслителем его не назовешь. Не мыслитель он, а практик. Его практика известная. Благодаря точности делал он свое дело с молниеносной скоростью. А откуда эти точность и скорость берутся? От вежливого обращения с больным местом. Чтобы лишнего беспокойства и лишней секунды боли не было.

Как справедливости ни ищи, с какой колокольни, с какого минарета на нее ни смотри, а без вежливости не может быть ни в чем справедливости. Замечали вы, что там, где не осталось вежливости, жизнь и чертям собачьим идет. Кричи во всю глотку, приказывай, грози, но вперед идти без вежливости жизнь не может. Химия — та идет. И космические скорости осваивают. И атомы расщепляют. А душе человека — каюк. Задний ход нашим душам...

Что-то скрипнуло, хрустнуло — не то шаткая табуретка, не то опущенные между колен руки, прижатые ладонь к ладони и крепко сцепленные пальцами.

— Выбили из меня те годочки... Не осталось во мне вежливости ни к своим, ни к посторонним, ни к себе. Погрубел. Плохо бы кончил, не появись тогда на горизонте Коржин.

О заветной своей мечте я с ним не говорил. В музыке он ни бэ, ни мэ. «Чижика» на пианино одним пальцем, сам сказал, не мог осилить. И подходил он к пианино, напрокат взятому, думаю я, не иначе как для того, чтобы дети ему закричали «неправильно!», а жена зажала уши. Веселило это его и показывало, что семья в порядке.

Об общем мы говорили. Не я к нему за разговором приходил. Он — ко мне. С утра пораньше. Помню, высказываю я ему кое-что о курсе жизни и добавляю: — Достоевский сказал, что мир красотой спасется. А чем спасется красота? — спрашиваю я. — Ей же больше всех — копий, стрел и всяких инквизиций достается.

Коржин сидит в моей счетоводской комнатушке, слушает и потихоньку для операций, как музыкант перед концертом, руки разминает.

Сжал он их в кулаки и переспрашивает:

— Чем спасется красота?.. Самой же красотой. Такой, такой и такой.— На первое «такой» он разжал кулаки, показал десять пальцев, на второе и третье — ткнул одним указательным в свою макушку, другим в грудь, наверно уж точно туда, где живет сердце. И пошел мыть руки да облачаться в белое с головы до пяток.

Конечно, не часто он приходил за разговором. Какое там могло быть часто, если не знал он отдыха. Днем его дел на пятерых бы хватило. Ночью ему не давали спать больные узбеки. Прокрадывались, вопреки запретам муллы.

Приходит он как-то ко мне к концу дня. Не садится, а приглашает поехать с ним недалеко, в сторону Бухары. Это двадцатый год. Бухарская сторона еще битком забита вражьей силой.

Отвечаю Коржину:

— Не пойму, как вас в самое пекло Варвара Васильевна отпускает и какое вы право имеете жизнью рисковать.

— Во-первых,— говорит,— жизнь и так, и этак — сплошной риск. Во-вторых, Варвара Васильевна глубоко уважает главную заповедь врача: если тебя просят помочь больному, дальнему ли, ближнему, умному или глупому, днем или ночью,— ты должен сделать все, что в твоих силах. Иначе — не имеешь права называться врачом. Наконец, в-третьих. По сведениям присланного за мной, пекло начинается несколько дальше. В той точке Земли — благодатная тишина. Но решайте сами. Добавлю только, что дорога прекрасная. Не раз изучал ее, будучи под надзором полиции, не имея права нигде жить более трех месяцев и посему путешествуя с так называемым волчьим билетом. Да, добавлю еще, что лошадок прислали превосходных и кучер, брат больного, по-видимому, не промах.

Понимал я: защита из меня никакая, не для защиты он меня звал. Как быть: отпустить его одного в ту сторону? Короче говоря, поехали.

Сидим рядом в пролетке. Рассчитываю я на беседу. А он извиняется и глаза закрывает. Голова покачивается. И начинает он посапывать, как новорожденный.

Смеркается. Раза два издалека бабахает. Потом тишина. Появляются звезды, одна за другой. Мерещится мне музыка. Лошадки бегут. Свой ритм несбивчивый земле передают.

И отпускает меня злость на себя — за то, что сил у меня таких, как у Коржина, на свое заветное дело не хватило. Смотрю я на небо и не сразу замечаю, что Алексей Платонович смотрит на меня в упор.

— Ну вот,— говорит,— а вы не хотели ехать.

Доехали мы. Темнота уже полная. Хорошо, что у Алексея Платоновича всегда фонарик с собой.

Ведет нас кучер мимо какого-то дувала. Потом по двору и дому. У дверей люди стоят. Ждут. В дверях показывается узбечка с лампой, просит в комнату. Гасим свой резкий фонарик и входим.

Лежит человек с раскрытым ртом. Страшные хрипы вырываются.

Коржин быстро из саквояжа флягу достает, обтирает спиртом руки. Женщину — потому что плачет она и дрожит в ее руках свет — просит лампу мне передать и садится на топчан к больному.

Подношу лампу ближе и вижу огромный зоб.

— А-а, помню вас,— говорит Коржин, осматривая жуткую шею.— Вы ко мне приезжали. И тут же из стерильной коробки вынул ватные томпоны, прочистил больному одну ноздрю, другую. Потом сделал укол и тяжелым шагом подошел к родственникам.

Говорил он с ними на русском вперемешку с узбекским. Поняли они и я, что надо было этому бедняге, не старому еще, соглашаться на операцию, когда он к Коржину приезжал больше полугода назад и его еще можно было спасти. А теперь поздно, осталось ему жить два, от силы три дня.

Хрипы потише стали, пореже. Между хрипами выдавилось у смертника, что теперь согласен он, чтобы Хирурик отрезал то, что его душит.

Вот какое было дело. Женщины в голос плакали, но рахмат Коржину за приезд в шелковом узелке преподнесли. Взял он его, а, уходя, у топчана незаметно оставил.

Ведет нас кучер к себе, в соседний дом, рассвета ждать. В нашем распоряжении клетушка отдельная, на полу земляном — ковер, гора больших подушек пестрых. Жена кучера вносит лепешки на чеканной тарелке. Тарелка у живота, верхнюю лепешку придерживает подбородком. Вторым заходом приносит кок-чай со всем, что к нему полагается, и исчезает, как тень.

Без промедления устраиваемся на ковре. Рвем на куски, запихиваем в рот мягкие, вкусные узбекские лепешки, каких в Самарканде давно не найдешь, и замечаю я, что Алексей Платонович не только за дорогу нагулял себе аппетит, хоть отрывает он куски поменьше и в рот запихивает поделикатней, чем я. Есть у него и на это терпение, а у меня — нет. Знаете, у кого ко всему нетерпение? У того, кто своего дела не делает.

Не помню, на какой по счету лепешке Алексей Платонович с юморком невеселым заявляет:

— А ведь стыдно угощаться, не заслужил.

— Вы виноваты, что он зобище в два кулака отрастил? Смотреть страшно.

— Пойду взгляну. Попытаюсь ослабить мучения. Вы подремлите, для счетоводческих дел нужна ясная голова.

Ушел. Вернулся, когда рассветать начало, кучер лошадок подал.

Выехали. Замаячило большое селение, на две части разделенное не то широким арыком, не то узкой речушкой. Видим мост. Со стороны моста слышим крики, грохот какой-то деревянный, несколько выстрелов. Дороги нам другой нет, моста не миновать.

— Зачем говорили, что тихо у вас? — спрашиваю кучера.

Клянется Аллахом, что было тихо, сам не знает, кто на их селение вдруг напал.

Подъезжаем ближе. Видим начало сражения. С одной стороны к мосту лезет армия в узбекских халатах. С другой — точно такая же. У одной и у другой кольев больше, чем оружия. Кучер вглядывается и говорит, что обе армии из местных жителей и из соседних кишлаков. Он крутит вожжами, просит дать проехать Хирурику.

Халатные армии не верят.

— Подвох! — кричат по-узбекски.— Хирурик лечит в Самарканде. За такой подвох на твоей крови глину для дувала замесим!

— Здесь он. Везу в Самарканд.

— Докажи. Покажи Хирурика!

Коржин встает в пролетке. Возмущение с обеих сторон еще большее:

— Обманываешь! Хирурик в белом!

Коржин достает из саквояжа белый халат и наголовник. В момент облачается. Не успел ему слова сказать, не успел задержать — топает к мосту.

Армии заволновались, для Хирурика перешли на русский:

— Не стреляй, гады! — требует одна сторона.

Другая кричит:

— Опускай винтовка, паразиты! — такие слова быстро усваивались в те годочки.

В сражении передышка. На мосту Коржин спрашивает у армии слева:

— За кого сражаетесь?

— За Ленин!

Обращается к правой стороне:

— А вы за кого сражаетесь?

— За Ульянов!

— Лопни мои глаза! — произносит Алексей Платонович громовым голосом узбекское самопроклятие на узбекском языке.— Еще раз объясните. Вы кто?

— Ульяновцы!

— А враги ваши кто?

— Ле-ни-ны-цы!

Да, белый халат — доказательство, что Коржин есть Коржин,— помог прекратить бой. Не будь белого халата — не один бы десяток был покалеченных и мертвых, конечно, тоже. Веселенький был ералаш...

Об этом пошла у нас беседа на обратном пути. Самая долгая моя с ним беседа. Во многом мы соглашались. В одном — нет. Он в хорошее верил, я — в плохое. Никто никого с места не сдвинул. Вряд ли он бы меня и впоследствии сдвинул. А силы добавить бы мог. Всем вокруг он ее добавлял, на всех у него хватало. Но я своей доли от Коржина взять не успел.

Скачками, рывками двигалось то время. Хвать-похвать — август. Двадцать восьмого числа Фрунзе в Самарканд прибывает. Отсюда в первую же ночь начинает руководить наступлением Красной Армии на Бухару по всем направлениям. И меньше чем через неделю дает Фрунзе из Самарканда телеграмму Ленину о полной победе.

Кругом радость — конец войне! Думали, вечный ей конец, наипоследний. Как же не радоваться?..

Но в первый день радости издалека довозят до нашей больницы нескольких раненых, чтоб именно к Коржину в руки попали. Вечером это. Алексей Платонович у двери под яркой лампой стоит, определяет, кого на стол, кто подождать может.

Ну и ночка у Коржина была! Даже он изнемог. Напоследок немыслимый узел распутывал из рваных сухожилий, обломков костей, и сам черт разберет, что там еще в этом месиве было. Любой другой — это фельдшер мне сказал — ногу бы оттяпал до таза. А наш, мокрый до нитки, колдует, складывает, сшивает. Помощники, глядючи, с ног валятся, а он четверть человека заново создает.

К утру Коржин кончил и просит дать ему три часа поспать, если не будет ничего неотложного. А наутро заявляется в больницу, ни мало ни много — сам Фрунзе. Входит он и не по-командирски,

скромно спрашивает, можно ли ему видеть Алексея Платоновича Коржина?

Дежурный фельдшер смотрит на него во все глаза и не знает, как быть, будить или не будить. Ума он не приложит, неотложным посчитал бы Алексей Платонович приход даже самого Фрунзе или отложным. Больной — это для него неотложно. Здоровый — пусть хоть наитакой — это еще неизвестно.

А, между прочим, кое-кто уже из окон увидел, как Фрунзе к больнице подходил. Двери палат начали приоткрываться, и кто-то из персонала, пока фельдшер раздумывал, в дверь к Коржиным успел вбежать. И вот уже выбегает и с трепетом священным приглашает Фрунзе в кабинетик Алексея Платоновича — наискосок от моей счетоводческой резиденции.

У меня дверь тоже приоткрыта. Минут через пять вижу, топает по коридору Коржин, умытый, в тройке своей парадной. Смотрю на часы — двух часов не пришлось человеку поспать.

Слышу: здороваются.

— Рад познакомиться,— говорит Коржин.

— А я как рад,— говорит Фрунзе.— Давно хотел и наконец-то имею возможность поблагодарить вас за спасение моей сестры. Знаю от нее, какой это был для вас риск, вам это могло стоить жизни.

Слышу смех — коржинский, звучный, и такой его ответ:

— Ка-акое колоссальное преувеличение! Риск был ничтожно мал, ибо уже знал, куда положу ваш конвертик с партийными документами на время обыска, который незамедлительно последует после обыска у ваших. Место было придумано надежнейшее. А именно — ночной горшок, который стоял на виду, у детской кроватки моего простуженного сына. О, как старательно у меня искали: исследовали пол, ворошили бумаги, белье, залезали в шкафы, на шкафы, под кровати, в кастрюли. Но под крышку ночного горшка — не заглянули. Когда перешли в детскую, потребовали, чтобы я перенес ребенка на кушетку, и начали обыскивать кроватку, моя супруга отчетливо для ушей жандармов спросила: «Сынок, что ты морщишься? Опять дать горшок?»

На что наш мальчуган, видевший, как спешно его горшок превращали в сейф, ответил: «Живот болит, но еще не хочу».

После этого засмеялся Фрунзе. И повел его Алексей Платонович на раненых поглядеть, после чего — поить чаем.

Недолго Фрунзе у них пробыл, но деловое предложение успел сделать. В тот же день Алексей Платонович мне сказал:

— Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест. Ненадолго. Семья остается здесь.

Через несколько дней, дождавшись заместителя, уехал он к Бухаре, в госпиталь.

Вернулся Алексей Платонович поздней осенью. И прожил он здесь еще четыре года. Потом получил приглашение в Минск лекции читать и стать во главе хирургической клиники.

Уехал он. Насовсем... И начал я себя корить за то, что не сказал этому человеку без музыкального слуха, но с тонким слухом к нутру человеческому о своем заветном.

Снова на стол легла рука. Другая по дороге к столу сделала плавное движение, похожее на дирижерское.

— Да, и до сих пор думаю: откройся я тогда Алексею Платоновичу, подтолкнул бы он меня к моему делу. Не открылся, дурак. Считают, музыкой с малых лет надо, старый уже для музыки. А мне тогда двадцать пять было, неженатый еще. В любой консерватории попросить: — Дайте хоть на час студенческий оркестр той же «Неоконченной» продирижировать — приняли бы!.. А так — других дирижеров коплю. Хотите послушать? Есть Бах: «Страсти по Матфею», по Иоанну. Все симфонии Бетховена есть. «Неоконченная» Шуберта, конечно. Дирижирует оркестром вашей филармонии Зандерлинг.

Входим в чистую комнату. Самодельные стеллажи с пластинками. Проигрыватель на столе. На другом краю стола — чайник, пиала и какая-то еда в бумаге. Над столом икона — лик Христа-спасителя.

Верует обиженный собою человек? Жалуется потемневшему лику, молится и ждет помощи?..

Он вносит табуретки со двора и, уловив вопросительный взгляд на икону, объясняет:

— Хочу веровать в бога. Стараюсь уверовать. Да что-то не то... Не получается. Вы садитесь. Мне бы знаете что? Портрет Коржина перед глазами. Да нет у меня ни портрета, ни самой малой карточки. В те годы не до фотографий было.

Он протягивает руку к стеллажу, из сомкнутого строя пластинок безошибочно вынимает нужную и бережно, точно нацеливает иглу проигрывателя на первый звук. Слушаем «Неоконченную».

Он слушает, как главный дирижер своего подопечного. Слушание для него — напряженная работа.

Когда «Неоконченная» кончается, говорит:

— Хорошо. Но есть замечания. Суховато кое-где. Да... надо было открыться.

Он не провожает до калитки, остается в комнате. Один, с обостренным, лютым голодом к своему делу.

Сверкающая книга. Она кажется покрытой глазурью. На обложке по серебряному фону — белое тиснение древнего орнамента. Сверху крупными золотыми буквами:

САМАРКАНД

Ему недавно минуло 2500 лет — две тысячи пятьсот! На карте этой юбилейной книги-путеводителя надо найти улицу Узбекистанскую. На ней была та больница, куда приходил к Хирурику дедушка Майсары.

Эта улица оказалась длинной, белостенной, одноэтажной, с высокими окнами и парадными крылечками. Пройдя ее из конца в конец — туда по одной стороне, обратно — по другой, не удалось найти ни малейшего следа первой в Самарканде хирургической больницы, следа хотя бы в виде скромной дощечки с надписью.

На заданный вопрос в горздраве отвечают вопросом:

— На Узбекистанской? Не ошибаетесь? Где же там могла быть больница?

Из дальнего угла поворачивает седую голову машинистка.

— Была,— говорит она.— В каком доме, не помню. Но, кажется, на ваше счастье, еще не ушел Авет Андреевич.— Незнакомое имя произносится так, словно оно должно быть всем знакомо.

— Здесь он,— подхватывает молодая сотрудница.— Я его только что видела в парткоме.

Дорогой Авет Андреевич! Как хорошо, что вы еще здесь... Вы идете рядом по улице Узбекистанской, вы показываете дом, мимо которого было дважды пройдено и ничего не увидено, кроме надписи «Детский сад».

Он уже опустел и закрыт. Детей разобрали родители. Ступеньки крыльца домывает юная нянечка с множеством длинных косичек, те самые ступеньки, по которым поднимался Коржин...

Голос Авета Андреевича негромкий, словно берегущий слух в наше громкое время:

— Привет, Халима! Во двор разрешается войти?

Летит отжатая тряпка в ведро, летят с крыльца косички и улыбка.

— Вам раз-ре-ша-ется,— она со старанием растягивает трудное слово и открывает калитку.

Двор-сад. Огромные кусты сирени. Не за ними ли, когда они были моложе, прокрадывался дедушка подглядеть, как мулла передает барана Хирурику-шайтану?.. Высокоствольный платан. Не к его ли стволу, когда он был глаже и тоньше, привязывали этот рахмат муллы, это четвероногое спасибо?

Авет Андреевич стоит рядом, но смотрит не на платан, а на стену дома и куда-то вверх.

— Вот с этой стороны подняли и застеклили крышу для операционной. В самое тяжелое время Алексей Платонович этого добился. Я был неграмотным мальчишкой-рассыльным в здравотделе — и запомнил его с первого взгляда. Он вошел и поздоровался со мной, как с начальником. И никого не уговаривал, не просил. Энергично объяснил, почему это надо сделать неотложно. Он умел весело доказать, что польза — это польза, глупость — это глупость и что глупость убивает пользу, как вражеская пуля. Никто не хотел уподобиться вражеской пуле. Здесь была создана больница в очень короткий срок. Под ее крышей он сделал первую в Самарканде операцию на щитовидной железе, первую на головном мозге, первые сложные женские. За это я его чту. Но больше всего за то, что он первым ввел внутривенное вливание больным малярией. Это был бич Средней Азии.

Мы сидим на детской скамеечке у старых кустов. Он, кажется, устал. Ему неудобно на ней сидеть. Вытянул бы ноги,— так нет же! — деликатность не позволяет.

— Кое-кто из столичных знаменитостей простить не мог Коржину, что он за все берется. Но ведь он брался — и спасал. Говорят, он предупредил, что ему некогда, он не будет заниматься малярией, и все же первым ввел внутривенное. Я узнал об этом мальчишкой и мальчишкой запомнил, как кому-то Коржин сказал: «На звание ученого надо иметь право». Сам и диссертацию защитил поздно, хотел сначала помочь победить малярию.

Как хорошо, Авет Андреевич, что вы еще здесь, что еще сами поднимаетесь с детской скамеечки и у вас «как раз есть часок» (вероятно, часок отдыха), чтобы разделить предотъездную прогулку по Самарканду.

Мы стоим рядом с каменной подставкой для Корана, упомянутой дедушкой. Стоим и смотрим на венец творения времен владычества Тимура (Тимурленга, Тамерлана!) — на мечеть Биби-Ханым...

Это руины величия. Полуразрушен и невосстановим свод, «второй свод после небесного». Но время сотворило из него выразительный портрет этого завоевателя мира. Нависшие камни сохранили силу его могущества и обнажили сопутствующую ей силу уничтожения.

Кажется, недвижный воздух у Биби-Ханым таит обреченность этого сочетания и вечный укор ему. И висит, висит печать скорбной немоты, немоты костей тех рабов, кто лег здесь, второй свод после небесного поднимая.

У Биби-Ханым неправдоподобная тишина. А за оградой, в двух шагах — шумит базар, ослепляет золотыми колоннами из венков репчатого лука, целой площадью золотистых дынь. Рядом — черно-зеленые арбузы, огромные корзины осенней свежей клубники и пленительная многоцветность винограда.

Да, Европа, попадая в Азию, постояв у мечетей, медресе, усыпальниц, спешит на базар, к живой жизни. Здесь толпы туристов, желающих пестротой костюмов перешибить Восток. Но ничего не получается. Нужна восточная гибкость, чтобы платье струилось, играя. Или восточная истома, чтобы оно дышало знойным покоем. Как, например, у этих нестарых продавцов в полосатых халатах, в ожидании покупателя не стоящих за прилавком, а возлежащих на раскладушках.

Мы ходим по проспектам и закоулкам базара. Авет Андреевич, не замечая туристов, разглядывает лица местных жителей.

— Заметили,— спрашивает,— нет ни одного желтого малярика. Никто в приступе не бьется на земле, как сплошь и рядом бывало. Хорошо бы сказать об этом Коржину... Мне трудно выговорить «он был», никак не могу поставить его имя в прошедшее, даже когда рассказываю о нем своим практикантам-паразитологам.

Мы выходим с базара на широкую улицу. Сверкая полировкой, проносятся машины последних выпусков. В них — узбекские семьи и в новомодных европейских костюмах, и в старинных узорных шелковых, и в таких, где сплелись детали одеяний по крайней мере пяти столетий.

Сворачиваем на древнюю улицу без единого окна наружу, чтобы женщина не выглянула, чтобы не мог на нее взглянуть мужчина и она, не дай Аллах, не поглядела на мужчину. До сих пор не прорубили окон на улицу. Но восточные женщины сидят у открытых настежь калиток — и глядят. Мало того, ласково здороваются с Аветом Андреевичем и зовут в гости...

До свидания, удивительный город! Спасибо за память о человеке, чье имя было Хирурик и фамилия Хирурик.

● «Ничто человеческое мне не чуждо»,— говаривал бог.

● У него ничего нет за душой — даже души!

Е. ТАРАСОВ

г. Электрогорск
Московской области

● По его появлениям в вытрезвителе можно составить календарь религиозных праздников.

С. ПУГАЧЕВ

г. Ленинград

О чем писали русские газеты и журналы в октябре 1878 года

...Одним из существенных положений нынешнего социализма является отрицание религии и веры в бога. Во все времена одна из главных причин появления коммунистических и социалистических обществ заключается или в неправильных религиозных понятиях, или в прямом отрицании религии... Социализм новейший (со времен французской революции) выходит из прямого отрицания веры в бога... видит счастье в практических материальных жизненных удобствах. Таким образом, атеизм и материализм суть составные элементы нынешнего социализма... Человек, не признающий над собой власти божественного существа, тем менее может иметь охоту повиноваться законной власти земных правителей и начальников. Если он ей и повинуется, то не по совести, а по страху, по необходимости... В безрелигиозности и в извращенных нравственных понятиях мы видим главное условие, подготовляющее почву для коммунистических и социалистических идей. Если же это так, то задачей каждого честного человека является серьезное отношение к религиозным убеждениям, к вопросам религии и нравственности, а не то легкомыслие, которое постоянно приходится встречать в наше время. Легкомыслие отцов заразительно действует и на детей, оно их развращает. С вековыми вопросами и истинами, в которые люди верили в течение целых тысячелетий, в настоящее время люди нередко покончивают сразу, не задумываясь... Воспитание юношества в духе христианской религии — вот, по нашему мнению, самое надежное средство для ограждения нашего молодого поколения от гибельного увлечения воззрениями коммунизма и социализма.

«Странник»

О чем писали русские газеты и журналы в октябре 1878 года

Штундистское движение на юге России утверждается все крепче и крепче, привлекая к себе сочувствие немалого количества простого народа... Штундисты питают особую нелюбовь к духовенству, как белому, так и черному... Штундист ни за что не снимет шапки и не поклонится в знак почтения перед духовным лицом. О священниках и монахах штундисты, вообще очень скромные, позволяют себе рассказывать самые скандальные анекдоты. Толкуя священное писание, штундисты в апокалипсическом драконе видят духовную иерархию, которая дерет с живого и мертвого, а воскрылия, по ним,— это широкие рукава наподобие крыльев. Жертва значит у них жратва, а слово жрец они выговаривают как жерец — обжора. Нам кажется, что эта нелюбовь к духовенству, возбуждаемая в штундистах поборами со стороны священников, должна обратить внимание кого следует на неоднократно уже указывающуюся замену поборов в пользу духовенства жалованьем от правительства.

«Московские епархиальные ведомости»

О молебнах в московских рядах и рынках. Плата за участие в молебне сообразно достоинствам протодьякона колеблется между 10 и 25 руб., а достоинство его перед судом купечества заключается в том, чтобы он ревел, елико возможно, громче и, читая апостол, надвигал, как можно сильнее, и от той или другой удачи в надвигании зависит расположение купечества к протодьякону. Надвинуть — значит оканчивая апостол или евангелия... на последний слог его ударить всей мощью груди и устремить на него всю необъятную ширь горловой трубы, чтобы произвести по возможности потрясающий эффект на слушателей, так чтобы стекла в церкви загремели и даже самые глухие старухи услыхали. Не всякому дано надвигать. Многие дьяконы, обладающие обыкновенной человеческой глоткой, не могли сделать никакой заметной карьеры и так позастряли бедными и безвестными.

С целью надвижки употребляются дьякочами различные специальные средства, способствующие прочищению глотки. Самое лучшее из них — зарядиться некоторым количеством очищенной водки.

«Газета А. Гатцука»

ЛИЧНОСТЬ ХУДОЖНИКА

Сравнительно недавно в Доме графики Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве экспонировались картины из собрвния замечательного советского пианиста Святослава Рихтера. Своеобразие выставки, которая называлась «Музыкант и его встречи в искусстве», состояло в том, что посетители могли не только любоваться работами В. А. Серова, П. П. Кончаловского, П. Д. Корина, Пабло Пикассо, Б. М. Кустодиева, Р. Р. Фалька и других художников, но и увидеть черты духовного мира самого собирателя коллекции — его вкус, пристрастия, отношение к искусству.

По поводу каждой картины С. Рихтер делал «для себя» короткие заметки: история создания, мнение о человеке, который тут изображен

Р. Р. ФАЛЬК. 1886—1958
РИХТЕР.
Карандаш, акварель.

К сожалению, был только один сеанс: первый эскиз к портрету. Это было время, когда Фальк имел доброту меня направлять в моем желании рисовать. От замысла написать мой портрет остался только этот набросок.

(коллекцию составили портреты), собственное отношение к картине. Эти заметки также представлены на выставке.

Выставка вызвала большой интерес. Ее посетители попадали в атмосферу подлинной одухотворенности и творчества, напряженных раздумий об искусстве. Выставка еще раз убеждала, что талант художника — не озарение свыше, а упорный труд — рук, глаз, слуха и, прежде всего, души. Истинное творчество рождается из глубокого и сердечного внимания к человеку, из умения замечать лучшее, что в человеке есть, этим лучшим восхищаться и за это бороться, употребляя могучую силу искусства.

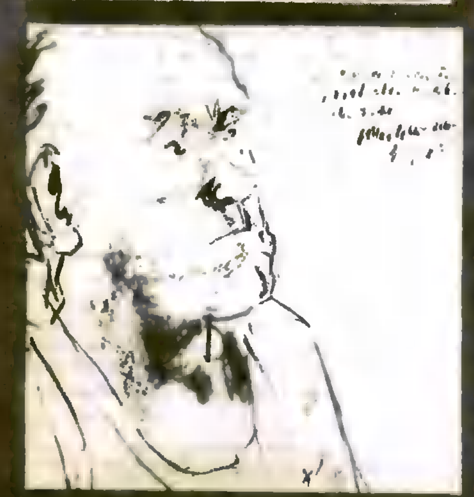
Б. М. КУСТОДИЕВ. 1878—1927
Портрет Мити ШОСТАКОВИЧА. 1919
Цв. карандаш.

Дмитрий Шостакович — гениальный композитор — прошел через жизнь всех нас и оставил глубокий след. Он принес нам много счастья и радости, хотя сила его трагизма часто сокрушала нас. Невозможно полностью оценить и понять все, что связано с таким большим явлением, как Шостакович. Лично для меня решающим, главным произведением в его творчестве явилась восьмая симфония.

Портрет Мити Шостаковича — образец реальнейшего рисунка, выражающего духовную сущность гениального мальчика.

ОСКАР КОКОШКА. Род. 1886
СВЯТОСЛАВ РИХТЕР. 1965
Черный мел.

В Люцерне Кокошка приходил в Гранд-отель меня рисовать. Я бился в поте лица над фугой из сонаты Хаммерклавир, опус 106 Бетховена. Было жарко и трудно. Кокошка, этот роскошный, дикий человек, сделал приблизительно десять набросков. Он их делал быстро, размашисто, часто вынимал из заднего кармана фляжку с виски, прикладывался к ней и заставлял меня пить из нее же. Личность единственная в своем роде: со своим шармом, размахом и талантливостью. Из десяти эскизов я выбрал, считаю, самый интересный, хотя окружающие очень протестовали, предпочитая другие наброски. В этом чувствуется момент осиливания труднейшего из произведений, написанных для фортепьяно.

Н. П. УЛЬЯНОВ. 1875—1949
Портрет О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ в роли Раневской. 1904

Одно из моих первых общественных выступлений после переезда из Одессы в Москву состоялось в ВТО. В артистической я вдруг увидел грустный портрет, в котором угадал О. Л. Книппер-Чехову. Это и было мое первое знакомство с Ольгой Леонардовной (Раневская, третий акт «Вишневого сада» — «Продан вишневый сад?»).

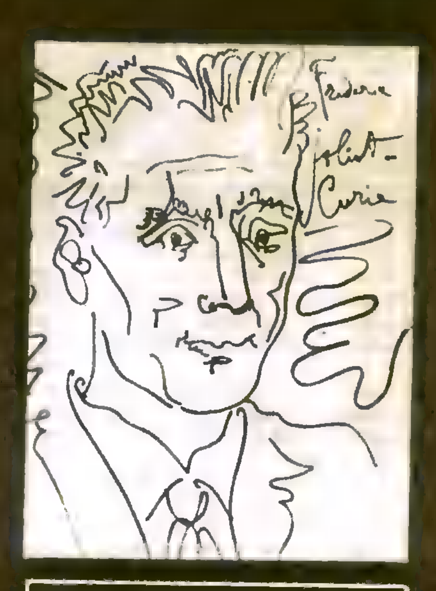
Потом я уже имел счастье лично познакомиться с Ольгой Леонардовной и беру на себя смелость сказать — был ее другом... Ежегодные встречи нового года, Гурзуф, Николина гора... Слов нет, чтобы выразить мое восхищение перед этой замечательной женщиной. Портрет, мне кажется, одна из лучших вещей Ульянова.

А. Н. ТРОЯНОВСКАЯ. 1885—1977
ЛЯЛЯ СКРЯБИНА.

Елена Александровна Скрябина — дочка композитора, жена пианиста Владимира Софроницкого. Я встречался с ней в доме Г. Г. Нейгауза. Генрих Густавович иногда в полушутку говорил: «А ведь это — очаровательнейший опус Александра Николаевича — эта Ляля».

ПАБЛО ПИКАССО. 1881—1973
ЖОЛИО КЮРИ
Литография.

Я один раз был в доме у Пикассо в Мужене. Никогда не забуду этого человека с раскаленными как уголь глазами; ему было за восемьдесят, а был он моложе нас всех. Он бегал по лестнице как мальчишка, показывая свои комнаты, в которых царил божественный беспорядок, и восхищался узором вьющегося по стене растения. Рисовал всем на память на первых попавшихся предметах. От этого посещения у меня остался портрет Фредерика Жолио Кюри.

В. Н. ШУХАЕВ. 1887—1974
Портрет Валентины Константиновны КУФТИНОЙ. 1952
Цв. карандаш, пастель.

Куфтина Валентина Константиновна — пианистка, вдова очень известного талантливого археолога академика Бориса Алексеевича Куфтина. Встреча с этими особенными людьми — одна из самых значительных в моей жизни. Это герои — и он, и она.

В портрете, в котором Шухаев не польстил Валентине Константиновне, выражена зато ее страстная требовательность к себе, к другим и к миру. Полная цельность. Если она и бывает в тягость — это все же одно из самых ценных качеств человека. В ее взгляде на портрете почти обвинение. Она как бы смотрит в глубину вашей совести.

В центре внимания — молодежь

Э. ЛАВРИК,
кандидат исторических наук

Идеологической работе, в том числе атеистическому воспитанию трудящихся, в особенности молодежи, чехословацкие коммунисты всегда уделяли самое пристальное внимание. Решения XIV и XV съездов КПЧ, а также принятые после них постановления высших партийных органов оказали благотворное влияние на дальнейшее развитие сложного и трудного процесса преодоления религиозных пережитков.

Свой вклад в совершенствование системы атеистического воспитания трудящихся ЧССР вносит и журнал «Атеизмус» *, издаваемый Институтом научного атеизма Словацкой Академии наук. Так, в статье ответственного работника аппарата ЦК КП Словакии П. Прусака «Актуальные вопросы научно-атеистического воспитания в Словакии после XIV съезда КПЧ» (1977, № 2) анализируются основные решения съезда по идеологическим вопросам.

Характерной чертой в атеистическом воспитании словацких трудящихся, пишет автор, стал комплексный подход к преодолению религии, более тесное увязывание этой проблемы с решением основных социально-экономических задач. С ростом материального благосостояния, образовательного и культурного уровня населения число верующих неуклонно сокращается. В частности, социологические исследования, проводившиеся в последние годы в Словакии, свидетельствуют о том, что лишь 31 процент верующих участвуют в религиозных обрядах. Отрадно, продолжает автор, что именно молодежь становится носителем новых, социалистических гражданских обрядов и научного, материалистического мировоззрения.

«В целом после XIV съезда КПЧ,— пишет П. Прусак,— можно говорить об углублении процесса секуляризации в Словакии, о том, что атеизм приобретает здесь все более массовый характер... Подавляющее большинство верующих сегодня позитивно относится к социалистическому строю, вместе с атеистами активно участвует в строительстве развитого социалистического общества».

Вместе с тем в статье отмечаются и недостатки в атеистической работе, говорится о необходимости совершенствовать ее формы и методы.

Журнал регулярно публикует сообщения о результатах конкретных социологических исследований в школах, средних и высших специальных учебных заведениях Словакии. Так, в статье З. Шислера «Исследование уровня мировоззрения учащихся 5 — 9-х классов» (1976, № 6) анализируются факторы, влияющие на формирование научно-материалистического мировоззрения, и выявляется его зависимость от возраста учащихся одной из девятилетних школ г. Кошице. Всего с помощью анонимных анкет были опрошены 525 школьников. 5,5 процента из них дали идеалистические ответы на вопросы анкет, 7,5 — частично идеалистические, 6,6 — индифферентные, 10,8 — не до конца материалистические, 69,5 процента — материалистические. Характерно при этом, что в выпускном классе идеалистические ответы составили лишь 3,6 процента, а материалистические — 91,2.

Интересны также выводы Г. Петровича, приведенные в его статье «К проблематике мировоззренческого уровня выпускников» (1976, № 2). Анкетный опрос, проводившийся в двух гимназиях, профессионально-техническом училище и пяти техникумах в районе Зволена, пишет он, имел целью выявить наиболее эффективные факторы формирования материалистического мировоззрения выпускников средних учебных заведений. Из 713 опрошенных 57,8 процента назвали наиболее важным из таких факторов школу, 21,88 — литературу, радио и телевидение, 21,88 процента — семью. Автор делает вывод, что решающее влияние на формирование научно-материалистического мировоззрения молодежи оказывают учебные заведения.

Вместе с тем, говорится в статье, некоторые опросы свидетельствуют о том, что в районе Зволена Союз социалистической молодежи (ССМ) пока еще оказывает слабое влияние на мировоззрение учащихся. Лишь 2,8 процента опрошенных назвали ССМ в числе факторов, способствовавших формированию у них мировоззренческих взглядов, а 6,31 процента вообще отрицали какую-либо роль ССМ в этом процессе. Аналогичные данные приводит и В. Гуска в своем сообщении «Уровень мировоззрения учащихся среднего промышленного училища г. Спишска-Нова-Вес и выводы для воспитательной работы» (1976, № 3). Ответы 45 из них показали, что наиболее эффективной формой атеистического воспитания здесь стали клуб научного атеизма (29 ответов) и общественные науки (28 ответов). ССМ в этом ряду, к сожалению, занял лишь седьмое место (9 ответов).

Эти и другие подобные факты свидетельствуют о том, что необходимо усиливать мировоззренческо-воспитательную деятельность организаций ССМ. Важным шагом в этом направлении стал созванный идеологическим отделом ЦК ССМ Словакии первый республиканский семинар «Методы и формы мировоззренческого воспитания в ССМ», состоявшийся в декабре 1975 года.

Журнал опубликовал доклад на этом семинаре Алеша Секота «Формирование коммунистического мировоззрения молодежи и роль атеистического воспитания» (1976, № 2). В нем подчеркивалось значение комплексного подхода в атеистической работе, необходимость ее взаимосвязи с политической, трудовой, нравственной и эстетической подготовкой молодежи. В других докладах — Ш. Копчана «Формы и методы атеистического воспитания молодежи», П. Чернаи «Воспитание научного мировоззрения в ССМ», Э. Локайовой «Формы атеистического воспитания в девятилетних школах»,— а также в выступлениях на семинаре высказывались предложения, направленные на совершенствование содержания и методики формирования научного мировоззрения членов ССМ.

В журнале публикуются материалы о подготовке квалифицированных атеистов в высших учебных заведениях. Так, в статьях К. Кагана и А. Барабасовой «Динамика развития мировоззрения студентов» (1977, № 2, 3) и Т. Столарика «Система атеистического воспитания на педагогическом факультете Братиславского университета имени Я.-А. Коменского в Трнаве» (1976, № 4) отмечается улучшение идеологической подготовки специалистов после введения курса научного атеизма вначале на педагогических факультетах, а затем почти во всех вузах Словакии.

К. Каган и А. Барабасова, в частности, знакомят читателей с результатами исследований, проводившихся в сельскохозяйственном институте и на педагогическом факультете Братиславского университета в г. Нитре в 1974—1975 годах. При этом авторы сравнивают качество преподавания и усвоения научного атеизма на педагогическом факультете (где, кроме лекций, студенты посещают семинарские занятия и сдают экзамен по этой дисциплине) с результативностью аналогичного курса в сельскохозяйственном институте, где студенты лишь слушают лекции и сдают зачет. Исследование выявило более высокий уровень атеистической подготовки будущих учителей. Отсюда делается вывод, что семинарские занятия представляют собой один из наиболее действенных методов развития у студентов творческого подхода к изучению научного атеизма, закрепления и углубления знаний, полученных на лекциях.

Т. Столарик отмечает важную роль кружковой работы в атеистическом воспитании студентов педагогического факультета Братиславского университета в г. Трнаве. Другой действенной формой атеистического воспитания он считает уголок атеиста, созданный на факультете. Автор рассказывает о своем опыте: его студенты регулярно организуют тематические вечера, ведут по местному радиовещанию атеистические передачи — о культе богоматери, об инквизиции, на темы «Женщина и религия», «Великая Октябрьская социалистическая революция и Ватикан» и другие. «В будущем мы намерены,— пишет он,— расширить круг мероприятий. Намечено устроить выставку-продажу атеистической литературы, просмотр антирелигиозных фильмов и диапозитивов, проводить беседы. Члены атеистических кружков будут популяризировать гражданские обряды, которые мы считаем важной составной частью мировоззренческого воспитания наших соотечественников».

Регулярно информирует «Атеизмус» своих читателей о проходящих в Словакии семинарах и коллоквиумах по научно-материалистическому воспитанию и

* Предыдущие обзоры этого журнала см. в № [illegible] за 1974 г. и в № 7 за 1976 г.

преподаванию научного атеизма в высших учебных заведениях. На Школьском общесловацком семинаре по актуальным вопросам мировоззренческого воспитания, организованном Отделом пропаганды и агитации ЦК КПС, например, были заслушаны и обсуждены доклады его заведующего Я. Шкоды «Политические и идеологические вопросы формирования социалистического сознания», М. Топольского «Философско-теоретические и методологические основы формирования научного мировоззрения», А. Сирацкого «Марксистский гуманизм», М. Грушковца «Значение культуры и искусства в формировании научного мировоззрения», П. Прусака «Религиозность и атеистическое воспитание в Словакии» и другие (1976, № 2).

В № 3 за 1976 год рассказывается о семинаре преподавателей словацких вузов в Братиславе, на котором рассматривались вопросы атеистического воспитания студентов. Со своим опытом перед его участниками выступили профессора и доценты кафедр научного атеизма советских вузов П. Ф. Колоницкий, А. В. Ярtысь, Ю. И. Терещенко, В. Е. Ладоренко. Другой общесловацкий семинар — по теории, методологии и практике атеистической пропаганды — состоялся в Татранской Ломнице (1977, № 2). Значительный интерес его слушателей вызвали доклады О. Слепаковой «О психологических аспектах атеистического воспитания», Ф. Кубовича «К вопросу о методике анализа причин религиозности в Чехословакии», Г. Кухаровой «О значении данных социологических исследований для атеистической работы» и К. Кагана «О формах и методах атеистического воспитания в средней и высшей школе».

Проблемам атеистического воспитания школьников был посвящен проведенный в г. Жилине семинар «Методика работы в атеистических и астрономических кружках». Рассказывая о нем на страницах журнала (1976, № 4), Й. Намор отметил роль планетариев как центров не только популяризации естественнонаучных знаний, но и пропаганды диалектико-материалистического мировоззрения. Важно, чтобы каждая научно-популярная лекция в планетарии, подчеркивали участники семинара, имела в то же время и атеистическую направленность, органически вытекающую из самого ее содержания.

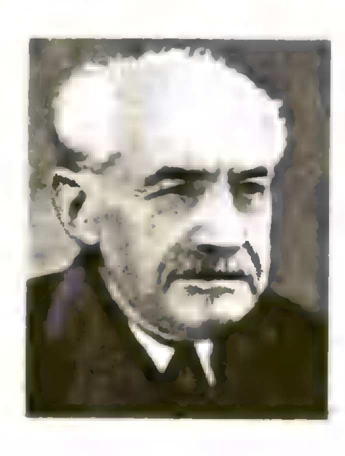
Коллоквиум о значении трудов классиков марксизма-ленинизма в современной идеологической борьбе, прежде всего — против клерикального антикоммунизма, состоялся в Братиславе. В его работе наряду с чехословацкими приняли участие и советские ученые (1977, № 4).

Известно, что более всего религиозность удерживается в бытовой сфере и проявляется в соблюдении религиозных обрядов. В заметке Ш. Копчана «День памяти умерших» (1976, № 5) говорится о необходимости популяризации новых безрелигиозных праздников и обрядов, в частности Дня памяти умерших, который в Словакии с каждым годом все больше теснит соответствующую религиозную традицию.

Журнал широко освещает советский опыт атеистического воспитания, почти в каждом номере публикует статьи наших авторов. Среди них можно назвать П. Ф. Колоницкого — «Великая Октябрьская социалистическая революция и победа научно-атеистического мировоззрения» (1977, № 4) и «Нравственное содержание научного атеизма» (1977, № 3); М. Я. Ленсу — «Марксистский атеизм в системе философских знаний» (1977, № 4); В. И. Гараджу — «Проблемы модернизации религии в современных условиях» (1977, № 4); М. П. Новикова — «Мировоззренческие аспекты критики религиозной идеологии» (1976, № 5); Р. А. Лопаткина — «О некоторых объективных факторах процесса секуляризации в условиях социалистического общества» (1976, № 5); К. И. Никонова — «Кризис религии и социологическая модернизация богословия» (1977, № 3); Ю. И. Терещенко — «Научный атеизм о сущности и роли морали» (1976, № 4); В. Е. Ладоренко — «Социальная сущность и цели современного экуменизма» (1976, № 4) и других. На страницах «Атеизмуса» выступают также ученые из других социалистических государств, например главный редактор болгарского журнала «Атеистична трибуна» профессор Н. Мизов — «Человек, религия, нация» (1976, № 6).

Все это говорит о крепнущем сотрудничестве исследователей и пропагандистов научного атеизма братских стран.

УЧЕНЫЙ, ПАТРИОТ, ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения известного чешского историка, искусствоведа, общественного и государственного деятеля Зденека Неедлы. Эта дата внесена ЮНЕСКО в «Календарь празднования годовщин великих людей и исторических событий».

Поразительна своей многогранностью деятельность Зденека Неедлы — основателя и бессменного президента Чехословацкой Академии наук, историка, основоположника чешского музыковедения, автора классических литературоведческих трудов, блестящих работ об изобразительном искусстве, архитектуре и театре. Он обращался к разным эпохам, исследовал общие процессы развития культуры, ее народные истоки и одновременно был чуток к творческой индивидуальности больших художников, сам обладал талантом оратора и публициста.

Полный перечень научных работ и других публикаций З. Неедлы насчитывает более 3800 названий. Среди них — два тома истории чешского народа, фундаментальные труды о песенном творчестве эпохи гуситских войн, история чешской оперы, четырехтомная монография об основоположнике чешской классической музыки Бедржихе Сметане.

Огромны заслуги З. Неедлы в воспитании чешской и словацкой творческой интеллигенции, в развитии литературно - художественной критики в Чехословакии.

При разработке вопросов эстетики З. Неедлы всегда считал главным критерием художественности правду. «Вероятно, — говорил он, — нигде правда не является таким главенствующим законом, как в искусстве. Только тот может считаться подлинным художником, кто придерживается правды».

З. Неедлы не только заложил основы чехословацкого социалистического искусствоведения, но и внес важный вклад в развитие социалистической историографии Чехословакии, в особенности — периода гуситского революционного движения и Национального возрождения. Перу Неедлы-историка принадлежат также труды «Ленин» (т. 1—2, 1937—1938) и «История Советского Союза» (1948).

Впрочем, с нашей страной выдающегося чехословацкого ученого связывали не только научные интересы, но и весь его жизненный путь борца-интернационалиста. З. Неедлы одним из первых деятелей зарубежной культуры приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, был основателем и председателем «Общества культурного и экономического сближения с Новой Россией» (1925 г.) и одним из руководителей «Союза друзей СССР» (1930 г.), еще до войны неоднократно бывал, а в период гитлеровской оккупации Чехословакии (1939—1945 гг.) жил в нашей стране.

Идеи братства славянских народов, широких международных культурных связей З. Неедлы претворял в жизнь, будучи после войны членом Президиума ЦК КПЧ, министром школ и народного просвещения, заместителем премьер-министра Чехословакии, президентом ее Академии наук, председателем Союза чехословацко-советской дружбы и Славянского комитета.

ДУХОВНАЯ СВОБОДА И ЕЕ „ЗАЩИТНИКИ“

Л. КУРПАКОВА,
кандидат
философских наук

Одним из демократических принципов, гарантированных конституциями социалистических стран, является принцип свободы совести, предоставляющий их гражданам прaво исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и быть атеистами. «Свобода совести гарантируется, — гласит, например, Конституция ЧССР. — Каждый гражданин имеет право исповедовать любую религию или же не исповедовать никакой религии, а также отправлять религиозные обряды, поскольку это не противоречит закону». «Гражданам обеспечивается свобода совести и вероисповедания. Они могут совершать религиозные обряды и вести антирелигиозную пропаганду»[1], — говорится в Конституции Народной Республики Болгарии. В конституциях Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии и других социалистических государств также сформулированы положения о свободе совести. Законодательство этих стран о религиозных культах, регулирующее взаимоотношения между социалистическим государством и религиозными организациями, служит интересам народов этих стран, общества в целом и основывается на марксистско-ленинских принципах отношения к религии и церкви.

В буржуазном же обществе, как известно, принцип свободы совести провозглашается лишь формально, предоставляя всевозможные права церковникам и вытесняя атеистов из всех сфер общественной и политической жизни. Таким образом, «буржуазная «свобода совести», — как писал Маркс, — не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести»[2].

Реакционные круги капиталистических стран используют религию в борьбе с прогрессивными силами, сталкивая различные группы верующих друг с другом и попирая тем самым принципы свободы совести. Достаточно упомянуть о событиях в Ольстере, Ливане или на Индостанском субконтиненте. Общеизвестной нетерпимостью характеризуется законодательство Израиля, которое открыто лишает гражданских прав лиц, не исповедующих господствующую в этой стране религию — иудаизм.

Перечень подобных примеров можно было бы продолжить. Все они убедительно свидетельствуют о невозможности претворить в жизнь общедемократические принципы свободы совести в буржуазном обществе.

После социалистических революций в ряде стран взаимоотношения между государством и церковью изменились коренным образом. И хотя на первом этапе новый строй зачастую наталкивался на враждебное отношение духовенства и определенной части верующих, успехи, достигнутые этими странами, содействовали переходу духовенства на лояльные позиции. И в настоящее время уже можно с полным правом говорить о сотрудничестве марксистов и христиан в странах социализма во всех сферах общественной жизни. Верующие здесь — равноправные граждане, пользующиеся всеми правами и выполняющие обязанности, провозглашенные конституциями этих стран.

Но такое положение не устраивает «защитников» веры — антикоммунистов, подвергающих всяческим нападкам политику социалистических государств в отношении религии и церкви. При этом ничего не говорится о том, что граждане этих стран имеют одинаковые права и обязанности, что они равны перед законом, независимо от своей религиозной принадлежности, однако утверждается, будто для борьбы с религией здесь используются такие средства, как, например, «тотальное вытеснение христиан из общественной жизни и одновременная дискриминация их государством и партией»[3].

Об этом можно судить даже по названиям статей, публикуемых буржуазной, в особенности клерикальной, прессой на Западе. «Люди в гетто — свобода религии в ГДР лишь фарс», «Угнетенная церковь в Восточной Германии», «Христиане чувствуют себя в тисках», «Церковь в окружении» — под такими или подобными заголовками вмешивается во внутренние дела ГДР, в частности, западногерманская и швейцарская правая печать.

На самом же деле в ГДР, как и в других странах социалистического содружества, права верующих и религиозных общин определяются и гарантируются Конституцией. «Каждый гражданин Германской Демократической Республики, — гласит статья 20, — независимо от своей национальности, расы, мировоззрения или вероисповедания, социального происхождения и положения, имеет равные права и обязанности. Свобода совести и вероисповедания гарантируется. Все граждане равны перед законом». А статья 39 гласит: «Каждый гражданин Германской Демократической Республики имеет право на свободу вероисповедания и отправление религиозных обрядов. Церкви и другие религиозные общины регулируют свои дела и осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией и законами Германской Демократической Республики. Подробности могут быть урегулированы путем соглашений»[4].

На практике это означает, что на базе конституционных положений о свободе совести правительство может заключать соглашения с религиозными организациями, определяющие статус церкви и позволяющие решать вопросы, возникающие в области взаимоотношений между церковью и государством. В ГДР в рамках такого соглашения церкви получают от государства субсидии на свои расходы по социальному обеспечению, на ремонт и реставрацию церковных зданий, являющихся памятниками архитектуры.

«Социалистическое государство, — говорится в Программе партии, принятой IX съездом СЕПГ, — гарантирует всем гражданам политические свободы и социальные права: право на труд, на отдых, на бесплатное образование и защиту здоровья, на материальную обеспеченность в старости, в случае болезни или потери трудоспособности; равноправие всех граждан, независимо от расовой и национальной принадлежности, от социального положения»[5].

Таким образом, Конституция ГДР гарантирует гражданам страны их права, последовательно проводит принцип свободы совести, полная реализация которого возможна лишь в условиях социализма.

Характеризуя религиозную ситуацию в Польше, злонамеренные авторы толкуют о каких-то «конфликтах между польским государством и верующими», о том, будто «в Польше существует лишь гражданский мир между государством и церковью»[6], разделяя тем самым ее население по религиозному признаку. Известно, однако, что социалистические государства не разделяют своих граждан по религиозному признаку, объединяют верующих и неверующих для построения развитого социалистического и коммунистического общества.

Не случайно поэтому статья 69 Конституции ПНР гласит: «1. Граждане Польской Народной Республики, независимо от национальности, расы и вероисповедания, имеют равные права во всех областях государственной, политической, хозяйственной, общественной и культурной жизни. Нарушение этого принципа путем установления каких-либо прямых или косвенных преимуществ или ограничений в правах в зависимости от национальности, расы или вероисповедания карается законом. 2. Распространение ненависти или... унижение человека в связи с национальными, расовыми или религиозными различиями воспрещается»[7].

Впрочем, попытки фальсифицировать положение верующих в странах социализма опровергаются самими же теологами, деятелями христианских партий, функционирующих в ряде социалистических стран.

---

[1] «Конституции зарубежных социалистических государств Европы». М., 1973, стр. 403, 116.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 30.

[3] "Herder-Korrespondenz", Freiburg in Breisgau, 1977, № 5, S. 220.

[4] «Конституции зарубежных социалистических государств Европы», стр. 224, 234.

[5] «Neues Deutschland», 25. V. 1976.

[6] "Herder-Korrespondenz", 1976, № 10, S. 502.

[7] «Конституции зарубежных социалистических государств Европы», стр. 305—306.

Председатель Христианско-демократического союза (ХДС) ГДР Геральд Гёттинг, например, выступая на заседании президиума главного правления ХДС в Бургшайдунгене, заявил: «Никогда прежде в немецкой истории христианские граждане не имели таких больших возможностей влиять на дело мира и общественного прогресса, какие они имеют в наши дни в Германской Демократической Республике. Никогда в прошлом Германии церквам также не предоставлялся такой объем свободы для ответственных речей и действий, направленных на дело мира и благо людей, какой они имеют сегодня в условиях нашего социалистического государства»[8].

Нападкам «защитников» религии подвергается формирование у детей и подростков материалистического мировоззрения. Причину того, что процент посещаемости уроков религии, например в Чехословакии, постоянно снижается, они видят не в том, что дети перестают верить в бога, становятся атеистами, а в том, что это якобы «страх перед будущим»[9]. На самом же деле в Чехословакии, как и в других социалистических странах, меньше всего религиозна именно молодежь. В частности, социологические исследования, проведенные в Словакии Исследовательским институтом культуры и общественного мнения в Братиславе в 1971—1974 годах, показали, что только девять процентов молодых людей от 15 до 29 лет связаны с религией[10].

Характеризуя религиозную ситуацию в Венгрии, идеологи антикоммунизма обеспокоены тем, что в некоторых областях «преподавание религии совершенно исчезло или оттеснено на задний план»[11]. Причина этого, по их мнению, заключается в том, будто органы власти насильственно препятствуют преподаванию религии. В действительности же в ВНР, как и в других социалистических странах, молодежь все больше отходит от религии, становится на материалистические позиции. Как правильно отмечает венгерский марксист М. Мурани, «мнения» и «взгляды» ребенка от 5 до 11 лет в большинстве случаев являются простым отражением взглядов и мнений наиболее близких в эмоциональном отношении людей — родителей, родственников, друзей, которые и влияют на формирование его мировоззрения. И если в верующей семье на ребенка и оказывают влияние именно взгляды близких ему людей, то позже, общаясь со своими сверстниками-атеистами, овладевая все большим и большим объемом знаний, дети из верующих семей все чаще перестают верить в бога.

А в ГДР, по утверждению антикоммунистов, школьники, посещающие уроки религии, будто бы подвергаются всяческим нападкам и после окончания школы не могут поступить в вуз; причем дискриминации подвергаются-де не только верующие учащиеся, но и их родители. Но, как известно, в ГДР не только отменены какие-либо ограничения на получение образования верующими, но в ряде государственных высших учебных заведений имеются теологические факультеты. В программе СЕПГ, принятой еще на ее VI съезде (1963 г.), говорится, что «партия обеспечивает распространение естественнонаучных и технических знаний, она всесторонне пропагандирует идеи философского материализма и научно обоснованное атеистическое мировоззрение, сохраняя при этом полное уважение религиозных чувств верующих»[12]. На практике марксисты ГДР руководствуются этим партийным документом. Поэтому здесь не может быть и речи о дискриминации граждан по религиозному признаку. Подрыв в ГДР социальных корней религии — закономерность, присущая социалистическому обществу. Среди школьников этой страны, например, религиозность, составлявшая 20—25 лет назад 80 процентов, ныне снизилась до 10—12 процентов. Связь молодежи с религией продолжает ослабевать[13].

Еще одним распространенным приемом в нападках на политику социалистических государств в отношении религии и церкви являются всякого рода домыслы вокруг отсутствия в этих странах официальных статистических данных о числе верующих.

Наши идейные противники усматривают в этом какую-то попытку «замаскировать» высокий процент верующих и даже «возрождение религии» в социалистическом обществе. Между тем тот факт, что социалистические государства не ведут учета населения по вероисповедному признаку, — еще одно свидетельство отделения церкви от государства и осуществления принципов свободы совести.

Подобные домыслы также убедительно опровергаются конкретно-социологическими исследованиями, проводимыми в социалистических странах. Их данные, напротив, свидетельствуют о том, что атеизм стал массовым явлением, и выявляют закономерности отхода трудящихся от религии и церкви.

Так, например, немецкие ученые В. Мазула и Г. Люттер, анализируя состояние религиозности в трех крупных городах страны, пришли к выводу, что около половины их населения не связано с религией, обряд крещения совершают не более 10 процентов горожан, венчаются 15—20 процентов, по церковному обряду совершается только половина всех похорон. Социологические исследования, проведенные Институтом философии Болгарской Академии наук, показывают, что верующие составляют лишь около трети населения страны[14].

Таким образом, мы видим, что в странах, где до социалистических революций почти все население было связано с религией, все больше людей отходят от нее, становятся на материалистические позиции.

Разграничивая людей по религиозному признаку, идеологи антикоммунизма пытаются доказать невозможность социально-политического сотрудничества марксистов и верующих трудящихся в условиях социалистического общества. «На практике невозможно сосуществование между социализмом и христианской верой»[15], — утверждают они, характеризуя, к примеру, практическое сотрудничество марксистов и христиан в ЧССР.

Утверждения буржуазных авторов, «специализирующихся» на вопросах взаимоотношений социалистического государства с церковью, будто целью его политики является «насильственное искоренение религии», возведенное в этих странах в ранг государственной политики, лишены каких-либо оснований.

Борьба с религиозной идеологией не является самоцелью коммунистических и рабочих партий; главное для них — социальное переустройство общества, вовлечение в него всех трудящихся, в том числе и верующих. В основе отношения этих партий к религии, церкви и верующим лежит ленинский принцип сотрудничества неверующих и верующих трудящихся в деле построения социалистического и коммунистического общества.

Таким образом, свобода совести, провозглашенная социалистическим государством, предполагает равенство в правах всех членов общества, независимо от их религиозной принадлежности или отсутствия таковой. Свобода совести гарантируется гражданам социалистических стран. Но религии при социализме противостоит решительно все — это и социалистический образ жизни, и общественные отношения в этих странах, и гуманизм социалистического общества.

Только в социалистическом обществе возможно полное и безоговорочное осуществление свободы совести, которое наряду с общими закономерностями имеет и свои особенности, обусловленные конкретными условиями той или иной страны.

---

[8] «Neues Deutschland», 16. IX. 1976.

[9] «Herder-Korrespondenz», 1976, № 2, S. 92.

[10] См.: «Вопросы научного атеизма», вып. 21. М., 1977, стр. 150.

[11] «Herder-Korrespondenz», 1976, № 1, S. 7.

[12] Цит. по: В. Ульбрихт. Программа социализма и историческая задача СЕПГ. М., 1963, стр. 327.

[13] См.: Олоф Клор. Идейная закалка студентов. «Наука и религия», 1975, № 10.

[14] См.: «Религия и церковь в современную эпоху». М., 1976, стр. 94—95.

[15] "Herder-Korrespondenz", 1976, № 2, S. 90.

УКАЗАНИЯ КАТОЛИЧЕСКОГО ЦЕНЗОРА

В историю цензуры вошел австрийский правительственный советник Франц-Карл Хэгелин. Через его руки более четверти века (1770—1804 гг.) проходили все театральные постановки Австрийской империи. К своему уходу в отставку он подготовил и издал для наследников по должности любопытную книгу. Озаглавлено это духовное завещание цензора так: «Своего рода катехизис для всех цензоров настоящего и будущего, в котором проницательно излагаются тысячи соображений, предосторожностей и догадок, исходить из которых в угоду богу должен цензор, чтобы миновать все капканы фривольности, политического и религиозного нигилизма».

Вот суть его указаний, касающихся религиозных вопросов. В диалоге следует избегать всех библейских, церковно-иерархических или связанных с катехизисом выражений. Не позволяется говорить «стар, как Мафусаил», «мудр, как Соломон». Нельзя говорить: «Жирен, как соборный священник». Упоминать святых на сцене запрещается, как и произносить слова «молитва», «грех» и т. д. Влюбленные до окончания пьесы обязательно должны сочетаться законным браком, но само таинство брака слишком священно, чтобы изображать его на сцене. Вместо «смертный грех» надо говорить «тяжелое преступление»...

Славная летопись народа

150 лет назад Армения присоединилась к России. Это знаменательная веха как в жизни армянского народа, так и всех братских народов страны. Корреспондент нашего журнала встретился с председателем Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Армянской ССР С. Б. Багдасаряном и задал ему несколько вопросов.

— Спартак Бениаминович, вначале я бы просил вас сказать несколько слов о том, как отмечается в республике 150-летие присоединения Армении к России, как, в частности, откликнулись на это важное событие книгоиздатели.

— Сейчас, оглядываясь на полтора столетия назад, еще глубже понимаешь ту огромную роль, которую сыграла Россия в спасении нашего народа. В течение веков над многострадальной Арменией скрещивались окровавленные мечи завоевателей. Страна была разорена, насильственно разделена, обречена на бесправие и нищету. Порой народ делал отчаянные попытки освободиться, но все они были обречены на неудачу. И наиболее дальновидные армянские деятели в поисках выхода обращали свои взоры к России.

Недалеко от нашей столицы, в Араратской долине, высится памятник на братской могиле русских солдат и армянских воинов, освободивших Ереван от персидского владычества 1 октября 1827 года. В их рядах были и многие декабристы, сосланные на Кавказ. Первым ворвался в ереванскую крепость полк, сформированный из солдат, восставших 14 декабря на Сенатской площади. В феврале 1828 года был заключен Туркманчайский договор, по которому Эриванское и Нахичеванское ханства перешли к России. Благодаря усилиям великого русского писателя А. С. Грибоедова, который тогда был послом в Персии, 40 тысяч армян получили право переселиться из этой страны на родину, позже вернулись еще 90 тысяч. Великий армянский просветитель Хачатур Абовян писал: «Эривань почувствовал крылья, когда русское войско в него вступило... Тоскующий взор армянина не увидит более слез, он увидит свою родину».

Знаменательной годовщине посвящено немало выпускаемых в республике книг. Вот лишь некоторые из них: роман классика армянской литературы Х. Абовяна «Раны Армении» — на русском и армянском языках; сборник произведений армянских поэтов, воспевающих дружбу между двумя народами, начиная с древних времен и до наших дней; книга С. Рассадина «Плюс десять веков» — о литературных связях наших народов. Выйдут также «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина, «Путевые заметки» А. С. Грибоедова и многие другие произведения, раскрывающие истоки дружбы армянского и русского народов.

— Нам известно, что среди этой литературы в тематических планах республиканских издательств на первом месте стоят произведения классиков марксизма-ленинизма, а также литература, связанная с выполнением решений XXV съезда КПСС. Учитывая профиль нашего журнала, просим подробнее остановиться на мировоззренческой литературе, в том числе атеистической.

— Конечно, первое место в нашем книгоиздании по праву занимают произведения классиков марксизма-ленинизма. За годы Советской власти в республике издано около четырехсот названий произведений В. И. Ленина, общим тиражом более трех миллионов экземпляров.

Вышли в свет переведенные на армянский язык пять томов выступлений и статей Л. И. Брежнева «Ленинским курсом». Многочисленными тиражами издаются книги и брошюры, посвященные коммунистическому воспитанию советских людей, особенно молодежи, формированию научного мировоззрения. Опубликованы интересные исследования по различным отраслям знаний, например работы академика В. Амбарцумяна о строении Вселенной и происхождении звезд. Вышли: сборник «Философские и социальные проблемы научно-технической революции», книги А. Манасяна «Наука и мировоззрение», Л. Геворкяна «Роль мировоззрения и формирование духовного развития нового человека» и другие.

Среди этой литературы нашла свое достойное место и литература атеистическая. В первую очередь хочу отметить сборники «Маркс, Энгельс, Ленин о религии», «Научный атеизм», «Деятели Октября о религии и церкви». Далее книги А. Мурадяна «Особенности атеистической пропаганды», М. Шахновича «Происхождение философии и атеизм», А. Свасяна «Слово о предрассудках, суевериях и сновидениях», В. Дарбиняна «Современная проблема атеистического воспитания трудящихся», Ж. Арутюняна «Научно-атеистическая пропаганда на уроках химии», М. Даниеляна «Реакционный характер религиозной морали», Л. Канцяна «Воспитать активных атеистов», А. Саркисяна «Кризис церкви в современных условиях».

Большим подспорьем для беседчиков, лекторов, агитаторов, пропагандистов атеизма стал выпуск сборника «Армянский писатель и фольклор против религии». Здесь собраны произведения многих поколений армянских писателей, известных своим свободомыслием. Думаю, он найдет одобрительный отклик у самого широкого круга читателей.

Следует отметить, что в последнее время повысился идейный и эстетический уровень произведений наших авторов, возросло их мастерство. Недавно в республике создано издательство «Советакан грох» («Советский писатель»). С новыми произведениями, отражающими различные стороны нашей жизни, выступили писатели А. Сагиян, С. Ханзадян, В. Давтян, С. Капутикян, В. Петросян и другие. Известному поэту Геворку Эмину в прошлом году была присуждена Государственная премия за книгу «Век, земля, любовь». Признания читателей удостоились произведения Г. Матевосяна, М. Галшояна, В. Балаяна, А. Саниян, М. Маркарян и других. Начато издание собраний сочинений армянских классиков.

Русские классики переводились на армянский язык и до революции. Однако лишь в годы Советской власти их издание приобрело небывалый размах. Десятки раз издавались произведения А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, М. Шолохова. Неоднократно печатались книги А. Фадеева, К. Федина, К. Симонова, Н. Тихонова, Н. Островского, Д. Фурманова. Всего у нас издано более тысячи названий книг русских и советских писателей, общим тиражом около шести миллионов экземпляров. Это яркое свидетельство великой любви армянского народа к русской литературе. Массовыми тиражами выходят в Армении переводы произведений писателей Украины, Грузии, Азербайджана, Белоруссии, Эстонии и других республик нашей страны.

— Как известно, армянский алфавит — один из древнейших в мире. Что в связи с этим можно сказать об истории национальной книги?

— Созданный еще Месропом Маштоцем алфавит действует и поныне. Первые слова, написанные армянскими письменами, звучат как завет поколениям: «Познать мудрость и наставления, понять изречения разума...» В настоящее время в мире насчитывается 25 тысяч рукописей на армянском языке. 15 тысяч из них хранятся в Ереване, в знаменитом книгохранилище Матенадаран имени Месропа Маштоца. Это труды по истории, географии, праву, медицине, математике, астрономии.

О том, как уцелели многие из них, можно было бы написать десятки приключенческих романов. Одна из самых больших рукописных книг (весом более двух пудов) была спасена армянскими беженцами. Ее разделили на две части, чтобы легче было нести. Одна половина попала в Матенадаран в 20-е годы, вторая — много позже. Даже во время гонений, поспешного бегства из родных мест, когда люди нередко вынуждены были бросать весь свой скарб, книги они сохраняли. Испытывая постоянные преследования, лишенные родины, армяне выпустили свою первую печатную книгу в Венеции: в 1512 году армянский первопечатник Акоп Мегапарт типографским способом издал там «Парзатумар» (календарь). А в 1660 году армянское книгопечатание обосновалось в Амстердаме. Позднее такие типографии создаются и в других странах.

— Как в развитии книгоиздательского дела отразились сдвиги, которые произошли в духовной жизни Армении за годы Советской власти?

— Тут нельзя не вспомнить о трагическом парадоксе нашей истории: население страны, 1600 лет назад создавшей свой алфавит, сохранившей в переводах сокровища мысли многих древних народов земли, к началу XX века было на 90 процентов неграмотным. Коренные перемены принесла нам Октябрьская революция. Сегодня всеобщее среднее образование, десятки учебных и научных институтов, Академия наук, консерватория, театры, музеи — характерные черты духовной жизни социалистической Армении.

Вот что, к примеру, писал австралийский журналист Эрик Торнтон, посетивший республику в 1965 году: «Ныне Ереван — прекрасный город, с замечательной архитектурой. Город, более древний, чем Рим, население которого до 1920 года составляло лишь 30 тысяч человек, ютившихся в грязных хибарках, город, не имевший промышленности, теперь достиг вершин культурного и промышленного развития».

В советское время наступил подлинный расцвет армянской книги. В 1913 году в Армении вышло всего 55 названий книг и брошюр, в 1927 году — около 400 названий. А в настоящее время издательства республики ежегодно выпускают около 1000 названий книг общим тиражом более 10 миллионов экземпляров.

— В прошлом году в жизни Советской страны произошли важные события — наш народ принял новую Конституцию и торжественно отметил 60-летие Великого Октября. Что сделано в этой связи книгоиздателями республики?

— Еще за год до юбилея Октября мы начали выпускать литературу к этой знаменательной дате. Многие юбилейные издания были посвящены международному значению Октябрьской революции, единству революционной борьбы международного рабочего класса и национально-освободительного движения. Среди них книга А. Тамазяна «Ослабление международной напряженности и мировой революционный процесс», монография Ц. Агаяна «Великий Октябрь и современный революционный процесс». О том, что дал Великий Октябрь армянскому народу и другим народам нашей страны, говорится в сборнике «Индустриальная Армения», монографии Г. Галояна «Октябрьская революция как решающий фактор национального возрождения народов Закавказья» и в других книгах.

В республике развернулась большая работа по пропаганде достижений социализма и отдельных положений новой Конституции. Это не единовременная кампания, а одна из основных линий нашего книгоиздания: литература такого рода будет выходить у нас постоянно.

г. Ереван

Наше обозрение

АТЕИЗМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

«АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ». Сборник трудов ученых социалистических стран. М., «Высшая школа», 1977, 198 стр., 12 000 экз., 75 коп.

По атеистическому воспитанию студенческой молодежи накоплен немалый опыт. Однако жизнь ставит все новые и новые задачи. Решить их — дело нелегкое. Тем более, что речь идет о выработке общих принципов атеистического воспитания студенчества не только в СССР, но и в других странах социалистического содружества.

Неизбежно возникают вопросы: применимы ли принципы атеистического воспитания, разработанные у нас, в специфических условиях каждой социалистической страны? Обогащается ли теория и практика атеистического воспитания студенчества опытом вузов стран, ставших на путь строительства социализма позже, чем СССР? На оба эти вопроса следует ответить утвердительно. Единая стратегическая линия в формировании мировоззрения студенческой молодежи определяется сходными социально-экономическими условиями, общими задачами, которые требуют своего решения в процессе социалистического строительства.

Коллективная монография, написанная учеными социалистических стран, позволяет увидеть, что в этой области атеистического воспитания наступил этап обмена опытом и взаимообогащения идеями, причем на передний план выходят проблемы координации усилий, сотрудничества высших учебных заведений.

Прежде всего — неразрывное единство атеистического воспитания с обучением, утверждают авторы монографии. «Основной формой атеистического воспитания является атеистическое образование, которое осуществляется или в ходе учебного процесса, или в сети просвещения на базе партийных и общественных организаций», — пишет в статье «Роль атеистического воспитания в формировании мировоззрения студентов» Ю. Сухи (ЧССР).

Учитывая, что курс научного атеизма введен не во всех вузах социалистических стран, авторы некоторых статей обращают внимание на изыскание возможностей атеистического воспитания в процессе преподавания естественных и гуманитарных дисциплин, марксистско-ленинской философии.

В вводной статье «Высшая школа — важное звено в системе атеистического воспитания молодежи» М. Конкин и Ю. Москалев обобщают опыт формирования научного мировоззрения в вузах СССР. Здесь рассказывается о том, что атеистическое воспитание успешно осуществляется как в ходе учебного процесса, так и во внеучебной работе, авторы освещают оправдавшие себя методы формирования у студентов научных взглядов на мир и атеистической убежденности. В этой статье намечены также общие задачи, нашедшие отражение почти во всех статьях сборника. Они прямо конкретизируются и развиваются далее в многоплановой статье Н. Козачишин «Принцип единства образования и воспитания в преподавании научного атеизма».

В статьях Ф. Джорджеску «Некоторые вопросы атеистического воспитания в высшей школе СРР» и Н. Мизова (НРБ) «Значение высшего образования в формировании научно-атеистического мировоззрения студентов» обращается внимание на специфику социалистической системы образования по сравнению с капиталистической.

Введение в учебные планы вузов курса научного атеизма способствовало развитию внеучебных форм атеистического воспитания. Это хорошо показано в статье К. Кагана (ЧССР) «Особенности атеистического воспитания в сельскохозяйственном институте».

Анализ и уточнение понятия «атеистическое воспитание» даны в статье И. Яблокова «Особенности становления атеистического сознания студенческой молодежи».

В монографии нашла дальнейшее развитие проблема совершенствования системы атеистического воспитания, комплексного подхода к формированию научного мировоззрения. Общие требования к воспита-

тельной работе сформулированы Й. Лукачем (ВНР) в статье «Некоторые методологические проблемы марксистской критики религии в университетском преподавании». Особенно важны, пишет он, «анализ научных понятий», предельная конкретизация проблем, чистота принципов, методологическая гибкость, тщательный учет уровня знаний и идеологического развития слушателей, сочетание интеллектуальной аргументации и эмоционального воздействия, простота при полном отсутствии вульгаризации».

Разработка принципов атеистического воспитания невозможна без изучения его объекта. Каков он, сегодняшний студент, каковы его духовные запросы и искания? От ответов на эти вопросы зависит выбор форм и методов работы с молодежью. Поэтому закономерно, что внимание многих авторов приковано к личности современного студента. Р. Шима (ЧССР) в статье «Исходное мировоззрение студентов и основные направления атеистического воспитания в высшей школе» показывает эволюцию мировоззрения студенчества под влиянием изменений материальных, социальных, политических и культурных условий, которые произошли в ЧССР за последние 30 лет. Характеристики студенчества как социальной группы, отличающейся высокой мобильностью, стремлением решить вопросы о своем месте и своей роли в обществе, данные И. Яблоковым, дополняют М. Мурани (ВНР) в статье «Психологические проблемы атеистического воспитания учащихся высших учебных заведений» и И. Улыбин — «Воспитание атеистической убежденности в процессе преподавания курса основ научного атеизма».

Рисуя облик студентов наших дней, авторы монографии предлагают различные варианты типологии их отношения к религии: «индифферентные» и «ритуалисты» (И. Яблоков), «пассивные и равнодушные» (К. Каган), «формально религиозные» (М. Мурани), «индифферентные в области мировоззренческих проблем» (Д. Дагвадорж). При характеристике верующих студентов отмечается, что у них усиливается тенденция к игнорированию традиционной религиозности, тяга к модернизированным формам религии.

Студент — не только объект воспитания, но и субъект «процесса самовоспитания и самостоятельного стремления к научному мировоззрению», подчеркивает А. Новицкий (ПНР) в статье «Атеистическое воспитание как средство преодоления религиозно-националистического влияния на молодежь». Отсюда закономерен вывод, что в наши дни, как никогда раньше, следует опираться на творческие качества студента. «Эффективность нашей воспитательной работы будет возрастать в той мере, в которой нам будет удаваться превращать процесс воспитания в процесс самовоспитания», — пишет Й. Лоукотка в статье «Главные задачи научно-атеистического воспитания в высших учебных заведениях ЧССР».

Подобный подход определяет и специфические методы воздействия на сознание студента. На первый план выдвигаются полемический способ изложения материала, отказ от лобового опровержения религиозных догм, развертывание дискуссий, взвешивание аргументов «за» и «против», требование не навязывать готовых истин, а научить понимать, что истины находятся в движении, развитии.

Большое место в монографии занимает проблема формирования атеистической убежденности. При этом И. Улыбин обращает внимание на диалектическое взаимодействие практической и познавательной деятельности студента. Это положение подкрепляет конкретными примерами С. Даш (МНР) в статье «Привлечение студенческой молодежи к научно-атеистической пропаганде».

Рассматривая атеистическое воспитание как часть коммунистического воспитания, М. Новиков в статье «О единстве нравственного и атеистического воспитания» подчеркиввет, что марксизм впервые поставил «атеистическое воспитание в прямую связь с формированием всесторонне развитой личности». Другие авторы монографии тоже обращают внимание на этот факт, отводят значительную роль специфике социального и культурного развития той или иной страны, так как именно она диктует выдвижение на первый план задач, обусловленных конкретно-историческими обстоятельствами. Не случайно О. Клор (ГДР), Ф. Кубович (ЧССР), Ю. Сухи (ЧССР) и А. Новицкий (ПНР) раскрывают единство атеистического и идейно-политического воспитания, выявляют его возможности в приобщении молодежи к активному участию в строительстве социализма, считают его средством преодоления религиозно-националистического влияния.

Значительное место в монографии уделено содержанию того учебного материала, с помощью которого наиболее эффективно формируется научное мировоззрение. Авторы единодушны в том, что в центре внимания должны стоять следующие проблемы: анализ религии как социального явления, критика богословских попыток защитить ее, раскрытие противоположности науки и религии (этому вопросу посвящена статья В. Тоуфара «Противоположность научного и религиозного мировоззрения», ЧССР), необходимость обращения к истории свободомыслия, к атеистическому наследию Маркса, Энгельса, Ленина, разъяснение политики марксистских партий в отношении религии и церкви, раскрытие гуманистического характера научного атеизма.

В монографии обращается внимание на усиление тенденции теологов отождествлять религию и культуру, говорится о значении правильного осмысления национальных традиций, показ преемственности между современной социалистической культурой и прогрессивным содержанием культуры предшествующей. И. Коня, например, в статье «Из опыта атеистического воспитания в университетах Венгрии» считает необходимым в атеистическом воспитании учитывать прогрессивные традиции.

Красной нитью проходит в монографии мысль, что задача научного атеизма — не просто отрицание религии, что необходимо «дать молодому человеку систему новых идей, аргументов, ценностей, эстетических переживаний, которые сделали бы старое мировоззрение, в том числе религиозные представления, старую жизненную ориентацию невозможными». Это достижимо лишь в том случае, если ученые, пристально следя за развитием общества, его духовной жизнью, постоянно ставят и решают проблемы, выдвигаемые действительностью. Вот почему теоретические соображения по некоторым вопросам формирования научного мировоззрения, изложенные в монографии, представляют значительную ценность и обогащают содержание атеистического образования и воспитания. Тем более что они продиктованы практикой социалистического строительства и в свою очередь направлены на решение практических задач, связанных с построением нового общества. Отсюда та высокая оценка, которая дана в монографии атеистическому воспитанию: являясь мощным фактором реализации социальных норм коммунистического общества, оно становится нравственной ценностью.

Сочетание теоретических исследований проблем научного атеизма с практическими рекомендациями в области атеистического воспитания студенчества социалистических стран, поиски новых форм воспитательной работы, новых путей связи атеистического воспитания с практикой социалистического строительства, тщательный отбор наиболее оправдавших себя эффективных средств воздействия на молодежь — все это делает монографию полезным пособием для работников вузов. К тому же она является превосходным примером плодотворности содружества марксистов братских социалистических стран.

М. ДАНИЛОВА,
З. ТАЖУРИЗИНА,
кандидат философских наук

«И БЫЛО УТРО: ДЕНЬ ПЯТЫЙ...»

Анатолий Варшавский. В НАЧАЛЕ ВСЕХ НАЧАЛ. М., «Детская литература», 1977, 252 стр., 50 000 экз., 55 коп.

«И сказал бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую... и было утро: день пятый», — говорит Библия о сотворении богом жизни на Земле и о времени этого деяния. Растения, по ее свидетельст-

ву, были «сотворены» на два дня раньше. О возрасте сотворения Мира и жизни богословы спорят между собой до сих пор. Наиболее «точными» в их кругах считаются подсчеты, произведенные епископом Лайтерутом, который «доказал», что Мир сотворен господом в девять часов утра 18 октября 4004 года до рождения Христа. Тогда по библейской арифметике жизнь на Земле появилась 20 октября (растения), 22 — (пресмыкающиеся и птицы) и 23 октября («скоты, гады и звери земные» и человек).

Но примерно в то же время, когда формировался библейский свод, известна была кардинально иная точка зрения на происхождение нашего Мира. «Из ничего не творится ничто по божественной воле», — утверждал древнеримский поэт и естествоиспытатель Лукреций Кар. И до сегодняшнего дня эта проблема — одна из основных в давней полемике материалистов с идеалистами. Свое слово в ней сказал и известный детский писатель Анатолий Варшавский.

Его книга — увлекательное повествование для юных о том, как происходило зарождение живого, и в то же время рассказ о становлении и развитии науки о жизни, об открытиях, на первый взгляд не имеющих отношения к этой глобальной проблеме, но на самом деле сыгравших значительную роль в процессе познания Мира. Это книга и о людях науки, об их исканиях, о крайне сложном, непрямом пути к истинному знанию, о гипотезах, ставших теориями, о теориях, не выдержавших проверки временем.

Научные открытия в книге А. Варшавского — не фон и не иллюстрация правильности основополагающих выводов одного из стержневых направлений современной биологии — теории развития. Перед читателем предстают основные, поворотные пункты развития эволюционной теории органического мира. Ж. Ламарк и переворот в биологии, связанный с работами несостоявшегося священника, но блестящего естествоиспытателя Ч. Дарвина, появление новой науки — генетики и успехи электронной микроскопии. Наконец, что особенно важно для формирования материалистического взгляда на мир, автор показывает, как взаимосвязываются, взаимодействуют между собой совсем разные отрасли знания и как союз этих наук, особенно естествознания и марксистской философии, дает возможность строить реальную теорию происхождения и развития жизни на Земле, подтверждая ее в эксперименте.

Не будем в короткой рецензии обращаться к деталям знаменитой теории А. И. Опарина о происхождении жизни. Она раскрывается в книге столь же увлекательно, сколь и доходчиво. Нам важно выделить еще одно достоинство этой работы. За последнее время в научно-популярной литературе все чаще встречаются публикации, где содержится осмысление научных достижений с позиций марксистско-ленинской философии. В этом отношении книга А. Варшавского может служить образцом, если учесть к тому же молодого читателя, которому она предназначена. Однако высокий научный потенциал информации делает книгу необходимой всем, кто занимается атеистическим воспитанием, в частности преподавателям биологии и химии. И в «наше время целый ряд великих проблем волнует и возбуждает умы: вопрос о единстве или множественности человеческих рас, о том, был ли человек создан несколько тысяч лет или несколько тысяч столетий назад, вопрос о неизменности видов или о медленном, постоянном превращении одного вида в другой, вопрос о вечности материи, вне которой ничего не существует, о бесполезности бога...». Эти слова, приведенные А. Варшавским, были сказаны в 1864 году великим Луи Пастером, но актуальны они до сих пор.

В заключение хочется сказать о незначительном и все же обращающем на себя внимание недостатке книги — некоторой фрагментарности повествования. И хотя автор остался верен своей творческой манере, делая читателя словно бы непосредственным участником совершающихся в разное время событий, здесь дробность сюжета такова, что она влечет новые вопросы. Но, может быть, вопросы нужны, и такое построение — еще одно достоинство интересной и умной книги?!

В. ЗЫБКОВЕЦ

ПУТЬ АННЫ

Б. Яранцев. ДВЕРИ СВОЕГО ДОМА. М., «Молодая гвардия», 1977, 240 стр., 100 000 экз., 77 коп.

Роман Бориса Яранцева «Двери своего дома» кончается грустно. Героиня его, совсем еще молодая женщина Анна, совершив путешествие «к богу и обратно», живет не как все. Все время на ферме или одна. Ни в клуб, ни в церковь не ходит. Прошел в районе День животновода, когда передовым дояркам должны были торжественно, при всех вручать подарки. В район Анна не поехала. Отрез на платье ей отдали в правлении. «Анця — как дерево, у которого сердцевину спалило. И крепкое вроде, и листья зеленые, а все одно мертвое», — так говорят про нее.

В этом романе постоянные наши читатели узнают многое и вспомнят искреннюю и глубокую повесть «Тихая ты наша обитель», которая получила в 1973 году премию журнала «Наука и религия». На читательских конференциях и в письмах горячо обсуждалось это произведение и, как можно видеть теперь, это и сослужило автору и его произведению добрую службу. Теперь, сравнивая повесть, напечатанную в журнале, и роман, можно сказать, что если пребывание в монастыре и уход из него были логичны и художественно оправданы, то причины, заставившие вчерашнюю выпускницу десятилетки бросить «мирскую жизнь» и уйти «на гору» — в обитель, автором были только обозначены. Путь Анны обратно «в мир» в журнальном варианте в ряде мест был «облегчен», словно автор торопился привести поскорее героиню к намеченному исходу. Роман получил композиционную стройность, образ Анны — монахини Аллы — приобрел наконец ту многогранность, которой не хватало в журнальном варианте.

Итак, передовая доярка, девушка образованная и волевая, уходит в монастырь...

Почему автор выбрал этот конфликт, а не другой? Почему не худшая, не серая, не по наущению темных родителей?

Увы! Если бы в религию уходили только темные и слабые, борьба с религиозным сознанием и поиски истоков религиозного сознания не стали бы предметом художественного анализа.

История, спокойно, подробно и со знанием дела рассказанная Б. Яранцевым, достоверна и современна. Для критика, быть может, интересно сопоставить сюжет этого романа с сюжетом повести Тендрякова «Чрезвычайное». Нет, роман «Двери своего дома» не повторяет сюжета повести Тендрякова, но в центре обоих произведений —человек, кинувшийся в религию и отошедший от нее. Причины отхода разные. Разные итоги для героев. Разные потери. Для Анны этот второй перелом, быть может, страшнее первого, слишком многое потеряно, слишком много жизненных сил потрачено, слишком мало их осталось. И в этом — правда, которую забывает тот, кто готов приделать к рассказу о таких мучительных духовных исканиях счастливый конец.

Ни для кого подобный путь не бывает полезен, ибо жизнь не школа и не высшая школа, она забирает больше, чем дает.

Совместное путешествие с Семеном (Семен и Павла особенно удались автору) отбирает у Анны едва ли не последнее. Человек, дважды сжегший то, чему поклонялся, не может быть счастливым, если он действительно человек. Духовное одиночество, от которого бежала Анна, настигло ее на горе и будет преследовать дальше.

В отличие от многих произведений о религиозной жизни роман Б. Яранцева точен в деталях, в описании быта и нравов современной религиозной обители.

Однако главная заслуга автора не в точности деталей, не во внешней достоверности, а в самом рассказе о судьбе Анны, о судьбе человека, жаждущего духовной жизни и заблудившегося в поисках утоления этой жажды. Часто задают вопрос — чем же вредна религия? Судьба Анны — один из убедительных ответов на этот вопрос.

К. ИКРАМОВ

Новинки литературы

В. М. Агапов и **Т. А. Хакнарайнен.** ХУДОЖНИКИ НА ВАЛААМЕ. Изд. 2-е, испр. и доп. Петрозаводск, «Карелия», 1978, 44 стр. с илл., 30 000 экз., 45 коп.

Л. Н. Великович. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В США. М., «Наука», 1978, 143 стр., 32 800 экз., 65 коп.

И. Дубинский-Мухадзе. НАРИМАНОВ. М., «Молодая гвардия», 1978, 239 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 20 коп.

В. Иванов. КОСТРОМА. Изд. 2-е, доп. М., «Искусство», 1978, 223 стр. с илл., 50 000 экз., 1 руб. 50 коп.

Л. Корнеев. ВРАГИ МИРА И ПРОГРЕССА (публицистические очерки о происках международного сионизма). М., «Правда», 1978, 48 стр., 100 000 экз., 15 коп.

А. П. Кураитов и **Н. И. Стяжкин.** УИЛЬЯМ ОККАМ. М., «Мысль», 1978, 191 стр., 40 000 экз., 25 коп.

А. И. Мазаев. ПРАЗДНИК КАК СОЦИАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ. М., «Наука», 1978, 392 стр., 4850 экз., 2 руб. 20 коп.

С. И. Никишов. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ. М., Общ-во «Знание» РСФСР, 1978, 40 стр., 10 000 экз., 6 коп.

Д. Осборн. ПЬЕСЫ (в сборник вошла пьеса «Лютер»). Пер. с англ. М., «Искусство», 1978, 287 стр., 30 000 экз., 1 руб. 70 коп.

«РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ. Ашхабад, «Ылым», 1977, 186 стр., 2 600 экз., 1 руб. 50 коп.

Ф. Роузентал. ТОРЖЕСТВО ЗНАНИЯ. М., «Наука», 1978, 372 стр., 10 000 экз., 2 руб. 10 коп.

«СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ У НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА». М., «Наука», 1978, 215 стр., 10 500 экз., 1 руб.

«СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО. РУСЬ. ГРУЗИЯ». М., «Наука», 1978, 279 стр. с илл., 10 000 экз., 3 руб.

Э. Уайт и **Д. М. Браун.** ПЕРВЫЕ ЛЮДИ. Пер. с англ. М., «Мир», 1978, 156 стр. с илл., 2 руб. 60 коп.

В. Упітис. СТАРАЯ РИГА. Фотоальбом. Рига «Лиесма», 1978, 77 стр. с илл., 100 000 экз., 2 руб. 50 коп.

А. М. Фойгель. АТЕИСТИЧЕСКАЯ УБЕЖДЕННОСТЬ И ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ЧЕЛОВЕКА. М., Общ-во «Знание» РСФСР, 1978, 44 стр., 10 000 экз., 8 коп.

Взглянуть на мир и удивиться

Современные ритмы заставляют нас быстрее работать, быстрее мыслить и, в конечном счете, быстрее жить. Даже дети теперь растут быстрее, чем прежде. Однако чем больше мы ухитряемся экономить время, тем больше нам его не хватает. Но куда и зачем мы спешим?

Было время, когда подавляющее большинство людей никогда и никуда не спешили. Их жизнь, либо тяжелая и беспросветная, либо пустая и сонная, тянулась медленно и монотонно, как тянулись волы, запряженные в чумацкие возы, по летней полуденной степи. Спешить было некуда и незачем. Земная жизнь считалась лишь подготовкой к жизни небесной и потому дни ее и часы особенно не ценились. Ведь впереди была еще целая вечность! Куда же и зачем в таком случае спешить?

Теперь мы знаем, что жизнь у нас только одна и, увы, весьма короткая. И если мы в ней чего-то не успели, то уже не успеем никогда. А успеть нам надо многое, и чем больше удается сделать, тем заманчивее выглядит то, что сделать еще предстоит. Поэтому мы стараемся быстрее передвигаться, быстрее работать, быстрее читать и даже... быстрее отдыхать. Скорость стала символом нашего века, время — одной из главных его ценностей. Время — деньги, говорят на Западе. Время — это возможность еще глубже познать мир, сделать что-то очень необходимое, открыть что-то ранее неизвестное, говорим мы. Но каждая медаль имеет оборотную сторону... В погоне за ускользающим временем наш взгляд на мир, на людей, на окружающую нас жизнь может стать порой беглым, мимолетным, поверхностным... Тогда жизнь начнет приобретать в нашем представлении очертания гаревой дорожки. И вот здесь-то самое время остановиться, оглядеться и... удивиться. Удивиться красоте мира, яркости его красок, сочности и многообразию жизни. Увидеть, как говорил писатель, необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном.

Есть люди, осмысливающие мир и показывающие его нам, если можно так выразиться, по долгу избранной профессии. Это художники, писатели, композиторы — люди искусства. И, казалось бы, гении человечества создали уже столько неповторимых шедевров, что на внимательное знакомство с ними не хватит человеческой жизни — смотри, любуйся, постигай. Но если разобраться, то в душе каждого человека тоже живет Художник. Ему мало получать удовольствие от чужих произведений, у него есть потребность как-то выразить языком искусства свое — личное отношение к действительности. Остановившись в своем стремительном беге, взглянув на мир и восхитившись его уже почти забытой в лихорадке дел и забот красотой, человек сочиняет песню, пишет стихи или прозу, рисует, увлекается танцем... Он и сам понимает, что вряд ли это будет шедевром, что даже посредственный профессионал сделает гораздо лучше — правильнее, грамотнее, совершеннее. Но мир переполняет его, и он не может не петь, не писать, не рисовать...

В нашей стране самодеятельным художественным творчеством занимаются миллионы людей. И все время между любителями и профессионалами идет как бы негласный творческий спор, отголоски которого выплескиваются иной раз на страницы газет и журналов. Трудно сказать, кто и насколько прав в этих спорах, но одно несомненно — самодеятельное художественное творчество в основной своей массе чрезвычайно искренне, глубоко правдиво во всех своих проявлениях. Оно может и ошибаться, может быть примитивным и каким-то угловато-неумелым, но все это от поиска, от стремления осмыслить мир, от желания искренне, от души показать те грани действительности, на которых как бы споткнулся взгляд самодеятельного художника, открыв в их обыденности черты прекрасного и неожиданного.

Конечно, восприятие и выражение действительности у художника профессионального может быть глубже и богаче, да и мастерство выше, чем у художника самодеятельного (разумеется, если и тот и другой талантливы). Зато мир самодеятельных художников гораздо многообразнее и ярче по охвату, чем профессиональных.

Глядя на этот мир, мы постигаем не только то, что хотели они показать нам, но сквозь их отношение к действительности лучше понимаем их собственный духовный мир — обыденный и одновременно многогранный, столь доверчиво распахнутый в своей обнаженной искренности и подлинности, что невозможно пройти мимо, не остановившись, не удивившись. А именно с удивления и начинается подлинное познание мира, размышления над смыслом и сутью нашего бытия...

А. ДЫМОВ

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

АЛЕННИК Энна Михайловна — член Союза писателей СССР, автор книг «Далекое путешествие», «Журавленко и мы», «Мы жили по соседству», «Анастасия». Повесть «Анастасия», в сокращении под названием «Великий пост» была опубликована в нашем журнале в 1969—1970 гг.

ЛАВРИК Элла Григорьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР. Специализируется на исследовании проблем новейшей истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений. Автор ряда статей по этим вопросам в научных сборниках и журналах. В «Науке и религии» выступает впервые.

КУРПАКОВА Любовь Павловна — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Специализируется на исследовании христианского социализма. Автор книги «Левый христианский социализм: идеология и политика» (М., 1977) и ряда статей в научных сборниках и журналах, в том числе и в «Науке и религии».

Сдано в набор 17. 07. 78.
Подписано к печати 30. 08. 78.
А 05314.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10.
Учетно-издательских листов — 14,08.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 03541.
Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.
Ордена Ленина
комбинат печати
издательства
«Радянська Україна».
г. Киев, Брест-Литовский
проспект, 94.

А. Зимин (г. Уфа). Осень.

Г. Бессмертный (Калининград). Встреча рыбаков.

Т. Еленок (Москва). Летающий пролетарий.

Ю. Шабанин (г. Караганда). Обогатительная фабрика.

А. Трушин (Москва). Мальчик с котенком.

В. Скопич (Киевская область). Цветы — дети мои.

Цена 30 коп.
70602